

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вестник
КАЛМЫЦКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1(57)/2023

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

ISSN 1995-0713

Основан в 2006 году
Периодичность выхода 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»

№1(57) 2023

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»
ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации
(по состоянию на 08.02.2023).

Группы научных специальностей:

5.6.1 – Отечественная история (исторические науки), 5.6.3 – Археология (исторические науки), 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки), 5.7.8 – Философская антропология, философия культуры (философские науки), 5.7.9 – Философия религии и религиоведение (философские науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Редакционный совет:

д-р биол. наук *Б.К. Салаев* (председатель); д-р экон. наук, проф. *Э.И. Мантаева* (зам. председателя); канд. пед. наук, доц. *З.Б. Доржинова* (ред. англ.); канд. пед. наук *Э.В. Эрдниева* (отв. секретарь).

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *В.Б. Убушаев* (гл. редактор); д-р филос. наук, проф. *В.Н. Бадмаев* (зам. гл. редактора); д-р филол. наук, проф. *Т.С. Есенова* (зам. гл. редактора); д-р ист. наук, проф., академик РАН *Х.А. Амирханов*; д-р ист. наук, проф., академик НАН РК *Б.А. Байтанаев*; д-р филол. наук, проф. *П.Ц. Биткеев*; д-р филос. наук, проф. *З.Т. Голенкова*; д-р филос. наук, проф. *Г.В. Драч*; д-р филол. наук, проф., член-корр. РАН *А.В. Дыбо*; д-р филос. наук, проф. *З.Н. Исмагамбетова*; д-р ист. наук, проф. *М.Е. Колесникова*; д-р ист. наук *П.М. Кольцов*; д-р ист. наук, проф. *А.Н. Команджаев*; д-р филол. наук, проф. *Г.Ц. Пюрбеев*; д-р филол. наук, доц. *Г.В. Файзиева*; д-р филос. наук *М.С. Уланов*; д-р филол. наук, проф. *Е.Э. Хабунова*; д-р ист. наук, проф. *А.В. Цюрюмов*.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

BULLETIN OF KALMYK UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

ISSN 1995-0713

The journal was founded in 2006
The journal is issued four times a year

Founder:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov”

№1(57) 2023

This peer-reviewed journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (as of February 8, 2023).

Branches of science:

5.6.1 – History of Russia (historical sciences), 5.6.3 – Archeology (historical sciences), 5.7.7 – Social and political philosophy (philosophical sciences), 5.7.8 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences), 5.7.9 – Philosophy of religion and religious studies (philosophical sciences), 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences), 5.9.8 – Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Editorial board:

Doctor of Biological Science *B.K. Salaev* (Chairman); Doctor of Economics, Professor *E.I. Mantaeva* (Deputy Chairman); Candidate of Pedagogics, Assistant Professor *Z.B. Dorzhinova* (English version); Candidate of Pedagogics *E.V. Erdnieva* (executive secretary).

Editorial council members:

Doctor of History, Professor *V.B. Ubushaev* (Editor-in-Chief); Doctor of Philosophy, Professor *V.N. Badmaev* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of Philology, Professor *T.S. Esenova* (Deputy Editor-in Chief); Doctor of History, Professor, Member of the Russian Academy of Science *H.A. Amirchanov*; Doctor of History, Professor, Member of the Academy of the National Academy of Science of the Republic of Kazakhstan *B.A. Baitanaev*; Doctor of Philology, Professor *P.Ts. Bitkeev*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.T. Golenkova*; Doctor of Philosophy, Professor *G.V. Drach*; Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Science *A.V. Dybo*; Doctor of Philosophy, Professor *Z.N. Ismagambetova*; Doctor of History, Professor *M.E. Kolesnikova*; Doctor of History, Professor *P.M. Koltsov*; Doctor of History, Professor *A.N. Komandjaev*; Doctor of Philology, Professor *G.Ts. Pyurbeev*; Doctor of Philology, Assistant Professor *G.V. Fayzieva*; Doctor of Philosophy, Professor *M.S. Ulanov*; Doctor of Philology, Professor *E.E. Habunova*; Doctor of History, Professor *A.V. Tsyuryumov*.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Батырева С.Г., Батырева К.П.

Искусство Калмыкии в призме исторической памяти
(на материале произведений Гаря Рокчинского 1940–1950-х гг.).....6

Кышпанакоев В.А.

Численность, состав и размещение калмыков
по федеральным округам России (2010–2020 гг.).....16

Надбитов Р.К., Хохолкина Л.К.

К вопросу о территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао).....27

Цюрюмов А.В.

Калмыцкое ханство в системе международных отношений
в первые годы правления наместника Убаши 34

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грушевская Т.М., Ампилян А.Г.

Вербализация концепта «образование»
во французской и русской лингвокультурах.....42

Корнеева А.Х.

Русские, калмыцкие и китайские названия животных и птиц
в топонимии Республики Калмыкия и Китайской Народной Республики.....49

Лыскова И.В., Файзиева Г.В.

Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике.....59

Петешова О.В., Семёнова Е.П.

Историко-лингвистический анализ ойконимов Калининградской области.....66

Середа Е.А., Ефремова М.П.

Адаптация культуронимов при переводе художественных текстов.....74

Шатохина Г.Н.

Языковые средства выражения предостережения в новозаветных текстах
(на материале английского языка).....82

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гулевская Н.А., Гулевский А.Н.

Война и прогресс: диалектика взаимодействия.....90

<i>Джеваков З.М.</i> Культурно-конфессиональные аспекты безопасности Российского государства.....	97
<i>Дмитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А.</i> Утопия как проект альтернативных возможностей социального развития.....	103
<i>Лиджиева Е.Н.</i> «Три основы пути» как система духовно-нравственных ценностей буддизма	110
<i>Равочкин Н.Н.</i> Трансформация ценностей в эпоху цифровизации.....	116
<i>Четырова Л.Б., Четыров У.Б.</i> Имперский миф народности и его пропаганда с помощью почтовых открыток	125
<i>Эрдниева Б.Д.</i> Понимание справедливости в культурно-философском контексте Древнего Китая	133
CONTENTS.....	148

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

С.Г. Батырева¹, К.П. Батырева²

¹Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

²Колледж искусств им. П.О. Чонкушова

ИСКУССТВО КАЛМЫКИИ В ПРИЗМЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГАРЯ РОКЧИНСКОГО 1940-1950-х гг.)

Исследование посвящено депортационной вехе изобразительного искусства Калмыкии 1940–1950-х гг. Обращение к теме обусловлено научным интересом к малоисследованной сфере и во многом осложнено отсутствием документального и художественного материала данного периода. Предметом изучения рассматривается творческое наследие народного художника РСФСР Гаря Рокчинского (1923-1993), а именно живопись и графика 1940-1950-х гг., созданные автором в Широклаге и во время учебы и работы в Казахстане. Материал исследования: произведения, хранимые в Казахской государственной картинной галерее им. Т.Г. Шевченко и Национальном музее Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова, а также представленные в собрании семьи художника. В историко-культурном подходе исследования рассмотрено раннее творчество автора, генерирующее в дальнейшем создание основополагающих произведений искусства Калмыкии 1960-1990-х гг. В междисциплинарном анализе художественных образов проецируется историческая память и этническое самосознание личности, объясняющие органичную целостность творчества. Введение в научный оборот неизвестных произведений актуально и представляет новизну исследования. В образах выявлена этнокультурная доминанта довоенной культуры: фольклор одухотворяет этническое мировидение автора. Оно объединяет ссыльный и постдепортационный периоды его деятельности, обуславливая непрерывность художественного процесса. Калмыцкое искусство середины и вт. пол. XX в., активизируемое исторической памятью общества, проецирует этнокультурную идентичность личности как фактор самосознания культуры. Это дает основание рассматривать творчество Г.О. Рокчинского 1940-1950-х гг. вкладом, восполняющим исторические пробелы в развитии изобразительного искусства Калмыкии XX в.

Ключевые слова: калмыки, историческая память и творчество, этнокультурная идентичность личности, депортация, Широклаг, Казахстан, изобразительное искусство.

S.G. Batyreva¹, K.P. Batyreva²

¹Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

²College of Arts named after P.O. Chonkushov

THE ART OF KALMYKIA IN THE PRISM OF THE HISTORICAL MEMORY (BASED ON THE WORKS OF GARYA ROKCHINSKY IN THE 1940s-1950s)

The study of the art of the deportation time is realized in the appeal to the origins of the creative heritage of the People's Artist of the RSFSR Garya Rokchinsky (1923-1993). The subject of the research is the works of painting and graphics of the 1940-1950s, created in Shiroklag and during his studies and work in Kazakhstan. Research material: works that took thirteen years of deportation of the people (1943-1956), which are in the Kazakh State Picture Gallery named after T.G. Shevchenko, the National Museum of the Republic of Kalmykia named after N.N. Palmov, in private collections and the collection of the artist's family. The goal is to identify the prerequisites and ideological foundations of creative activity, which was continued in the author's works which became classics of the fine arts of Kalmykia in the 1960-1990s. In the historical and cultural interdisciplinary approach, an attempt

is made to characterize the inner world of the individual in the prism of deportation, which is the relevance and novelty of the study. The analysis of artistic images is carried out in the application of the methods of ethnopsychology, philosophy and cultural studies of creativity, which projects the author's traditional worldview and ethnic self-consciousness, formed by the ethnocultural dominant of the pre-war art of Kalmykia. The introduction into the scientific circulation of works that were not the subject of the study allows us to consider the thematic spectrum of the early work of the People's Artist of the RSFSR G.O. Rokchinsky. Ethnocultural dominant of pre-war period, found in the works of 1940-1950s, has been further developed in the Kalmyk fine arts of the 1960s-1990s. The deportation and post-deportation periods of art are united in the creativity, generating the traditional worldview. The continuity of the artistic process was activated by the figurative memory in the condition of deportation. Ethnocultural identity of the personality as a factor of self-awareness of culture gives ground to consider Rokchinsky's works of the 1940-1950s as the creative contribution filling up for the historical gaps in the fine arts of Kalmykia of the XX century.

Key words: *Kalmyk people, historical memory, ethnocultural identity of creative personality, deportation, Shiroklag, Kazakhstan, Kalmyk art.*

Довоенное искусство Калмыкии 1930-х гг. формировалось в синтезе фольклорной традиции культурного наследия и воспринятых в социалистическом строительстве реалистических основ изображения. Выставка произведений, открытая к празднованию 500-летия калмыцкого героического эпоса «Джангар» 1940 года, явилась важнейшим событием культуры довоенной эпохи [2, с. 19–26; 25]. С упразднением автономии республики становление и развитие национального искусства прерывается в ссылке калмыков в Сибирь (1943–1956). Произведения художников-профессионалов и других авторов 1930–1940-х гг. оказываются утраченными в перипетиях войны и депортации народа. Лишь часть архивного материала и произведений, сохраняемых в семьях депортированных, дают возможность получить представление об искусстве этого времени.

Произведения, созданные в юности и молодости Г.О. Рокчинским, пришлось на довоенный период и 1940–1950-е гг., проведенные в Широклаге и Казахстане. Начало творческой деятельности автора охватывает во многом неизученный пласт калмыцкой художественной культуры и искусства. В статье рассматривается материал из семейного собрания, сохраняющего произведения депортационного времени, созданные за пределами Калмыкии. Этими обстоятельствами объясняется отсутствие источников по исследуемой проблеме, впервые поднятой в публикации С.Батыревой [4], освещающей период 1944–1947 гг.

Данная статья продолжает исследование, восполняющее пробелы истории культуры Калмыкии 1940–1950 гг. Авторами выдвигается гипотеза ссыльного периода творчества художника как органичной предтечи появления его произведений, основополагающих в калмыцком искусстве 1960–1990-х гг. Ключевой проблемой является возможность детально рассмотреть формирование этнической самоидентификации творческой личности. Оно выражается в портретах воинов-земляков в Широклаге Пермской области, объемлет образы и тематику произведений, появляющихся во время учебы в Алма-Атинском театральном-художественном училище имени Н.В. Гоголя и далее в профессиональной деятельности.

В исследовании опираемся на архивные источники РГАЛИ [19] и семьи художника [1], справочные материалы [20–21] и свидетельства, помещенные в сборнике сообщений Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства» 2013 г. [15], касающиеся данной темы. Анализ произведений ссыльного периода

объемлет процесс становления и формирования творческой личности. Созданные образы графики и живописи сохраняют историческую и образную память народа, далее воплощаемые по возвращении на родину в произведениях, ставших классикой изобразительного искусства Калмыкии 1960–1990-х гг.

Целью и задачами исследования является историческая реконструкция указанного периода культуры в описании и анализе произведений искусства. В междисциплинарном подходе изучения, синтезирующем методологические основы истории, искусствознания, культурологии и философии, авторы рассматривают искусство в системе культуры и, в частности, как этнокультурное явление, сохраняющее и выражающее этническое самосознание общества. Образное мировидение творческой личности традиционно определяет историческую парадигму развития культуры, прослеживаемую в изобразительном искусстве. В изучении художественного процесса исходим из этой проекции отечественных исследований, включающей искусство в социально-культурную сферу XX в. В анализе произведений ориентируемся на понимание культуры как способа бытия человека, искусства как «подсистемы и образной модели», «самосознания культуры» и «этнокультурного явления» [10, с. 4, 6–22; 24, с. 85–92; 23, с. 41–47]. Опираясь на доступные нашему вниманию документы и материалы, попытаемся пройти творческий путь автора, заполняя белые пятна в малоизученной летописи искусства депортации.

Автономная республика в 1930-е гг. жила, строя новое общество, активно воспринимая новации культуры социализма во всех сферах бытия и, в частности, в изобразительном искусстве. Особенностью художественного процесса было сохранение мощного фольклорного пласта культуры в творческой жизни общества. Народный художник СССР В.А. Фаворский, первый иллюстратор калмыцкого героического эпоса [6], знакомясь с культурой народа, с удивлением отмечал: «Джангар» знали (наизусть – С.Б.) все, прослеживая свои родословные от эпических богатырей...» [16, с. 61–62; 95–99]. Образы их воплощались в литературе и театральном искусстве Калмыкии 1940 г., готовящейся торжественно отпраздновать 500-летие эпоса «Джангар». Эпическим духом была проникнута юбилейная выставка произведений калмыцких художников И.С. Нухаева, Р.Н. Богославского, Л.Э. Очирова, Н.С. Фатова и московских авторов, среди которых, кроме В.А. Фаворского, были Г.А. Ечеистов, Н.В. Фаворский, Л.И. Аронов, командированные в республику в 1939–1940 гг. с целью содействия работе молодого Союза художников Калмыкии [25].

В этой творческой атмосфере проводится республиканский конкурс на лучший рисунок среди подрастающего поколения. Юный Гаря Рокчинский, ученик средней школы № 1 г. Элисты, увлекающийся рисованием, становится его победителем. Фотография «Гарик рисует Пушкина» хранится ныне в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, Москва). «Отголоском социалистической эпохи довоенного строительства в республике является снимок 1937 г., сделанный А. В. Шишкиным (1899–1985), фотокорреспондентом журнала «Крестьянка». Оригинал снимка на обороте несет надпись (возможно, рукой фотографа): «Образцовая школа 10-летка в г. Элиста Калмыцкой АССР. Рокчинский Гаря к Пушкинским дням нарисовал портрет Пушкина – взрослого, в детстве, в саду, в Крыму и другие», – пишет исследователь Г. Нунова [17, с. 85–88; 1]. Первые успехи одаренного подростка зародили мечту рисовать, стать профессиональным художником. В мыслях и чувствах, устремленных в будущее, происходит формирование творческой личности в довоенное время и далее – в испытаниях депортацией (1943–1956).

Необычную для калмыка фамилию будущий художник получает от отца Оле Лиджиева-Рокчинского, известного общественного деятеля и ученого-селекционера. Получив высшее образование в Академии сельского хозяйства им. В. Тимирязева, он занимался племенным разведением крупного рогатого скота калмыцкой породы. Принадлежал роду *барун анг оркчихи торл*, обозначение рода на европейский лад в фамилии отца перешло к сыну.

В предвоенное время молодой Гаря Рокчинский после окончания Астраханского речного техникума становится курсантом и выпускником Батайской авиационной школы им. В. Серова. В армию был призван Сталинским районным комиссариатом г. Астрахани в 1941 г. и отозван в 1944 году. Он был сослан со многими другими военнотружущими-калмыками, снятыми с фронтов Великой Отечественной войны, на строительство Широковской ГЭС, оказавшись в лагере 16 апреля 1944 г. В ссылке 1943–1956 гг. немногочисленный народ был рассеян на огромной территории бывшего Союза от Камчатки до республик Средней Азии и Казахстана. В течение тринадцати лет депортации не было упраздненной автономии республики и вместе с этим – культуры и искусства Калмыкии.

Условия в лагере НКВД стали временем испытаний для юноши, многие не выдержали тягот холода и голода, непосильного труда в каменоломнях Пермской области. Умение рисовать нашло применение в написании и оформлении лозунгов «социалистического труда во благо советской родины». На рубеже веков еще были живы представители старшего поколения, прошедшие Широлаг и помнящие молодого художника, писавшего не только «агитки», но и портреты соплеменников. Сохранились созданные им образы калмыков-военнотружущих, среди них портрет сержанта времен Великой Отечественной войны Емченова Алексея Даржиновича (12.01.1911–30.01.1947 гг.), окончившего войну в звании гвардии старшего лейтенанта, замполита. История другого рисунка прозвучала на конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства» [15] в 2013 году. «В семье фронтовика, депутата областного совета трудящихся Калмыцкой автономной области (1957–1959 гг.), бережно хранится портрет молодого калмыка в военном френче – Эренджена Нохашкиевича Убушиева (1919–1988). Его супруге и сыну было адресовано письмо с портретом времени военного лихолетья. Рядовой 112 Армейского Запасного стрелкового полка Карельского фронта, с 24 июня 1941 по 15 ноября 1944 года входившего в состав Действующей армии, в 1944 году вместе с другими фронтовиками оказался в Широклаге» [22, с. 108–111].

Во время подготовки юбилейной выставки художника в 2013 году была обнаружена его фотография с надписью на обороте *Широлаг*, датированная 1944 годом. Совсем молодой Гаря Рокчинский снят в солдатской гимнастерке и пилотке, «фотография уникальная, не известная членам его семьи». «По прошествии времени материалы по Широклагу в Национальном музее РК им. Н.Пальмова дополняются новым экспонатом. Небольшой рисунок несет изображение девушки-калмычки в военной форме с подписью автора «Г. О. Рокчинский». Софья Николаевна Онджинова, 1924 года рождения, служила в войсках противовоздушной обороны, награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Несмотря на это, она оказывается в Широклаге... рисунок 66 лет вместе с фотографией художника бережно хранится в архиве Софьи Николаевны среди военных документов» [11, с. 209–211]. Калмыки-фронтовики, отбывавшие по национальной принадлежности ссылку в трудовом лагере, несмотря на тяжкие условия, относились с уважением и заботой друг о друге, сохраняя веру в добро и справедливость.

По этим произведениям можно прочесть, чем жил юноша, как и многие калмыки, чаявший о справедливом будущем для народа. Воспитанный традициями национальной культуры, он видел в военнопленных потомков эпических богатырей, призванных защищать Отчизну. В поисках одаренной личности, во многом интуитивных, согретых образной памятью предков, живет этническое самосознание. Оно прорастает, генерируя прерванный художественный процесс, начатый в довоенной Калмыкии, заставляет автора поверить в свои творческие силы. Исполненные им портреты давали надежду, сохраняя в правдивом изображении честь и достоинство людей, огульно объявленных *врагами народа*. В портретах «мы видим не униженного лагерного «зэка», а военных, твердо верящих в торжество справедливости. В образе солдата Красной Армии показан достойный сын народа, который на протяжении веков истории неоднократно подтверждал служение России. В карандашном наброске, сделанном в короткие минуты отдыха, запечатлена ... страница не только истории семьи» [22, с. 110–111], но и целого поколения народа.

По прошествии четверти века после ухода из жизни художника обнаруживаются неизвестные портреты фронтовиков, часто сопровождаемые словом «ПАМЯТЬ». Датировка рисунков – 1944 год, место создания – Широлаг, Молотовская область РСФСР, СССР. Выполненные графитовым карандашом на бумаге из тетради, представляют образы ссыльных воинов-калмыков, строителей Широковской ГЭС, оказавшихся в трудовом лагере здесь по распоряжению начальника VIII Управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенанта И.В. Смородинова от 8 января 1944 года – «о демобилизации военнослужащих калмыков из рядов Красной Армии». Начало трагическим событиям в истории народа было положено депортацией калмыков в Сибирь, продлившейся тринадцать лет (1943–1956 гг.).

Жизнь во имя будущего имела продолжение после Широлага, свидетельство тому – живописное произведение художника, написанное на холсте маслом в 1947 году, место создания: Новосибирская область, с. Казанка Андреевского района. Это парный портрет молодой супружеской четы Елизаветы и Нармы Башанкаевых – круглолицей калмычки с открытым выражением гладко причесанного лица и молодого офицера-лейтенанта войск связи. На груди его две медали, одна из них – за оборону Сталинграда. Фоном служит зеленая листва, «размытая» в исполнении к краям произведения, внизу авторская подпись «Гарри. 1947», вдавленная пером по сырому красочному слою холста [4, с. 48]. От живописи исходит ощущение молодости, ясного и оптимистичного взгляда на жизнь, уверенности. Творческие возможности автора получают дальнейшее развитие, свидетельствуя о его растущем мастерстве.

Исторический и художественный интерес представляют ранние произведения Г.О. Рокчинского. Светлое мифопоэтическое мировидение, «генетическая память предков», дарует автору «мужество быть самим собой» [8, с. 31], находя отклик в сердцах современников. Образы ссыльных калмыков, запечатленные рукой молодого автора, до сих пор хранятся в семьях как реликвии военного времени. Презентация произведений имеет спонтанный характер в отсутствии их целенаправленных поисков. Происходит это как бы случайно, проявляясь в воспоминаниях немногочисленных современников тех событий и, чаще всего, в свидетельствах их потомков, подтверждаемых оригиналами произведений из семейных архивов.

Творчеством наполнено время испытаний, ставшее предтечей будущих достижений автора в искусстве. Вместе с семьей он переезжает в Казахстан, где получает художественное образование в 1950-е гг. Жизнь в депортации окрашена самосознанием личности, сохраняющей историческую память. Оценивая этот период, автор Г.В. Нурова

пишет: «Известный исследователь-джангаровед А. Ш. Кичиков подчеркивал важность правды (знания жизни, уклада бытия) как основы для творческого самовыражения, достоверности изображаемого и часто добавлял: «смотри Рокчинского» [13, с. 8]. И невозможно сказать лаконичнее и яснее, чем сказал он: «Кто не учился у Рокчинского при жизни, тому остается одно: учиться у его творческого наследия..., сохраняющего ядро традиционной культуры народа. Не была до конца перерезана пуповина, связывающая народ с истоками... прекрасным запомнился мир калмыцкой культуры художнику, наполняя силой самобытное творчество, питая на многие долгие годы вперед» [17, с. 88].

1950-е гг. – период учебы в Алма-Атинском театральном-художественном училище имени Н.В. Гоголя, которое он блестяще оканчивает в 1953 году. Находясь в депортации, не был удостоен красного диплома, несмотря на отличные оценки по всем предметам. Учился Гаря Рокчинский с огромным желанием познать и овладеть профессиональными азами творчества. Рассматривая обширный материал его живописи и графики из семейного собрания, удивляешься тематическому разнообразию сюжетов, выполненных карандашом и акварелью, маслом на холсте. Пластическая проработка обнаженной натуры как основы реалистического изображения, пейзажные и анималистические этюды, композиционные наброски, портретные изображения натуращиков, студентов и преподавателей, друзей и просто современников, семейные зарисовки составляют содержание его творчества. Среди них образ супруги, запечатленный в различные моменты жизни, связанные с рождением и воспитанием детей, домашними делами и занятиями в школе молодой учительницы. В разработке эмоционального состояния портретных образов зримо явлено высокопрофессиональное владение штрихом и линейной рисунком в разнообразии приемов исполнения, заложенное в алма-атинский период.

В работах 1950-х гг. обнаруживаем эскиз тематической картины под названием «Олимпиада 1940-х гг. в Элисте» в отображении юношеских впечатлений довоенного времени. Центром ее является сцена национальной борьбы на фоне кибитки и строений в окружении людей и всадников, впоследствии развитая им в ярусной многофигурной композиции «Джангарчи Ээлян Овла» (1969). Владение академическим рисунком, проработанное в многочисленных студиях, реализовано впоследствии на родине: композициях исторического жанра и портретных образах. Родные мотивы, знакомые с детства, изображены в портрете бабушки, ставшей прообразом известных картин «Мать-земля родная» (1964) и «Бабушка с внуком» (1967). Образ девушки-калмычки с тюльпанами продолжен в портретном ряду женских портретов 1970–1980-е гг. В этюде с калмыцкой кожаной борткой на решетчатом фоне кибитки и предметами традиционного быта видим истоки его светносных живописных натюрмортов, а в рисунке всадника, оседлавшего барана, – образ весельчака Кееди (1961–1963), героя калмыцкого фольклора, созданного в малой пластике национального сувенира. Карандашные и акварельные зарисовки чабана в степи с старой овце, всадников нашли многовариантное воплощение в живописных сериях «Труженики земли калмыцкой» и «По родному краю» (1970-е гг.), созданных автором уже на родине.

Не случайно в казахстанских студиях анималистического жанра особое место отведено лошади в детальном воспроизведении анатомии и всех нюансов движения – аллюра, галопа, рыси... В эпических мотивах произведений образ калмыцкого богатыря немислим без животного, знакового в культуре номадов. Гимн лошади воплощен в известном полотне «Укрощение» (1967), развернуто звучит в портрете богатыря «Баатр» (1990), показанного на фоне гор Алтая, этнической прародины калмыков.

Многообразна в замыслах творческая лаборатория художника 1950-х гг., определившая мощную струю его живописи 1960–1990-х гг. в возрожденческом пафосе искусства Калмыкии вт. пол. XX в.

В атмосфере послевоенного времени происходило профессиональное становление живописца Гаря Рокчинского. Казахстан в этот период является средоточием художественных тенденций, принесенных из культурных центров страны творческой интеллигенцией, эвакуированной из Москвы и Ленинграда. Оставшиеся в Алма-Ате после войны образуют и формируют художественный потенциал республики. Учителями были профессор А.М. Черкасский, талантливые живописцы-выпускники училища С.А. Мамбеев и К.Т. Тельжанов. Впоследствии С.А. Мамбеев, председатель Союза художников Казахстана, подписывая живописцу сопроводительное письмо и творческую характеристику в 1961 г. перед выездом в Калмыкию, указывает «о необходимости создать талантливому художнику Г. Рокчинскому на родине условия для работы» [1].

Портреты его друзей и преподавателей студенческих лет, художников, составлявших круг творческого общения в Алма-Ате и доме творчества «Паланга», работы, созданные на пленэре в горах Алатау, – произведения 1950-х гг. Появление их сопровождала актуальная для того времени тема казахстанской целины, ее освоения. Дипломная работа «Ученые у животноводов» (1953), посвященная памяти отца-селекционера, имела продолжение в произведениях «Зарождение целинного совхоза», «Утро на целине», а также портретах «Дочь чабана», «Электросварщики», достойно представляющих искусство советского Казахстана [12].

Близки по духу портретной графике 1950-х гг. образы коллег, созданные позже на творческой даче «Академическая» (1983) и отмеченные зрелым мастерством владения контурного рисунка фломастером. Натурные зарисовки Балтийского моря 1958 г, а также портреты и композиции с изображением рыбаков карандашом и акварелью имели продолжение в создании монументального произведения «Рыбаки Калмыкии» (1967) на родине [5, с. 3]. Замысел полотна, живописного гимна природе и труду, уходит истоками в казахстанский период, являя жизнеутверждающий дух изобразительного искусства Калмыкии вт. пол. XX в.

Многоцветная палитра художника тонко фиксирует меняющийся в череде состояний мир. Близки импрессионистическому видению произведения, созданные в полевых условиях. Этюды отмечены сочной нюансировкой цвета, его тональных отношений в игре солнечных бликов на лицах людей и горном ландшафте в «Уйгурских мотивах» и живописной серии «Алатау». Работы составили тематическую экспозицию «Мой Казахстан» на родине (Выставочный зал Элистинского лицея, 1996). Творческие достижения автора представляют произведения рубежа 1950–1960-х гг.: «Рыбак из Балтии», «Балерина», «Горы после дождя», «Алма-Атинский мотив», «Запах снега», впоследствии вошедшие в собрание Национального музея РК им. Н.Н. Пальмова.

Работа на пленэре в горах Казахстана заложила основу самобытного колорита, совершенствуемого на творческих дачах «Горячий ключ» в Краснодарском крае, «Академическая» в средней полосе России и, конечно, в степных просторах Калмыкии 1960–1970-х гг. Серии произведений «По родному краю» и «Труженики земли калмыцкой» [3, с.67] являются органичным продолжением казахстанских образов «Дочь чабана», «Казах», «Председатель колхоза», «Электросварщики» «Балерина» и пейзажей «На перевале», «Целина», «Алма-Ата I». Произведения рубежа 1950–1960-х гг. объединяет образное мировидение калмыцкого художника, разрабатывающего характерные особенности сюжетов тематического многообразия. Создание многожанровой

графики и живописи происходит в процессе формирования и развития творческой личности художника. Тематика и содержание произведений, появляющихся в Широклаге и Казахстане, получают развернутое и глубокое претворение на родине.

Творческая деятельность генерирует постдепортационное возрождение искусства Калмыкии 1960–1970-х и 1980–1990-х гг. Одухотворено национальным самосознанием создание монументальных образов Г. Рокчинского: «Мать-земля родная (1964) и «Джангарчи Ээлян Овла» (1969), серии «Песнь о Монголии», эпического цикла «Джангариада» [7, с. 2–3; 30–33; 9, с. 550]. Сохраняющейся доминантой довоенного, ссыльного и постдепортационного периодов жизнедеятельности художника является эпический пласт наследия [3, с. 18–33], реализованный в произведениях 1960–1990-х гг., составляющих ныне классику калмыцкого искусства XX в.

Необыкновенную работоспособность автора представляют замыслы, создаваемые карандашом на бумаге во множестве вариаций. Совершенство художественной формы достигается в разработке образа Данилы-мастера по мотивам произведений П. Бажова. Поэзия уральских сказов, созвучная мифопоэзии калмыцкого народного эпоса, занимала его творческое воображение. В созидательной деятельности представлен образ Данилы, пылливо и заворожено всматривающегося в переливающуюся многоцветьем горную породу. Из нее будет создан каменный цветок как символ творческих возможностей человека. В гармонии его взаимосвязей со средой спроецировано традиционное мировидение автора, показывающего не покорение, а процесс одухотворения Природы. Тема имеет продолжение в полифонии самобытного колорита выдающегося произведения, представляющего образ поющего джангарчи Ээлян Овлы (1969), творца и поэта, в этнической картине Мира.

Творчество как процесс созидания – особая тема автора – органично воплощена в портрете скрипача Никколо Паганини рубежа 1950–1960-х гг. Образ трактуется во множестве композиций: вытянутой по горизонтали – с акцентом на лице и руках музыканта – или данной в полный рост по вертикали. Сложный внутренний мир гения раскрыт в гармоничном состоянии музыканта, выплеснувшего и укротившего силой духа энергию созидания. Автор с увлечением изучает психологию творчества как основу своей деятельности. В сложном процессе самопознания он запечатлевает себя в автопортрете, характерном приподнято-эмоциональным строем живописи 1950-х гг. в движении от фиксации внешнего облика к тончайшей психологической разработке образа 1970-х гг. Перед нами зрелая личность, знающая жизнь и цену вдохновению, видящая в творчестве высокое предназначение художника.

Живя и работая в Казахстане, он считает его второй родиной в своем профессиональном становлении. В Алма-Ате состоялась его первая персональная выставка, имевшая заслуженный успех у зрителей, ряд произведений вошел в собрание Казахской государственной картинной галереи имени Т.Г. Шевченко. Здесь он вступает в члены Союза художников СССР, в 1958 году участвует в работе V съезда художников республики и затем в Декаде литературы и искусства Казахстана в Москве [12, с. 37]. Его работы экспонируются в Кремлевском дворце съездов, о произведении «Целина» восторженно пишет народный поэт Калмыкии Д.Н. Кугультинов в статье «Картина Гаря Рокчинского в Кремле»: «Эмоционально написанная фигура целинника, стоящего на фоне бескрайних, необозримых степей, дает произведению героическое звучание... Обилие солнечного тепла и света... Высокая поэзия труда, дающего людям радость и счастье, достойно передана кистью художника. Безупречна техника масляной живописи. Тонкие цветовые нюансы, общий колорит картины выражают

настроение автора. Его умение красками передать движение жизни. Единство природы и человека труда... Только человек, родившийся в степи и полюбивший ее как родной сын, мог создать тот великолепный пейзаж...» [14, с. 122–123]. Добавим: исполненный величайшей любви к родной земле, позволившей ему в драматических коллизиях жизни стать калмыцким художником.

Этапные в обретении этнической идентичности работы несут глубинное осмысление искусства как духовной сути культуры. Искусство – самосознание культуры, живущей идеей возрождения. Тысячами нитей связанное с культурным наследием народа творчество автора реализуется в образах рубежа 1950–1960 гг., размывающих границы Казахстана и Калмыкии. Анализ ранних произведений дает возможность предугадать и объяснить появление известных образов калмыцкого изобразительного искусства второй половины XX в. Едино пространство и время творческого пути, условно дифференцируемые на 1940–1950-е и 1960–1990-е годы, одухотворяемые этнической идентичностью художника.

Полученные в ходе исследования *результаты* восполняют белые пятна в истории советского искусства Калмыкии. Репродуктивное содержание произведений 1940–1950-х гг. позволяет реконструировать процесс развития художественной культуры республики. Дальнейшее изучение в этом направлении предполагает последовательное обращение к архивному материалу и семейным коллекциям в воспроизведении картины причинно-следственных взаимосвязей искусства и культуры.

Выводы. Соединена в исследовании прерванная нить развития калмыцкой культуры, претерпевшей огромные утраты в годы испытаний, восстановлена драматическая страница летописи изобразительного искусства Калмыкии. Историческая память, одухотворяющая творчество народного художника РСФСР Г. Рокчинского [18, с. 16–27], дарует удивительное открытие искусства, этнокультурного явления, обеспечивающего в преемственности наследия непрерывность художественного процесса.

Список литературы

1. Архив документов и собрание произведений семьи художника Г.О. Рокчинского (1923–1993).
2. Батырева С.Г. Изобразительное искусство Калмыкии (1957–2000). – Элиста: Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – 2014. – 226 с.
3. Батырева С.Г. Образная память предков. – Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”, 2013. – 228 с., ил.
4. Батырева С.Г. Тема Памяти в депортационном творчестве народного художника РСФСР Г.О. Рокчинского (1944–1947) // *Magna Adurgit; Historia Studiorum*. – 2019. – № 1. – С. 46-55. DOI: 10.22162/2541-9749-2019-7-1-46-55
5. Горя Рокчинский (1923-1993). Живопись в евразийском пространстве культуры. Каталог выставки. К 95-летию со дня рождения. – Элиста: Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова, 2018. – 80 с., ил.
6. Джангар. Калмыцкий народный эпос. Перевод С. Липкина. Художник В.А. Фаворский. – М.: Художественная литература, 1940. – 339 с.
7. Дорогами дружбы. Москва – Элиста – Улан-Батор. Выставка произведений художников СССР и МНР. Каталог. – М.: Советский художник, 1986. – 39 с., ил.
8. Живопись как знак культуры. О творческом наследии нар. худ. России Г. Рокчинского. Серия «Калмыцкая интеллигенция». – Элиста: АПП «Джангар», 2004. – 252 с., ил.
9. Изобразительное искусство // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. 3. – С. 538–553.

---

10. Каган М.С. Искусство как феномен культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган / Искусство в системе культуры. – Л.: Наука, 1987. – С.6–22.

11. Каруева И.А. Фотография на память // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства. 24 октября 2013 г. – Элиста: Национальный музей РК им. Н.Н. Пальмова, 2014. – С. 209–2011.

12. Каталог выставки изобразительного искусства Казахстана. Живопись, скульптура, графика и театрално-декорационное искусство. – М., 1958. – 48 с., ил.

13. Кичиков А. Ш. Образная память народа как знак культуры // Образная память народа. Библиографическое пособие. – Элиста, 1998. – 42 с.

14. Кугультинов Д.Н. Картина Гаря Рокчинского в Кремле // Утоление жажды. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1966. – С. 121–123.

15. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства. 24 октября 2013 г. – Элиста: Национальный музей РК им. Н.Н. Пальмова, 2014. – 228 с.

16. Мир эпоса. О работе В. А. Фаворского над «Джангаром» и его поездке в Калмыкию. Сост. В.З. Церенов. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. – 127 с., ил.

17. Нурова Г.В. О фотографии Гаря Рокчинского из фондов РГАЛИ // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О. Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства. 24 октября 2013 г. – Элиста: Национальный музей РК им. Н.Н. Пальмова, 2014. – С. 85–88.

18. Пальмовский вестник: сборник статей в 2-х частях. Вып.4. Ч.1, 2. – Элиста: Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова, 2019. – 191 с.; 175 с.

19. РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства). Ф. 617 оп. 1 ед. хр. 223 л. 8-8а А.В. Шишкин. Фотография Гари Рокчинского с нарисованными им портретами А.С. Пушкина. [Электронный ресурс]. URL: <http://rgali.ru/obj/14900165> (дата обращения: 15.04.2019).

20. Рокчинский Г.О. [Электронный ресурс]. URL: Википедия ru.wikipedia.org/wiki/...АртРУ.инфо – Художники – Рокчинский Гарри Олегович artru.info/ar/12725 (дата обращения: 15.04.2019).

21. Справочник: Книга Памяти. Рокчинский Гарри Олегович. [Электронный ресурс]. URL: www.uznal.org/book_of_memory.php? (дата обращения: 15.04.2019).

22. Убушиева Б.Э. История одного рисунка // Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Творчество Г.О.Рокчинского и актуальные проблемы национального изобразительного искусства. 24 октября 2013 г. – Элиста: Национальный музей РК имени Н.Н. Пальмова, 2014. – С. 108–111.

23. Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурное явление / Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган. – Л.: Наука, 1987. – С.41–47.

24. Эткинд А. М. Искусство как самосознание культуры / Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган. – Л.: Наука, 1987. – С.85–92.

25. Юбилейная выставка, посвященная 500-летию великого эпоса калмыцкого народа «Джангар»: живопись, скульптура, графика. Каталог выставки / Управ. по делам искусств при Совнарком Калм. АССР. Оргкомитет Союза Советских Художников Калм. АССР. Выставочный комитет / ред. и авт. вступ. ст. И. Нусхаев. – Элиста: Тип. № 1 НКМП, 1940. – 16 с.

В.А. Кышпанак

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ КАЛМЫКОВ ПО ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ РОССИИ (2010-2020 гг.)

В статье на материалах Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг. рассматриваются вопросы численности калмыков как в целом по Российской Федерации, так и по Республике Калмыкия, изменения в составе по полу. Большое внимание уделено размещению калмыцкого населения по федеральным округам России. Делается вывод о причинах миграции калмыков в другие регионы страны.

Ключевые слова: перепись населения, калмыки, численность, состав населения, размещение, федеральные округа, миграция.

V.A. Kyshpanakov

Khakass State University named after N.F. Katanov

NUMBER, COMPOSITION AND DISTRIBUTION OF KALMYKS IN THE FEDERAL DISTRICTS OF RUSSIA (2010-2020)

In the article on the materials of the All-Russian population censuses of 2010 and 2020 the issues of the number of Kalmyks both in the Russian Federation as a whole and in the Republic of Kalmykia, changes in composition by sex are considered. Much attention is paid to the placement of the Kalmyk population in the federal districts of Russia. The conclusion is made about the reasons for the migration of Kalmyks to other regions of the country.

Key words: population census, Kalmyks, number, composition of the population, distribution, federal districts, migration.

ВВЕДЕНИЕ

Наши предыдущие публикации в «Вестнике Калмыцкого университета» были посвящены трагической судьбе калмыцкого народа в годы Великой Отечественной войны [5, 6, 9, 10]. Впервые к этой теме внимание автора данной статьи было обращено еще в 1995 г. [7]. Позднее к теме депортированных народов в годы Великой Отечественной войны в Хакасии обратился М.Г. Степанов [17]. В монографии «Репрессии в Хакасии», в частности, среди широкого круга вопросов, посвященных репрессивным кампаниям 30–50-х гг. XX в., отдельное место занимают этнические депортации в Хакасию в годы войны, в том числе и депортация калмыков [18]. Напомним, что в Хакасскую автономную область в январе 1944 г. прибыл эшелонами 4391 спецпереселенец из Калмыцкой АССР [11, л. 23]. После восстановления автономии в конце 1950-х гг. многие калмыцкие спецпереселенцы стали возвращаться домой на свою историческую родину – в Калмыкию. Из Хакасии также уехало большинство калмыков, тех – кто выжил в суровых условиях ссылки, с детьми, которые уже родились в Хакасии, ставшей для них новой малой родиной. Каждый раз очередная перепись населения фиксировала все меньшее число калмыков в нашей республике. Не стали исключением и последние две переписи населения – 2010 и 2020 гг. Так, по переписи 2010 г. в Республике Хакасия проживало 103 калмыка, а по данным переписи 2020 г. – лишь 60 человек калмыцкой национальности [4, с. 116; 12]. Об этом также говорится в недавно вышедшей в Хакасии монографии «Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2020)» [8, с. 102].

Такая статистика послужила поводом к написанию данной статьи, территориальные рамки которой уже не ограничиваются лишь Хакасией, а охватывают Республику Калмыкия и Российскую Федерацию. В статье была поставлена цель – проследить изменения численности и состава калмыков в Республике Калмыкия, их размещение по всей территории России по данным Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг.

Следует отметить, что на страницах «Вестника Калмыцкого университета» эпизодически появляются публикации историко-демографического характера по формированию населения Калмыкии в XIX–начале XX вв., однако современных работ, освещающих демографические проблемы республики в свете последних всероссийских переписей населения, практически нет. Равно как и в издании КИГИ РАН «Oriental studies». Это же отмечает и Б.В.Очиров: «...работ по демографии региона крайне мало, в большинстве из которых представлены отрывочные сведения по указанному вопросу» [15, с. 51].

Между тем, в республике накопилось немало проблем в области народонаселения, требующих серьезного изучения. За последние годы происходит снижение численности как всего населения Калмыкии, так и калмыцкого народа, происходит деформация его половозрастной структуры, возрастает внутренняя миграция в направлении «село–город» и внешняя миграция за пределы региона.

Мы полностью разделяем точку зрения Б.В.Очирова о том, что эти проблемы требуют новых подходов к пониманию исторического развития и новых методик изучения исторической демографии [15, с. 53]. При этом добавим, что назрела необходимость проведения комплексных историко-демографических и экономико-демографических исследований с целью изучения демографической сферы региона на междисциплинарном уровне¹.

В Республике Хакасия схожая демографическая ситуация – происходит снижение численности населения как региона в целом, так и коренных жителей – хакасов. Эта проблема привлекает внимание ученых, общественности, Совета старейшин хакасского народа, Правительства РХ. В Хакасском государственном университете им. Н.Ф. Катанова в Институте экономики и управления студенты выпускных курсов по программе бакалавриата и магистратуры защищают выпускные квалификационные работы на темы о демографической безопасности Хакасии. В республике по различным демографическим аспектам и смежным с ними направлениям выполнялись и выполняются исследования при грантовой поддержке РФФИ/РНФ, в сотрудничестве с учеными СО РАН.

Все это придает дополнительную актуальность изучению этих и других направлений для исследования с позиций демографической безопасности Республики Калмыкия и сбережения калмыцкого народа как этноса.

В обновленной Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2021 г. сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан возглавляют список стратегических национальных приоритетов на современном этапе [13]. В этих двух ключевых словах СБЕРЕЖЕНИЕ НАРОДА, сказанных великим русским писателем А.И.Солженицыным, заключается весь смысл понятия демографической безопасности, которое сегодня является одним из наиболее употребляемых в политической и научно-демографической среде.

¹Отдельно следует выделить работу Авлиева В. Н. Калмыцкое народонаселение в конце XIX–XX вв. (историко-демографическое исследование): дис...канд. истор. наук. – Элиста, 2004. – 230 с.

В настоящей статье на основе недавно опубликованных материалов переписи 2020 г. в сравнении с данными переписи 2010 г. дается анализ динамики численности калмыков по Российской Федерации и по Республике Калмыкия, показан национальный состав населения республики в историческом аспекте (перепись 1897 г. по Астраханской губернии), на основе выборки данных о численности калмыков по субъектам России дан сравнительный анализ динамики размещения калмыков по федеральным округам страны, проанализированы показатели половозрастной структуры калмыцкого населения, его этнической компактности, сделаны выводы о характере и причинах территориальной мобильности калмыков на современном этапе.

В работе использованы методы: исторический, сравнительного анализа, статистический, графический и др.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Однако прежде обратимся к общим показателям, характеризующим динамику населения Республики Калмыкии за 2010–2020 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения Республики Калмыкия, 2010–2020 гг. [4, 12]

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	человек	%	человек	%	человек	%
2010	289481	100,0	127637	44,1	161844	55,9
2020	267133	100,0	124702	46,7	142431	53,3
2020 г. в % к 2010 г.	92,3	–	97,7	–	88,0	–

Данные табл. 1 показывают снижение численности всего населения Калмыкии, в том числе городского и сельского. Наибольшая убыль пришлось на сельскую местность республики (-19413 человек). Всего же республика «потеряла» за 2010–2020 гг. 22348 человек, или 7,7%, что является крайне негативным фактором с точки зрения воспроизводства населения этого небольшого степного региона, входящего в Южный Федеральный округ России.

Если расширить хронологические рамки до последней переписи населения СССР – 1989 г., то население Калмыцкой АССР по ее итогам составляло 322579 человек, в том числе городское население – 147176 человек (45,6%), сельское – 175403 человека (54,4%) [1]. Численность калмыков в автономной республике была равна 146316 человек, или 45,3% от всего населения региона [2]. Очевидно, что такая большая утрата населения в республике связана не с какими-то природными катаклизмами, эпидемиями (хотя именно из-за пандемии Ковид-19 пришлось перенести проведение переписи-2020 на год позже), а объясняется как внутрирегиональной, так и межрегиональной миграцией населения, в основе которой лежат причины социально-экономического характера. Данные табл. 2 дают основание для такого вывода.

Таблица 2

Численность калмыков в Республике Калмыкия по данным переписей 2010–2020 гг. [4, 12]

Годы	Все население		городское		сельское	
	человек	%	человек	%	человек	%
2010	162740	100,0	77925	47,9	84815	52,1
2020	159138	100,0	80910	50,8	78228	49,2
+, -	-3602	–	+2985	–	-6587	–
2020 г. в % к 2010 г.	97,8	–	103,8	–	92,2	–

За период между переписями 2010 и 2020 гг. численность калмыков в республике снизилась на 3,6 тыс. человек, или на 2,2%. При этом, в отличие от таблицы 1, в которой снижение произошло по всем показателям, таблица 2 иллюстрирует рост числа калмыков, проживающих в городе – на 3,8%. В то же время численность калмыков-сельчан сократилась на 6587 человек, или на 7,8%. Такие цифры прямо указывают на отток населения, прежде всего сельской молодежи, в столицу республики Элисту на учебу либо на поиски работы, а часть из них уезжает в другие регионы с аналогичными целями.

Вновь совершим исторический экскурс в глубь времени и пространства. Как отмечает К.Н.Максимов, «...в целом по стране за 30 лет (1897–1926 гг.) ... численный состав калмыцкого этноса уменьшился со 190648 до 129206 человек, или на 32,24%» [3, с. 728]. Это крайне большие потери калмыцкого народа, которые пришлись на колоссальные катаклизмы в истории России первой четверти XX в. При этом следовало все же, на наш взгляд, уточнить: О какой стране идет речь? Ведь перепись 1897 г. проводилась в императорской России, а в 1926 г. была проведена первая Всесоюзная перепись населения Союза ССР. Очевидно, что этот фактор необходимо учитывать при сравнении стран не только с разным общественно-политическим строем, но и с различной площадью территории.

Если же обратиться вновь к переписи 1989 г., то в СССР численность калмыков на момент ее проведения составляла 173821 человек. Сравнение с данными переписи 1897 г. прямо показывает на потери калмыцкого этноса за период длиной почти в столетие – 16,8 тыс. человек (-8,8%).

Однако вопрос о том, действительно ли снизилась численность народа, населения той или иной национальности за годы между переписями, вовсе не так прост, как кажется на первый взгляд. Манипулируя только цифрами, можно прийти к неверным выводам, вводя в заблуждение общественное мнение. Рассмотрим этот весьма непростой вопрос подробнее – ведь речь идет о национальном самоопределении народа.

Прежде всего несколько методологических пояснений. Данные о распределении населения по национальной принадлежности при проведении переписей получены на основании самоопределения опрашиваемого (Ст. 26 Конституции РФ). При онлайн переписи респондент вносил ответ в произвольной форме по самоопределению. Национальную принадлежность детей до 14 лет определяли родители или опекуны, а недееспособных людей – их попечители. Список национальностей в переписи – 2020 насчитывает 145 групп и 49 входящих в них подгрупп. При этом количество вариантов самоопределения населения при ответе на вопрос «Ваша национальность» росло от переписи к переписи. Если по переписи 2002 по РФ было получено более 800 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности, то по переписи–2020 уже 1660 самоназваний – в два раза больше (в 2010 г. – 923) [14, с. 15; 12].

Впервые после переписи населения 1897 г. была получена численность лиц, назвавших себя *казаками* (140 тыс. человек, 2002 г.), и также впервые после переписи 1926 г. появились *кряшены* (около 25 тыс. человек) [14, с. 15]. Интересно, что по переписи–2020 по России в целом появились *казаки с языком калмыцким*, отнесенные к *калмыкам*, в то время как по Республике Калмыкия таковых зарегистрировано не было.

Подобное «самоопределение», на наш взгляд, уже чрезмерно и приобретает порой гротескный характер. Так, по той же переписи–2020 появились (и в не-малом количестве – 101766 человек) «Граждане Российской Федерации» вкупе с

«Гражданами Земли» (20 человек) и др. В Хакасии и Тыве были зарегистрированы «абаканцы» и «кызылчане», видимо, по названию столиц республик – гг. Абакана и Кызыла соответственно.

Отметим, что при проведении первой в царской России переписи населения 1897 г. национальность опрашиваемого определялась по языку, на котором он разговаривал. По той же переписи в Астраханской губернии насчитывалось 137641 калмыков (табл. 3).

Таблица 3

Национальный состав Астраханской губернии, 1897 г. [подсчитано по: 16, С. 10]

Национальности	человек	в % к итогу
Всего населения	1003542	100,0
Русские	543195	54,5
(малороссияне)	130841	–
калмыки	137641	13,7
татары	51970	5,2
киргизы	250349	24,9
немцы	5021	0,5
армяне	4155	0,4
евреи	2167	0,2

Прим. Абсолютное большинство киргизов (2017299 чел., 82,8%) проживали в т.н. Внутренней Киргизской Орде, входившей в Астраханскую губернию.

При этом основной и компактной массой калмыки проживали в Калмыцкой степи – 122573 человека, что составляло 89,0% от всей их численности по Астраханской губернии. В Ставропольской губернии проживало 10814 калмыков, или 1,2% от населения губернии [16, с. 7].

Современный национальный состав населения Республики Калмыкия по переписи 2020 г. изображен на диаграмме (рис. 1).

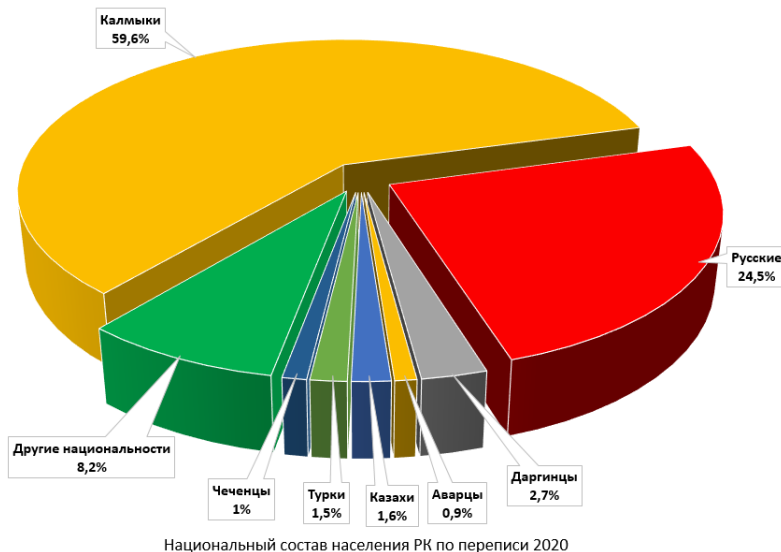

Рис. 1. Национальный состав Республики Калмыкия по переписи 2020 г.

Как видно из рис. 1, удельный вес калмыков в республике по переписи 2020 г. составил 59,6%. При этом с городской местности их доля выше, чем в сельской местности – 64,9% против 54,9%, что отражает тенденцию, показанную в табл. 2, – миграцию населения в город в поисках жизненных перспектив.

Именно возможность лучшего трудоустройства, поиски новой профессии и работы являются главными мотивами переезда калмыцкой молодежи в другие регионы России. В табл. 4 приводятся сводные данные о размещении калмыков по федеральным округам России по материалам переписей 2010 и 2020 гг., которые были обобщены по каждому из субъектов Российской Федерации.

Таблица 4

Сводные показатели о размещении калмыков по Федеральным округам России, 2010–2020 гг., человек [Составлено по: 4, 12]

Федеральные округа	2010 г.	2020 г.	+, -	%
Центральный Ф. О.	1270	2257	+ 987	177,7
Северо-Западный Ф. О.	342	648	+ 306	189,5
Южный Ф.О.	172242	166363	-5879	96,6
Северо-Кавказский Ф. О.	1099	1222	+ 123	111,2
Приволжский Ф. О.	736	520	- 216	70,6
Уральский Ф. О.	1777	1889	+ 112	106,3
СибФО	894	488	- 406	54,6
ДальФО	504	1096	+ 595	в 2,17 р
г. Москва	3996	3964	- 32	99,2
г. СПб	1283	1067	- 216	83,2
г. Севастополь	-	33	-	-
Всего	184183	179547	-4596	97,5

Прим. Сводный показатель за 2010 г. в табл. 4 не совпадает с численностью калмыков по данным переписи за тот же год – 183372 человек, или на 811 человек.

Как видно из табл. 4, наибольшее снижение численности калмыков произошло в период между переписями в Южном федеральном округе прежде всего потому, что в его состав входит Республика Калмыкия, численность коренного населения в которой за этот же период сократилась на 3,6 тыс. человек. Оставшиеся 2277 человек пришлось на Астраханскую область (-1304 человека), Волгоградскую область (-657 человек), Ростовскую область (-374 человека) и Республику Адыгея (-6 человек). Практически по всем субъектам Южного федерального округа (за исключением Р. Крым, включенной в состав ЮФО в 2018 г.) произошло снижение численности проживавших в них калмыков (табл. 5).

Таблица 5

Численность калмыков в Южном Ф. О., 2010–2020 гг., человек [составлено по: 4, 12]

	2010 г.	2020 г.	+, -	%
Республика Адыгея	31	25	- 6	80,6
Республика Калмыкия	162740	159138	-3602	97,8
Краснодарский край (болдыры)	393	368	-25	93,6
Астраханская область (болдыры, казаки с языком калмыцким, ойраты)	6624	5320	-1304	80,3
Волгоградская область	1576	919	-657	58,3

Ростовская область	878	504	-374	57,4
Республика Крым (ойраты)	–	89	–	–
Всего по ЮФО	172242	166363	-5879	96,6

Как видно из данных табл. 5, наивысшие темпы убыли калмыков за период между переписями населения 2010 и 2020 гг. произошло в Ростовской и Волгоградской областях – в Ростовской области численность калмыков снизилась на 42,6%, в Волгоградской – на 41,7%. В Астраханской области, где исторически проживали калмыки, произошло наибольшее снижение их численности после Республики Калмыкия.

Несмотря на общее снижение численности калмыков по всем федеральным округам и городам федерального значения за 2010–2020 гг., наибольший их прирост был зафиксирован в Центральном округе (987 человек). Он был полностью обеспечен за счет Московской области, где их численность выросла вдвое – с 804 человек до 1841 человека. При этом в столице России – г. Москве – количество калмыков осталось почти без изменений, снизившись лишь на 32 человека. Интересно, что «московские» калмыки указали себя как *болдыры*, *ойрат-калмыки* и *хальмг*, а «подмосковские» – *болдыры*, *бузавы*, *торгуты*. «Питерские» же калмыки идентифицировали себя как *болдыры*, *ойрат* и *хальмг*.

Обращает на себя внимание двукратный рост численности калмыков в Дальневосточном федеральном округе – с 504 человек до 1096 человек. ДФО – это единственный федеральный округ, в котором во всех входящих в него субъектах был достигнут положительный прирост числа калмыков среди всех округов. Но наивысший прирост был зафиксирован в Камчатском крае (более чем в 5 раз – с 21 до 109 человек) и Чукотском автономном округе, в котором численность калмыков выросла в 2,4 раза и составила 398 человек – это наибольшая численность калмыцкой диаспоры в округе. Для сравнения: в Приморском крае, имеющем несравненно лучшие природно-климатические условия и уровень жизни, город-порт Владивосток, численность калмыков увеличилась лишь на 6 человек – с 39 до 45. Интересно, что хакасов за этот же период в Чукотском А. О. также стало больше чем в 2 раза – с 21 до 47 человек, однако их численность многократно меньше, чем калмыков. Остается открытым вопрос: что влечет мигрантов из южной степной республики в края вечной мерзлоты на самую окраину России? Равно как и в другой, самый западный регион страны, – Калининградскую область, где численность калмыков увеличилась с 60 до 86 человек. По их численности регион занимает третье место среди десяти субъектов Северо-Западного федерального округа.

Однако наибольшее число калмыцких переселенцев находится в Уральском федеральном округе. Их общая численность выросла на 6,3%. Самый большой прирост зафиксирован в Ямало-Ненецком федеральном округе (табл. 6).

Таблица 6

Численность калмыков в Уральском Ф. О., 2010–2020 гг., человек
[Составлено по: 4, 12]

	2010 г.	2020 г.	+, -	%
Курганская область	18	5	- 13	62,5
Свердловская	83	66	-17	79,5
Тюменская область	840	62	-778	7,4
Ханты-Мансийский А. О. – Югра	400	620	+220	155,0
Ямало-Ненецкий А. О.	361	1092	+731	в 3 раза
Челябинская область	75	44	-31	58,7

Анализ табл. 6 приводит к следующим выводам. Очевидно, что массовое убийство калмыков из Тюменской области в десятилетний период между переписями и столь же массовый прирост их численности в Ямало-Ненецком А. О. связан с освоением газовых месторождений в автономном округе, работа на которых осуществляется вахтовым методом. Главными причинами и мотивами миграции населения, в том числе калмыков, из своей республики являются материальные – стремление обеспечить себе, своей семье достойные условия жизни, а для кого-то – увидеть новые места, осуществить реализацию своих планов. Впрочем, это тема для большого социологического исследования, которая, на наш взгляд, представляет интерес для местных органов власти в республике.

Для нас же интерес представляет сравнительный анализ возрастных групп среди представителей калмыцкого народа в Республике Калмыкия, Астраханской области и Ямало-Ненецком автономном округе, где находится одна из наиболее крупных калмыцких диаспор (таблица 7).

Таблица 7

Распределение калмыцкого населения по укрупненным возрастным группам в Республике Калмыкия, Астраханской области и Ямало-Ненецком А. О., по переписи 2020 г., % [Подсчитано по: 12]

	Республика Калмыкия	Астраханская область	Ямало-Ненецкий А. О.
Моложе трудоспособного возраста	23,0	19,6	34,0
В трудоспособном возрасте	56,5	57,0	59,0
Старше трудоспособного возраста	20,5	23,4	7,0

Как показывают данные табл. 7, возрастная структура калмыцкого населения в трех субъектах страны существенно отличается друг от друга и, прежде всего, значительные отличия имеет калмыцкая диаспора в Ямало-Ненецком А. О.

В Астраханской области возрастная структура калмыков отличается от структуры в Калмыкии в сторону большего удельного веса лиц старших возрастов и меньшей в младших возрастах при фактическом равенстве в трудоспособных. Но в Ямало-Ненецком автономном округе структура по укрупненным возрастным группам среди калмыков очень значительно отличается от первых двух. Данные табл. 7 показывают, что эта структура очень молодая, со значительно превосходящей долей детей по сравнению с Республикой Калмыкия и Астраханской областью.

При этом доля лиц в наиболее активных трудоспособных возрастах – 30-39 лет, в Ямало-Ненецком А. О. составила по переписи 2020 г. 30,9%, в то время как по РК – 18,0%, по Астраханской области – 16,7% [Подсчитано по: 4]. Это подтверждает общий вывод о том, что из Калмыкии уезжают люди в молодых и средних возрастах с целью улучшения своих материальных условий и перспектив развития, достижения новых жизненных целей.

Наконец, обратимся к данным по Сибирскому Федеральному округу (табл. 8).

Сибирь в истории калмыцкого народа имеет особое, во много трагическое значение, неся в себе определенный сакральный смысл. Именно в бескрайние просторы Сибири зимой 1943 г. были направлены эшелоны с калмыцкими спецпереселенцами

в ходе операции «Улусы». Наибольшее их количество приняли Красноярский край с входившей тогда в его состав Хакасской автономной областью, Новосибирская и Тюменская области. Последняя географически до образования федеральных округов (2000 г.) находилась в составе Сибири.

Таблица 8

**Численность калмыков в Сибирском федеральном округе, 2010–2020 гг., человек
[Составлено по: 4, 12]**

	2010 г.	2020 г.	+, -	%
Р. Алтай	21	20	-1	95,2
Р. Тыва	21	19	-2	90,5
Р. Хакасия	103	60	-43	58,2
Алтайский край	42	29	-13	69,0
Забайкальский край	48	–	–	–
Красноярский край	213	137	-76	64,3
Иркутская область	36	30	-6	83,3
Кемеровская область	40	31	-9	77,5
Новосибирская область	130	76	-54	58,5
Омская область	85	46	-39	54,1
Томская область	62	40	-22	64,5
Р. Бурятия	93	–	–	–

Прим. Республика Бурятия в 2018 г. была переведена в состав Дальневосточного Ф.О.

Как видно из табл. 8, в Сибирском федеральном округе убыль калмыцкого населения произошла во всех его субъектах. Республика Хакасия не явилась исключением из этого перечня. Лишь 60 калмыков на момент последней переписи проживали в Хакасии. Хакасов же в Республике Калмыкия по переписи 2010 г. было всего двое. Перепись 2020 г. зафиксировала только одного.

Показателем, характеризующим «оседлость» коренного населения, является уровень этнической компактности, определяемый как отношение проживающего в регионе этноса ко всей его численности по стране (табл. 9).

Таблица 9

Показатели этнической компактности по Республикам Калмыкия, Хакасия, Тыва и Бурятия, 2010–2020 гг., % [Составлено по: 4, 12]

Годы переписей	Показатель этнической компактности, %			
	Р К	Р Х	Р Т	Р Б
2010	88,7	87,2	94,4	62,2
2020	88,6	89,9	94,7	64,2

Как видно из табл. 9, уровни этнической компактности («оседлости») наиболее высокие в Республике Тыва – практически из 100 тувинцев в целом по России в самой республике Тыва проживает 94–95 человек. Тыва – один из самых отдаленных и национальных регионов России, вошедших в состав СССР в 1944 г., в котором традиционный способ хозяйства и уклад жизни сохраняются по сей день. Самые «динамичные» – буряты. У калмыков и хакасов наиболее близкие показатели этнической компактности, при рассмотренной выше миграционной активности калмыков в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ данных переписей 2010 и 2020 гг. по национальному составу населения Республики Калмыкия и размещения калмыков по всем субъектам России позволяет сделать следующие выводы.

1. За 2010–2020 гг. произошло снижение численности всего населения республики, в том числе городского и сельского. При этом наибольшая убыль пришлась на сельское население.

2. За этот же период снизилась численность коренного населения республики – калмыков, однако при значительном снижении сельского населения увеличилась численность калмыков, проживающих в городе. Это говорит о миграции коренного населения, прежде всего из числа молодежи, в столицу республики – г. Элисту – с целью трудоустройства и ли учебы.

3. Данные переписей показали достаточно высокую территориальную мобильность калмыков. Они представлены во всех федеральных округах и городах федерального значения, в том числе и в г. Севастополь. При этом современная калмыцкая молодежь быстро осваивает новые профессии индустриального труда, о чем говорят данные о росте их численности в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

4. Высокая территориальная мобильность калмыков в свою очередь обуславливает относительно низкий уровень этнической компактности, что особенно наглядно проявляется в сравнении с тувинцами. Однако, например, буряты как народ, самый близкий калмыкам, имеет еще более низкий уровень этнической компактности, что в свою очередь говорит о значительно большей территориальной подвижности.

Главный же вывод, на наш взгляд, заключается в том, что материалы переписей 2010 и 2020 гг. по национальному составу показали продолжающуюся убыль калмыцкого народа как по всей Российской Федерации, так и в самой Республике Калмыкия. Нерешенность многих социально-экономических проблем является главным мотивом продолжающегося оттока населения из региона.

Список литературы

1. Всесоюзная перепись населения-1989 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_89.php?reg=35 (дата обращения – 10 февраля 2023 г.).
2. Всесоюзная перепись населения–1989 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=41 (дата обращения – 10 февраля 2023 г.).
3. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 Т. – Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. – Т. 2. – 840 с.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В. 11 т. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. – 847 с.
5. Кышпанакров В. А. Калмыцкие спецпереселенцы в Хакасии // Вестник Калмыцкого университета 2017. – №35(3). – С. 40–47.
6. Кышпанакров В. А. Калмыцкие спецпереселенцы на трудовом фронте в Хакасии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время // Вестник Калмыцкого университета, 2019. – №1(41). – С. 44–54.
7. Кышпанакров В. А. Население Хакасии. 1917–1990-е гг. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1995. – 348 с.
8. Кышпанакров В. А. Население Хакасии: из прошлого к современности (1897–2022)». Абакан: Хакасское книжное издательство имени В. М. Торосова, 2022. – 320 с.

9. Кышпанаков В. А. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Хакасии в первые годы пребывания в ней калмыцких спецпереселенцев (1944–1947 гг.) // Вестник Калмыцкого университета, 2021. – № 3 (51) 2021. – С. 46–58.

10. Кышпанаков В. А., Исупов В. А. К вопросу о сохранении национальной самоидентификации депортированных народов в Хакасию в годы Великой Отечественной войны // Вестник Калмыцкого университета, 2020. – № 2 (46). – С. 34–41.

11. НАРХ. Ф. Р–42. Оп. 1 Д. 14.

12. Национальный состав населения // Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс] – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения – 5 февраля 2023 г.).

13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02. 07. 2021 г. № 400. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения – 14 февраля 2023 г.)

14. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. – М.: Госкомстат России, 2003. – 48 с.

15. Очиров Б. В. Динамика численности населения Большедербетовского улуса Ставропольской губернии во второй половине XIX века // Вестник Калмыцкого университета, 2022. – № 4 (56). – С. 51–60.

16. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н. А. Тройницкого. Вып. 7. Наличное население обоего пола по уездам с указанием числа лиц, преобладающих родных языков. – СПб., 1905. – 38 с.

17. Степанов М. Г. Депортация калмыков в Хакаскую автономную область в период Великой Отечественной войны // 60 лет Победы в Великой Отечественной войне: Материалы научно-практической конференции. 29 апреля 2005 г. Абакан, 2005. С. 76–81.

18. Тугужекова В. Н., Степанов М. Г., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии: как это было (1930- середина 1950-х гг.). Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. – 242 с.

Р.К. Надбитов, Л.К. Хохолкина

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

К ВОПРОСУ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОСТРОВОВ СЭНКАКУ (ДЯОЮЙДАО)

Состояние безопасности ряда стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе в настоящее время продолжает выглядеть довольно неустойчивым. Оно напрямую зависит от имеющихся здесь точек противоречий. К ним относится и территориальный спор между Японией и КНР о территориальной принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюйдао).

Ключевые слова: Сэнкаку, Дяоюйдао, Япония, Китай, Тайвань, США, острова, территориальный спор, Азиатско-Тихоокеанский регион.

R.K. Nadbitov, L.K. Khokholkina

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

ON THE QUESTION OF THE TERRITORIAL AFFILIATION OF THE SENKAKU ISLANDS (DIAOYU)

The security situation of a number of countries in the Asia-Pacific region currently continues to look rather unstable. It directly depends on the points of contradictions that exist here. These include the territorial dispute between Japan and China over the territorial affiliation of the Senkaku Islands (Diaoyu).

Key words: Senkaku, Diaoyu, Japan, China, Taiwan, USA, islands, territorial dispute, Asia-Pacific region.

В сфере международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона одной из наиболее сложных является проблема, связанная с многолетними спорами между КНР, Тайванем и Японией о территориальной принадлежности небольшого архипелага из восьми необитаемых островов в Восточно-Китайском море. Так, остров Уоцурисима (кит. Дяоюйдао), являющийся наиболее крупным из них, имеет площадь всего 4,3 кв.км.

Данные острова расположены примерно на равной удаленности от берегов Японии и Тайваня. Расстояние от архипелага Сэнкаку/Дяоюйдао до японского острова Исигаки составляет 160 км, а до Тайваня – 180 км. Следует отметить, что японское правительство считает Сэнкаку неотъемлемой частью своей территории, отказываясь признавать проблему их территориальной принадлежности. Известно, что острова Сэнкаку находятся в административном подчинении города Исигаки префектуры Окинава. Вопреки мнению японской стороны правительство КНР считает острова частью Тайваня, который в соответствии с политикой «одного Китая» причисляет к своей территории.

Поддерживая свои союзнические обязательства перед Японией, в спор вокруг островов Сэнкаку/Дяоюйдао втянулись США. Присутствие среди сторон конфликта ядерных держав является дестабилизирующим фактором в глобальной системе международных отношений. Во вмешательстве США в конфликт можно усмотреть их интерес к этому стратегически важному участку морских коммуникаций, открывающему доступ американцев и их союзников к расположенному в 400 км побережью КНР.

Понятна озабоченность Китая, прилагающего всевозможные усилия к блокированию активности ВМФ США на данном участке тихоокеанской пограничной зоны.

В 1996 г. после ратификации Конвенции ООН по морскому праву КНР и Япония получили преимущества на разработку природных ресурсов в 200-мильной исключительной экономической зоне. В 1999 г. на континентальном шельфе между Японией и Тайванем были обнаружены залежи природного газа объемом в 200 млрд.куб.м, что во много раз повысило ценность островов Сэнкаку/Дяоюйдао для каждой из спорящих сторон [Цит.по: 1. С. 81].

Аргументируя свою позицию и поддерживая суверенитет Тайваня на данные территории, Китай опирается на ряд исторических документов. Так, китайской стороной упоминается хроника 1403 г. Шуфан Сьян-сун («Путешествие с попутным ветром»). В этом повествовании, появившемся в эпоху династии Мин, описывается мореплавание китайцев на острова Рюкю. В хронике встречается название Дяоююйюй, которое, по мнению китайской стороны, соответствует современному Дяоюйдао. Защищая свое мнение, она указывает и на ряд географических карт XVII–XIX вв., в которых также обозначены острова Дяоюйдао – «Морской путь из Китая в Рюкю» (1579 г.), «Большая универсальная Географическая карта» (1767 г.), «Атлас великой династии Цин» (1863 г.) [6, 3]. Отмечаются и природно-географические, и геологические особенности островов, отделенных от архипелага Рюкю Окинавской впадиной (глубина 2000 м.) и указывающих на близость их Тайваню.

По мнению китайской стороны, на острова Дяоюйдао должны распространяться положения международных соглашений, регулирующих статус Тайваня в конце XIX в., когда он попал в колониальную зависимость от Японии. Поэтому, считают китайцы, особое внимание следует уделить Симоносэцкому договору 1895 г., подписанному после японо-китайской войны 1894–1895 гг. В противовес позициям Китая японское правительство выдвинуло тезис terra nullius (ничьей земли), отметив, что в 1895 г. кабинет министров Японии принял решение установить на необитаемых островах Сэнкаку особые пограничные знаки. Япония также считает, что эти острова не были ни частью Тайваня, ни частью Пескадорских островов, переданных цинским Китаем в соответствии со ст. II Симоносэцкого договора. Тезис Японии о «ничьей земле» Китай считает несостоятельным. Правительство КНР отмечает, что еще в эпоху Мин острова Дяоюйдао были включены в систему береговой охраны, а в 1893 г. императрица Цыси передала три острова, в том числе и Дяоюйдао, предпринимателю Шен Сюанхуаю в частную аренду [1, с. 83].

После Второй мировой войны острова Дяоюйдао были включены в американскую зону оккупации. В одностороннем порядке США игнорировали решения Каирской конференции 1943 г., Потсдамской конференции 1945 г. и Акт о капитуляции Японии 1945 г. Данными международно-правовыми актами было четко определено, что Япония должна вернуть Китаю все захваченные у него территории [6].

8 сентября 1951 г. на конференции в Сан-Франциско США и рядом других стран был подписан мирный договор с Японией. По мнению ряда историков и политологов, данный международный документ являлся англо-американским вариантом мирного соглашения, составленного без участия КНР. В частности, в статье А. Клитина отмечается, что с самого начала составители Сан-Францисского договора не способствовали мирному урегулированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, заложив почву для будущих территориальных споров [9].

В этой связи сложно обойти вниманием заявление А.А.Громыко, занимавшего в то время должность заместителя министра иностранных дел. В нем сказано, что данный «проект не может быть основой подлинного мирного урегулирования на Дальнем

Востоке» и что СССР «не только отмежевывается от этих планов подготовки новой войны на Дальнем Востоке, но и предупреждает, что те, кто навязывает подобный мирный договор с Японией, берут на себя перед народами всю ответственность за последствия подобного шага» [10].

А.А.Громыко справедливо указал, что без участия КНР, являющейся одним из ближайших соседей Японии, подлинного мирного урегулирования не могло быть. Делегация СССР вынесла предложение пригласить на конференцию в качестве равноправного члена правительство КНР, но оно было отклонено давлением США на других участников встречи в Сан-Франциско. Создавалось положение, что делегация Китая как страны, пострадавшей от японской оккупации, на конференции не была представлена, хотя большинство стран-участниц Сан-Францисской конференции не принимало участия в войне с Японией. В связи с этим, КНР отказалась признать вышеизложенное решение США и их союзников, характеризуя его как закулисную сделку [10, с. 6]. Посол КНР в России Ли Хуэй в своем интервью корреспонденту агентства «Интефакс» по ситуации вокруг островов Дяюйдао отметил, что Китай никогда не признавал положения Сан-Францисского договора. По мнению Ли Хуэя, заявления Японии о том, что Китай вплоть до 70-х гг. XX в. не стремился установить свой суверенитет над островами, являются ложными [6].

Дальнейшему осложнению ситуации способствовала политика США, которые по Соглашению о возвращении Окинавы (июнь 1971 г.) передали административные права на островные территории Японии. Следует отметить, что незадолго до принятия данного одностороннего решения комиссия ООН обнаружила залежи нефти на шельфе. Кроме того, передача островов союзнику гарантировала Соединенным Штатам возможность в дальнейшем сохранять контроль над островами.

В период подготовки сделки США с Японией (1970 г.) о своем праве на острова Сэнкаку/Дяюйдао заявил Тайвань, отметив, что они являются неотъемлемой частью Республики Китай. В соответствии с «политикой одного Китая», в 1971 г. позицию Тайваня поддержала КНР [3]. При этом китайская сторона напомнила о положениях Каирской декларации 1943 г., в которой требовалось вернуть территории, захваченные Японией у Китая. В качестве довода она привела и ст.8 Потсдамской конференции 1945 г., подтверждающую положения конференции в Каире [1. С. 83].

Одностороннее решение США о передаче Японии островов Дяюйдао вместе с островами Рюкю вызвало волну протестов в КНР и на Тайване. В условиях резкого осуждения данной политики китайцами правительство США было вынуждено оправдать свои действия тем, что Японии передавались только административные полномочия на острова, но вопрос об их суверенитете затронут не был [6].

С 1972 г. между КНР, США и Японией все же были восстановлены дипломатические отношения. В ходе переговоров, проведенных в 1972 г. в Пекине между премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем и премьер-министром Японии Какуэем Танакой, обе стороны решили не затрагивать проблему Дяюйдао. Вопрос о территориальном статусе островов Сэнкаку/Дяюйдао Китай заморозил.

В конце 70-х гг. XX в. Дэн Сяопин решил отложить решение данной проблемы до лучших времен, призывая стороны конфликта воздержаться от публичных нападок по территориальному вопросу и проявлять лояльность. В октябре 1978 г. он совершил визит в Японию, где в закрепление Договора о мире и дружбе (1972 г.) обменялся ратификационными грамотами. По окончании переговоров с премьер-министром Японии Такэо Фукудой Дэн Сяопин заявил: «Во время нормализации дипломатических отношений стороны договорились не затрагивать эту проблему.

В ходе обсуждения нынешнего китайско-японского договора о мире и дружбе мы также договорились не касаться этой проблемы. Мы полагаем, что если невозможно прийти к соглашению, то было бы мудро отложить на время этот вопрос, поскольку он не срочный. Если наше поколение не обладает достаточной мудростью для того, чтобы решить проблему, то у следующего поколения найдется больше мудрости, и оно сможет найти способ решения проблемы, приемлемый для всех» [Цит.по:6].

Ведущие международные эксперты тогда охарактеризовали данную ситуацию как «согласованный тупик» (agreed stalemate). Тем не менее данное решение политического руководства Китая позволило ему более чем два десятилетия поддерживать с Японией относительно стабильные политические и экономические отношения.

В 90-е гг. XX в. в связи с активной закупкой быстро развивающимся Китаем и Японией углеводородного сырья напомнили о себе прогнозы комиссии ООН о возможно значительном количестве залежей нефти на континентальном шельфе близ островов. В январе 2003 г. в китайской прессе появилось информация о том, что один из японских муниципалитетов арендовал у частных владельцев трех островов архипелага. Вскоре после этого китайцы установили рядом с островами буровую платформу, на что японское правительство выразило свою обеспокоенность [11]. В 2004 г. замминистра иностранных дел КНР Чжан Есуй заявил, что острова Дяоюйдао являются исконной и суверенной территорией Китая. В 2005 г. последовало решение правительства Японии выдавать компаниям лицензии на добычу газа на шельфе. В ответ руководство КНР заявило, что японские фирмы не имеют права работать у островов Дяоюйдао, поскольку они находятся на китайской территории и не являются предметом спора [13].

Первый серьезный сбой в политике «согласованного тупика» произошел 7 сентября 2010 г., китайский рыболовный траулер, ведущий промысел в районе островов Сэнкаку, был задержан кораблями японской береговой охраны. Капитан китайского траулера дал распоряжение идти на таран японского пограничного катера, за что и был арестован. Вскоре он был отпущен на родину без судебного разбирательства [4].

В среде международных экспертов в тот период высказывались разные мнения относительно данного инцидента. Так, одни эксперты считали, что, арестовав капитана, Япония первой нарушила договоренности с Пекином. Высказывалось также мнение, что действия команды китайского траулера должны были рассматриваться в китайском правовом поле [2]. В Японии же, напротив, многие политики отметили, что мера префектуры Окинава была слишком мягкой и китайского капитана надо было судить за нарушение японских законов. Следует отметить, что после данного происшествия позиции Демократической партии в Токио сильно пошатнулись.

В 2011 г. МИД КНР сделал предупреждение по поводу содержания новых японских школьных учебников, в которых острова Сэнкаку назывались японской территорией [13].

В апреле 2012 г. токийский губернатор Синхаро Исихара заявил о намерении столичного муниципалитета выкупить у частных лиц несколько островов Сэнкаку, находившихся в долгосрочной аренде у города. Отметим, что еще в 1932 г. японское правительство продало четыре острова японской семье Курихара [1, с. 91].

Избегая очередного обострения японо-китайских отношений, правительство Японии приняло решение о выкупе островов государством. В Китае данное решение японского правительства было расценено как стремление к сохранению над островами государственного контроля и отход от политики «согласованного тупика». Официальный протест против планов Японии высказал председатель КНР Ху Цзиньтао в ходе встречи

с премьер-министром Японии Ё. Нода на саммите АТЭС во Владивостоке. Несмотря на предостережения китайской стороны, правительство Японии в сентябре 2012 г. сделало официальное заявление о приобретении у частных владельцев три из пяти спорных островов – Уоцурудзимы, Китакодзимы и Минмикодзимы. 5 сентября стала известной сумма покупки, которая оценивалась в 26,1 млн. долларов [4,11].

Осенью 2012 г. во многих городах КНР начались антияпонские демонстрации, в которых участвовали свыше 500 тыс. человек. Выступления сопровождалась погромами японских предприятий и магазинов. Около дилерских центров автоконцернов «Toyota», «Nissan», «Honda» китайцы сожгли более 100 автомобилей. Жители Поднебесной стали в массовом порядке отказываться от японских товаров и продуктов [12]. В целях защиты своего суверенитета Китай направил к островам два военных корабля, а в стране прокатилась волна антияпонских выступлений. Вскоре после этого правительство КНР подает в ООН заявку о разграничении исключительной экономической зоны в районе Сэнкаку/Дяоюйдао [4, 11].

Соединенные Штаты, со своей стороны, одобрили действия японского правительства по национализации островов. На встрече с китайским коллегой министр обороны США Леон Панетта отметил, что на острова Сэнкаку/Дяоюйдао распространяется действие японо-американских соглашений о безопасности. Намерение «выполнить свои обязательства» по договорам Панетта отметил и в беседе с министром обороны Японии С.Моримото [4].

Авторы коллективной монографии «Территориальный вопрос в Афро-Азиатском регионе» (2013) отмечают, что в позиции США присутствуют противоречия. С одной стороны, в ней отсутствует твердое мнение по вопросу о территориальной принадлежности Сэнкаку, а с другой, они готовы защищать их всей своей мощью [1, с. 95].

В ноябре 2013 г. министерством обороны КНР была создана опознавательная зона в Восточно-Китайском море, в которую были включены и острова Сэнкаку. Теперь воздушное пространство над архипелагом было под контролем китайских ПВО. Чтобы не быть сбитыми, все воздушные суда, пролетающие у островов, должны были предварительно запрашивать разрешение у властей КНР. 6 марта 2018 г. официальный представитель МИД КНР заявил, что острова Дяоюйдао принадлежат Китаю независимо от того, что говорит и делает правительство Японии. В ноябре 2018 г. Япония и США составили план «Защита Сэнкаку», предусматривающий совместные военные действия у архипелага в случае китайской угрозы [4].

В январе 2021 г. во время телефонного разговора с премьер-министром Японии Ёсихидэ Суга президент США Джо Байден заявил, что в соответствии со статьей 5 Договора о сотрудничестве и безопасности от 1960 г. США обеспечат оборону Японии и островов Сэнкаку. Рассмотрев это как открытую военную поддержку Токио со стороны Вашингтона, власти КНР утвердили закон, который с 1 февраля 2021 г. давал право китайской полиции береговой охраны открывать огонь по иностранным судам, если это было необходимо для защиты суверенитета страны. В конце февраля японское правительство внесло в национальное законодательство положение, которое разрешало силам самообороны защищать острова Сэнкаку с помощью оружия. В декабре 2022 г. генеральный секретарь правительства Японии Хирокадзу Мацуно в ходе пресс-конференции с участием иностранных журналистов заявил о неприемлемости захода кораблей КНР в зону у островов Сэнкаку, которую Токио расценивает в качестве своих территориальных вод. Мацуно отметил, что в ходе последнего захода в период с 22 по 25 декабря китайские сторожевые корабли находились там рекордное количество времени [5].

В своей новой стратегии национальной безопасности Япония назвала политику КНР главным вызовом стране. Только в 2023 г. японские власти планируют увеличить оборонные расходы до суммы в 50,2 млрд. долларов, а в течение пяти лет – до 317,6 млрд. долларов. В эту сумму включены и расходы на приобретение у США крылатых ракет «Tomahawk» с дальностью действия до 1,6 тыс. км [15].

11 января 2023 г. главы внешнеполитических и оборонных ведомств США и Японии провели в Вашингтоне переговоры в формате «два плюс два», на которых отметили «активизировавшиеся попытки Китая в одностороннем порядке изменить статус-кво в Восточно-Китайском море» [7]. В принятом по итогам переговоров совместном заявлении говорилось, что «пятая статья Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией распространяется на острова Сэнкаку». Здесь также указывалось, что в соответствии со статьей пятой договора каждая из сторон расценивает любую военную угрозу против союзника как угрозу своей национальной безопасности и вправе действовать в связи с этим в соответствии с положениями собственной конституции [7]. В ходе встречи представители США и Японии назвали маневры Китая вблизи от островов Сэнкаку незаконными и провокационными. Кроме этого, министр обороны США Ллойд Остин сообщил о планах США расширить присутствие американских военных пехотинцев в Японии с формированием нового полка для охраны прибрежной зоны [8].

В феврале 2023 г. в Токио открылся японо-китайский диалог по безопасности, который проходил на уровне заместителей иностранных дел. Представитель японского дипломатического ведомства Сигэо Ямада высказал беспокойство в связи с активизацией военного присутствия Китая в районе островов Сэнкаку. Приведем слова С. Ямады, записанные японским агентством Киодо: «Япония и Китай стоят перед многими проблемами и неразрешенными вопросами, прежде всего это заметно в сфере безопасности» [14]. В свою очередь, представитель Китая Сунь Вэйдун отметил, что у его страны вызывают серьезное беспокойство японо-американские документы по безопасности. Данную ситуацию, по его мнению, можно характеризовать как сговор Японии с США и союзниками [14].

Таким образом, японо-китайский конфликт по поводу территориальной принадлежности островов Сэнкаку /Дяоюйдао вступил в настоящее время в свою наиболее острую фазу. В своем противостоянии с Китаем власти Японии стараются заручиться поддержкой США и других союзников. При этом японское правительство по-прежнему официально не признает проблемы Сэнкаку, считая их своей территорией. Противоположную позицию занимает Китай, который в подтверждение своей военной мощи проводит активные маневры близ спорных территорий. Для обоих государств вопрос о сохранении за собой этих островов связан со стремлением сохранить внешнеполитический авторитет и влияние своей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Список литературы

1. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире / Под ред. Д.В.Стрельцова. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 319 с.
2. Hagstrom L. «Power Shift» in East Asia? A Critical Reappraisal of Narratives on the Diaoyu. Senkaku Islands Incident in 2010 // The Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol 5. P.283.
3. Pan Junwu. Toward a new framework for peaceful settlement of China's territorial and boundary disputes. Leiden, 2009.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа / <https://zvezdaweekly.ru/news/2021421625-N5xeg.html>. 9.01.2021, 10:59.

-
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.mk.ru/politics/2022/12/26yaponiya-zayavila-protest-kitayu-izza-rekordnogo-prebyvaniya-korabley-v-zone-ostrovov-senkaku.html>. 26.12.2022. 17:11.
  6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://www.interfax.ru/interview/272428/> 24.10.2012. 13:03
  7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: /<https://easaily.com/ru/news/2023/01/12/ssha-vmeste-s-yaponiey-budut-zashchishchat-ostrova-senkaku-ot-kitaya>. 12.01.2023. 10:41.
  8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: США пообещали защищать подконтрольные Японии острова Сенкаку от Китая /<https://vz.ru/news/2023/1/12/1194556.html>.12.01.2023. 03:55.
  9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://ushistory.ru/nauchnye-stati/871-territorialnye-sproy-kak-faktor-ukrepljajuschij-amerikano-japonskij-aljans>. 16.02.2012. Вход свободный.
  10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Из заявления первого заместителя министра иностранных дел СССР А.А.Громыко на пресс-конференции в Сан-Франциско. / http://www.hrano.ru/dokum/195_dok/19510908gromy.php.
  11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: История конфликта вокруг островов Сенкаку / <https://www.kommersant.ru/doc/2027310#> 24.09.2012.
  12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Японо-китайский территориальный конфликт: причины и последствия / <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/788424>. 25.11.2013. 11:53.
  13. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://topwar.ru/14584-yaponskie-kitayskie-ostrova.html>
  14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: / <https://ria.ru/20230222/knr-1853598716.html>. 22.02.2023. 7:53.
  15. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Япония в стратегии национальной безопасности назвала военную политику КНР главным вызовом стране / <https://www.interfax.ru/world/877282>. 16.12.2022. 12:44.
-

А.В. Цюрюмов

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

**КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО
В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ НАМЕСТНИКА УБАШИ**

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6)

Статья посвящена изучению места и роли Калмыцкого ханства в международных отношениях в начале 60-х годов XVIII века. Внимание уделено калмыцко-крымским отношениям и связанными с ними контактами с Кабардой. В восточном Прикаспии внимание привлекают контакты с казахами и туркменами.

Изучение указанных контактов актуально в связи с тем, что происходили в первые годы правления нового правителя – молодого наместника Убаши. К тому же в эти годы закладывался характер отношений калмыков с соседними народами и государствами, способствовавший их стремительному возвращению в Азию в 1771 году.

Статья основывается на значительном круге новых архивных источников фонда 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия.

Ключевые слова: *Калмыцкое ханство, казахи Младшего жуза, туркмены, Крымское ханство, Кабарда, торговля, международные отношения.*

A.V. Tsyuryumov

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

**THE KALMYK KHANATE IN INTERNATIONAL POLITICS
IN THE EARLY 1760s**

*The reported study was funded by government subsidy, project no.122022700134-6
‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’*

The article examines the position and role of Kalmyk Khanate in international politics in the early 1760s. It focuses on Kalmyk-Crimean relations and contacts with Kabardia determined by the latter. In the Eastern Caspian, special attention is paid to interaction with Kazakhs and Turkmens.

Insights into the mentioned contacts prove topical enough since the events were taking place during earliest years of the young Viceroy Ubashi’s reign. Furthermore, the period would lay foundations of subsequent relations with neighboring peoples and states to have essentially contributed to the sudden eastwards Kalmyk migration of 1771.

The study analyzes a wide range of archival sources contained in Collection 36 of Kalmykia’s National Archive (‘Kalmyk Affairs [Executive Officer] under the Governor of Astrakhan’).

Key words: *Kalmyk Khanate, Kazakhs of the Younger Zhuz, Turkmens, Crimean Khanate, Kabarda, trade, international relations.*

С момента образования империи правительство России значительное внимание уделяло контролю над контактами Калмыцкого ханства с соседними народами и государствами. По мнению М.М.Батмаева, во время правления Дондук-Даши (1741–1761) ханство вступило в период всестороннего ограничения ханской власти, активного вмешательства российской администрации во внутренние и внешние

дела ханства. В тексте наместнической присяги давно уже утвердились обязательства не иметь дипломатических и иных контактов с противниками Российской империи. В целом, в 40–50-е гг. внешние связи Калмыкии хотя и сократились, но продолжали существовать [3, с.298].

В историографии XIX – начала XX вв. первыми об ограничительных мероприятиях, в том числе и во внешней политике, написали Ф.А.Бюлер [4], К.И.Костенков [9], А.М.Позднеев [15] и М.Г.Новолетов [12]. Отдельные аспекты внешнеполитической истории Калмыцкого ханства впервые были подняты в работах современных исследователей К.Н.Максимова [10], М.М.Батмаева [3], А.Г.Митирова [11], В.И.Колесника [8], А.В.Цюрюмова [16] и Е.В.Дорджиевой [6], а также в коллективных «Очерках истории Калмыцкой АССР» [14] и первом томе «Истории Калмыкии» [7]. В целом, внешнеполитическая история Калмыцкого ханства в данный период остается малоизученной и требует дальнейшего исследования с привлечением новых источников.

С начала XVIII века Калмыцкое и Крымское ханства имели постоянные дипломатические сношения: обмен послами становится традиционной практикой в отношениях калмыков и Крыма. Ханские послы подолгу жили в ставках и вели активную переписку. После окончания русско-турецкой войны в 1739 г. контакты между Калмыцким и Крымским ханствами начинают сокращаться. В 40–50-е гг. Российская империя не проводила на Северном Кавказе активных внешнеполитических действий. В этот период в калмыцко-крымских отношениях главную роль стала играть торговля.

Другой причиной снижения уровня отношений стал природный фактор. Например, 30 апреля 1761 года глава калмыцких дел Н.Г.Спицын сообщал, что в Крыму моровое поветрие, поэтому калмыкам не даются паспорта [1, Ф.36. Оп.1. Д.330. Л.63].

В 1761 г. новым наместником ханства стал Убаши (1761–1771). Первоочередной задачей российского правительства стало продолжение контроля над его внешнеполитической деятельностью. В марте этого года Коллегия иностранных дел через главу калмыцких дел Н.Г.Спицына указала наместнику прекратить контакты с соседними народами и удалить из ханства всех «находящихся при нем заграничных людей» [1, Ф.36. Оп.1. Д.346. Л.24].

Отдельные контакты между ханствами были замечены. 16 сентября 1760 г. Н.Г.Спицын сообщал о проезде в Крым от Дондук-Даши посланца с 14 сопровождающими. 3 декабря казак И.Селиванов вез крымскому хану письмо и встретил в Вениколе 70 послов от Дондук-Даши, побывавших у калги Салтана Сиадета-Гирея с презентом. Тот в ответ подарил 50 верблюдов [1, Ф.36. Оп.1. Д.330. л. 64об-65].

В апреле-мае 1761 г. Н.Г.Спицын писал в доношении, что на Кубань от наместника выехал посланец сераскера Акмирза. Губернатор В.В.Неронов сообщил, что посланец увел с собой 400 лошадей [1, Ф.36. Оп.1. Д.330. Л.89об].

Более известными стали контакты с Крымом дербетского Галдан-Церена, чьи послы в 1762–1763 гг. просили разрешения кочевать в кубанской степи. Крымский хан сообщил российскому консулу Никифорову о том, что «одна калмыцкая фамилия» с улусом в 5000 человек в 1762 г. просила о протекции его хана крымского, в чем им было отказано [1, Ф.36. Оп.1. Д. 323. Л. 124; 2, с.82-83]. Позже вскрылось, что это была просьба дербетского владельца Галдан-Церена.

В эти же годы Крым активизировал свои действия на Северном Кавказе. В феврале 1761 года стало известно, что крымский хан прибыл на Кубань для усмирения темиргойцев. По решению КИД калмыки должны были по льду перейти на луговую сторону и находиться там, пока не вскрыется Волга [1, Ф.36. Оп.1. Д.330. Л.30].

Указ КИД кизлярскому коменданту полковнику И.Ф. де Боксбергу информировал, что крымский хан потребовал от владельцев Большой Кабарды, чтобы они признали его правителем и стали платить дань и переселились за Кубань. При возвращении из Мекки в Крыму задержан сын Бамата Коргокина Темрюк. Сначала его обвинили в убийстве кабардинцами бунтовщика Бакта-Гирея дели солтана. Русский резидент А.М.Обрезков в Константинополе должен уверить турецкого султана заставить крымского хана оставить в покое кабардинцев. В Кабарде блажелательны России Магомед Коргокин и Касай Атажукин, им надо отправить записку, чтобы не слушали крымского хана [1, Ф.36. Оп.1.Д.332.Л.3-5].

Спустя два года консул в Крыму А.Ф.Никифоров сообщил, что еще весной 1763 г. к крымскому хану прибыли 4 темиргойских мурз из Черкесии, затем прибыли 15 князей темиргойцев, бесленейцев, абазинцев, базулуков и еще 5 мурз кубанских ногайских татар, привезших кабардинских лошадей. Они просили оставить их в крымской протекции. Несмотря на то, что в 1762 г. они разгромили присланного из Крыма сераскера, хан принял их в подданство. В сентябре 1763 года крымский хан потребовал пропустить его войска через Дон на Кубань [1, Ф.36. Оп.1.Д.350 Л.342–344].

3 ноября 1763 г. было составлено «Разсуждение Коллегии иностранных дел» по плану главы калмыцких дел Н.Г.Спицына, предписывавшее действия в случае переправы кубанских войск через Дон на Кубань. Новый глава калмыцких дел бригадир А.Д.Бехтеев со всей командой должен был отправиться к наместнику ханства Убаши, а недавно назначенный его помощником пример-майор Астраханского гарнизона Иван Кишенсков – в Дербетский улус. Калмыцкие владельцы должны кочевать недалеко от верховьев Кумы между Астраханью и Кизляром и создать там сильную заставу, чтоб не быть подверженным нечаянным нападениям с кубанской стороны. Консул Никифоров должен сообщить крымскому хану, что России запретит калмыкам кочевать по кубанской степи [2, с. 8–84].

В «Разсуждении» отмечалось, что едисанцы ранее кочевали с калмыками, но в 1723 г. перешли на крымскую сторону. Но в 1754 г. стали проситься назад. В 1757 г. они подняли восстание против крымского хана Халим Гирея и стали искать возможность возвращения. Встретить их должны донские казаки [2, с.77–78].

Вероятно, наместник Убаши создал беспрецедентную систему мер по обеспечению секретности переписки с крымским ханом. Полковник И.Кишенсков писал, что «о присылаемых к нему письмах, кроме его наместника и двух его зайсангов Даши-Дондука и Ондона, другие никто не знает, и как оные получаютца, то для прочтения потому, что и с калмык никто по татарски читать не умеет, призывают татарского муллу, и хранятся те письма у самого наместника» [1, Ф.36. Оп.1. Д. 402. Л. 27-об]. Кишенсков пытался при помощи подкупа и кражи получить письма, к тому же и Убаши всячески отрицал их наличие. Например, в 1764 г. Бехтеев долго добивался от наместника письма, привезенного из Бахчисарая турком Тосун Магмутом. В ответ на требования передать ему письмо крымского хана Убаши отсылал второстепенные по содержанию письма.

Эти контакты вновь вызвали недовольство российского правительства, которое в 1764 г. отправило в Астраханскую губернию специальную инструкцию, запрещавшую принимать в улусах беглых из Оттоманской Порты, Крымского ханства и Кубани.

В феврале 1767 г. наместник в ответ на упреки писал И.А.Кишенскову, что не посылал своих людей в Азов. Он уверял, что если бы появилась надобность в посылке людей, то обратился бы к нему заранее для получения «подорожной». В результате И.А.Кишенсков докладывал в Коллегию, что в Крым и на Кубань давно уже не было поездок [1, Ф.36.Оп.1.Д.356.Л. 516; Д. 388. Л. 114; Д. 398. Л. 13об].

Контроль над контактами калмыков с Крымом потребовал аналогичные действия в отношениях с Кабардой. Прежде всего необходимо отметить, что важнейшим форпостом на Северном Кавказе являлась крепость Кизляр, ставшая фактическим военно-административным центром российского пограничья. По плану Сената западнее планировалось построить новый форт, расселив здесь православных осетин и кабардинцев. Но из-за недостаточного числа началось расселение многих тысяч крепостных и государственных крестьян, а также татар и калмыков [5, с. 4]. В результате к 1763 году здесь было заложено укрепление, ставшее через два года крепостью Моздок. Со временем его основное население составили не только кабардинцы и осетины, но и грузины, армяне и греки [13, с.86]. Таким образом, для укрепления приграничных территорий важная роль отводилась заселению этих территорий так называемыми новообращенными переселенцами.

Первоначально российские крепости не столько служили целям контроля над дипломатией калмыков, сколько ограничивали беспощадную торговлю кочевников. 21 августа 1760 г. Астраханский губернатор генерал-майор Жилин сообщал, что бывший хан Дондук-Даши имел затруднение в оплате пошлин за задержанный в Кизляре товар на сумму 4322 руб., который он требовал пропустить бесплатно. Но по представлению КИД Сенату от 8 марта 1759 г. и указу Сената от 5 апреля ханские товары не облагались налогом на сумму, не превышающую 3000 руб. За проданных за границу лошадей хан обязан платить пошлину в случае превышения их суммы [1, Ф.36. Оп.1.Д.332.Л.6-7]. Государственный канцлер М.И.Воронцов подтвердил, что калмыцкие товары, задержанные в Кизляре, могут быть пропущены, если приобретались за вырубленные от продажи лошадей на сумму 3000 руб. [1, Ф.36. Оп.1.Д.330.Л.15-об]. Грамота императрицы Екатерины II специально сообщила хану, что на продажу в кумыцкие земли и за границу он может пропустить лошадей на сумму не более 3000 руб., на эту же сумму приобретались товары. Для примера была взята сумма из указа Петра I от 1719 г. Поэтому на кизлярской таможне были задержаны ханские люди с товарами на большую сумму. Подобная практика утвердилась и в случае, когда калмыки ездили к Далай-ламе [1, Ф.36. Оп.1.Д.332. Л. 9-10об].

10 мая 1763 года астраханскому губернатору В.В.Неронову был направлен императорский указ, сообщавший, что по сообщению главы калмыцких дел А.Д. Бехтеева от 31 марта сохоровские калмыки зимой продали много лошадей в Кабарду, одновременно их много покупали в улусах черкесские купцы. Бригадир предложил поручить Кизлярскому коменданту проводить проверку у калмыков письменных разрешений. Далее он предлагал задержанных на заставах без таких разрешений подвергать жестокому наказанию. В справке КИД говорилось, что еще 24 сентября 1744 года Коллегия отправила грамоту хану Дондук-Даши и указ астраханскому губернатору тайному советнику Татищеву и главе калмыцких дел подполковнику Спицыну о конфискации на заставах прогоняемых в Кабарду лошадей. 2 июля 1746 года астраханский губернатор Брылкин сообщал об аресте направлявшихся в Кабарду 6 калмыков с 54 лошадьми и предлагал кроме конфискации дополнительно наказать кнутом. 29 декабря коллегия высказалась против. В 1755 году на Кубань бежали казанские татары. В результате 9 января 1755 года Дондук-Даши и генерал-майор Спицын получили указ, разрешающий проезд на Кубань и в Кабарду только с письменным разрешением хана и Спицына. Астраханский губернатор генерал-майор Жилин, власти Дона и Кизляра получили предписание арестованных без проезжих писем отправлять в Астрахань. Наместник Убаши получил указ воздержаться от частых поездок за границу. В случае необходимости разрешение, в том числе и купцам, будет давать Бехтеев.

Все проезжающие за границу без паспорта будут жестоко наказаны. Предлагалось «сечь плетьюми». После конфискации калмыкам оставались лошади для их собственного передвижения [1, Ф.36. Оп.1. Д.350.Л.134-136об].

13 мая 1763 года главе калмыцких дел бригадиру Бехтееву был отправлен императорский указ о наказании тех калмыков, кто прогоняет в Кабарду тайно лошадей на продажу без разрешения главы калмыцких дел [1, Ф.36. Оп.1. Д.350.Л.133].

В системе калмыцко-казахских отношений первостепенную роль играла организация контроля над взаимными набегами. 20 ноября 1762 года Бехтееву был направлен Указ КИД, в котором сообщалось о начавшихся воровских набегах калмыков на киргиз-кайсаков, в результате которых был отогнан 247 лошадей. Убаша, Бамбар и Шеаренг должны найти всех воровских людей, наказать и вернуть лошадей на яйцкие форпосты [1, Ф.36.Оп.1. Д.350.Л.3-об].

В императорском указе из КИД оренбургскому губернатору А.Р.Давыдову приводится информация из его доношения от 3 октября 1762 г. о том, что 15 сентября на яйцких форпостах при крепости Индерских гор на отъезде карауле ночью были замечены переправляющиеся через Яик калмыки. Через два часа они вернулись с лошадьми, но не смогли переправиться на внутреннюю сторону из-за казаков и вернулись на степную сторону. Днем казаки не нашли калмыков, но был найден киргиз-кайсак Бурут Санцыков из улуса Шеаренга. Он рассказал, что выехал из улуса с 11 калмыками для отгона лошадей. 6 остались с лошадьми в урочище Борханах. Днем появился отряд казаков, и калмыки рассеялись в степи, где и был пойман Бурут. Губернатор предлагает пойманного наказать и сослать в крепость Рогервик, показав пример остальным калмыкам. 4 сентября под Тополинскую крепость приходили 16 калмыков. Наместник Убаша, нойоны Бамбар и Шеаренг должны удержать своих калмыков и вернуть лошадей. Из-за набегов растут побегии крещеных калмыков из Оренбурга и Ставрополя-на-Волге [1, Ф.36. Оп.1. Д.350. Л.22-24].

По-прежнему большие проблемы вызывали контакты калмыков с туркменами Мангышлака. Туркменцы ушли от калмыков во время междоусобия 1723 г. и от нападений киргиз-кайсаков к Хиве. В 1753 и 1754 гг. Дондук-Даши сообщал, что они собираются возвращаться на Мангышлак, поэтому он послал людей на лодках. Они должны привезти ловчих птиц. Приехавшие 33 туркмена привезли ловчих птиц и ковры и сообщили, что если их пропустит караул на Яике, то они привезут хану дань и подарки, а также могут приезжать с купцами. КИД считает, что с 1745 г. из-за взаимного воровства скота через Яик запрещено пропускать калмыков и киргиз-кайсаков. Так как туркменский народ «не меньше варварской и к воровству склонной» в 1746 г. было запрещено пропускать их «с Яика от Гурьева городка сухим путем до Астрахани, а особливо до калмыцких улусов». Согласен с этим был и Оренбургский губернатор И.И. Неплюев, считавший, что калмыки будут иметь связи со степными народами, а также начнутся нападения киргиз-кайсаков. Если перевозить товары на лодках по взморью, то казна не сможет собирать пошлины. Проход надо оставить в Гурьевом городке раз в год. 7 сентября 1755 г. хану был отправлен указ, разрешающий пропуск раз в год 30 туркменом с 60 лошадьми и подарками на 300 руб. В Гурьеве туркмены должны показать товары коменданту для оценки. При возвращении они могут везти подарков на 100 руб. [1, Ф.36. Оп.1.Д.332. Л.18-21].

Туркмены платили раньше подать по 1 корсаку с кибитки в год, из-за междоусобий прекратили, но сейчас собираются везти вновь калмыкам подать. Но все лишнее могут забрать в Гурьеве, «хотя оно невелико, однако ж то что и он по примеру предков своих некоторую с них трукменцов подать будет получать для славы его надобно».

По указу Петра I от 26 февраля 1719 г. с ханских товаров не бралась пошлина с товаров до 3000 руб., если сумма превышала 3000 руб., то бралась пошлина по Таможенному уставу от 1 декабря 1755. [1, Ф.36. Оп.1.Д.332. Л.22-23].

19 февраля 1763 г. главе калмыцких дел бригадиру Бехтееву был отправлен Указ КИД, сообщавший, что шесть лет назад ко двору были отправлены подарочные лошади от туркмен. Один из сопровождающих по имени Кульнияз с женой и сыном также с женой направились к Бамбару для встречи с родственниками и находятся там. Туркменский посланник просит разрешить им выехать домой. Ему было объявлено, что еще в 1762 году из Табун-отокова улуса бежали 200 туркменских кибиток за Яик, от туда они пробрались к другим туркменам, кочующим при мангышлакской пристани и у Хивы. Поэтому он скорее уже отбыл из улуса Бамбара. Если же находится у калмыков, то будет отпущен. Но по императорскому указу туркмены не пропускаются через границу, в городах и калмыцких улусах не принимаются. Бамбару надо написать, что пришедшие в улусы туркмены должны навсегда там остаться. Родственники Кульнияза могут вернуться на родину, для этого он должен доехать до Астрахани и вместе с хивинским посланником отплыть на Мангышлак [1, Ф.36. Оп.1. Д.350.Л.103-об].

30 июня Бехтеев сообщил, что упомянутого туркмена в улусе Бамбара не оказалось. Но жена его с сыном и невесткой были обнаружены в улусе наместника Убаши. На допросе они сообщили, что выехали из улусов на собственной лодке тридцать лет назад в Астрахань для проживания. Здесь они жили в Бухарской слободе двадцать лет. Здесь родился их сын. Лет восемь назад они переехали в калмыцкие улусы, где женили сына на дочери туркмена Дюнди. В 1762 году ее муж Хансултан Кульнияз для торга поехал в Оренбург и сейчас находится у киргиз-кайсаков [1, Ф.36. Оп.1. Д.350.Л.220–221].

Изучение места и роли Калмыцкого ханства в международных отношениях в регионе в начале 60-х годов XVIII века показывает, что основное внимание российское правительство уделяло его контактам с Крымским ханством. Особенно активными они были в связи с действиями Дербетского улуса и прекратились с его умиротворением в 1763 году.

В связи с данной проблемой решался вопрос о контактах калмыков с Кабардой. При его решении Российская империя опиралась на пророссийски настроенные кабардинские фамилии.

В восточном Прикаспии внимание властей привлекали отношения калмыков с казаками и туркменами. Здесь Россия успешно использовала тактику ограничения любых контактов с соседями. В калмыцко-казахской сфере важно было прекратить взаимные угоны скота, что привело бы к окончательному умиротворению оренбургского участка границы.

Изучение указанных отношений актуально в связи с тем, что они происходили в первые годы правления молодого наместника Убаши, когда закладывался характер отношений калмыков с соседними народами и государствами, способствовавший их стремительному возвращению в Азию в 1771 году.

Источники

1. Национальный архив Республики Калмыкия.
2. Сборник Русского исторического общества. Политическая переписка императрицы Екатерины II. Т.51. 1763-1764. СПб., 1886. – 569 с.

Список литературы

3. Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 382 с.

4. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. 47. № 7. – С. 1–28.
5. Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Петербург, 1809.
6. Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай 1771 г. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2002. – 212 с.
7. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В 3 т. Т. 1. – Элиста: ИД «Герел», 2009. – С. 420–431.
8. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII–XVIII веках. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003.
9. Костенков К. Калмыцкая степь по исследованиям Кумо-Манычской экспедиции. Ч. III. – СПб.: Министерство государственных имуществ, 1868. – 171 с.
10. Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. – М.: Наука, 2002. – 524 с.
11. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. – 384 с.
12. Новолетов М. Калмыки: Исторический очерк. – СПб., 1884. – 77 с.
13. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. – С.86.
14. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. – М.: Наука, 1967. – 479 с.
15. Позднеев А.М. Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нынешнего столетия // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. ССХIV. Отд.2. СПб., 1886. – С. 140–170.
16. Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. – Элиста, 2007. – 462 с.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т.М. Грушевская, А.Г. Ампилян
Кубанский государственный университет

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ОБРАЗОВАНИЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена рассмотрению вербализации концепта «образование» во французской и русской лингвокультурах. Прослеживается история появления термина «концепт» в русской лингвистической науке, а также приводятся основные определения термина. Сравняются системы образования России и Франции. На материале, собранном из толковых и синонимических словарей французского языка, приводятся понятийные характеристики концепта “éducation”. В статье присутствуют элементы сравнительного анализа французского концепта “éducation” с концептом «образование» из русской лингвокультуры. Приводятся и анализируются устойчивые выражения из французского языка, которые выделяются в рамках данного концепта.

Ключевые слова: *концепт, французский язык, обучение, образование, воспитание, языковая картина мира, этнос, лингвокультурология, социокультурные аспекты, языковая форма.*

T.M. Grushevskaya, A.G. Ampikyan
Kuban State University

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF “EDUCATION” IN FRENCH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

The article is devoted to the consideration of the verbalization of the concept “éducation” in French and Russian linguocultures. The history of the appearance of the term “concept” in Russian linguistic science is traced, and the main definitions of the term are also given. The educational systems of Russia and France are compared. Based on the material collected from explanatory and synonymous dictionaries of the French language, the conceptual characteristics of the concept “éducation” are given. The article contains elements of a comparative analysis of the French concept “éducation” with the concept “education” from the Russian linguoculture. Stable expressions from the French language, which stand out within the framework of this concept, are given and analyzed.

Key words: *concept, the French language, teaching, education, upbringing, linguistic picture of the world, ethnicity, lingo-cultural studies, socio-cultural aspects, language form.*

Понятие «концепт» носит междисциплинарный характер, являясь актуальным для целого ряда исследований в самых различных гуманитарных науках. К теории концепта в наше время обращаются исследователи в рамках лингвистики, психологии, философии, литературоведения, культуроведения. Ключевым данный термин является в этнолингвистических исследованиях. Еще В. Фон Гумбольд отмечал, что язык и дух народа неразрывно связаны, язык есть душа народа [6]. А уже в XX веке Сепир и Уорф в рамках теории лингвистической относительности постарались доказать, что язык и вовсе формирует мышление, а не просто влияет на него [4, с. 309]. В этой связи проводятся исследования, связанные с концептами в лингвокультуре различных народов, что позволяет приблизиться к пониманию другой культуры, ментальных особенностей другого народа, что особенно важно при изучении иностранного языка,

а также при обучении. Ведь коммуникативные задачи, поставленные при общении на иностранном языке, не могут быть успешно достигнуты при отсутствии данных компетенций, так как невозможно владеть иностранным языком в отрыве от знания ментальных особенностей его носителей. Очевидно, что «образование» – это важный концепт в лингвокультуре любой развитой страны, однако в каждой из них концепт представлен по-разному.

Цель данной работы – изучение и анализ концепта «образование» во французской лингвокультуре в сравнении с русской. Актуальность исследования обусловлена неугасающим в последнее время интересом русских и зарубежных лингвистов к изучению различных концептов, преобладающих в лингвокультурах разных стран. Новизна работы заключается в том, что концепт «образование» еще не был изучен во французской лингвокультуре, хотя существует ряд работ, посвященных данному концепту в русской лингвокультуре. Практическая значимость состоит в том, что работа может быть использована в дальнейших исследованиях в рамках концептов лингвокультуры Франции, в том числе и для сравнительных исследований различных лингвокультур, а также при изучении иностранного языка.

Материалами данной статьи являются лексические единицы, а также устойчивые выражения французского языка, входящие в рамки концепта «образование», собранные во французских толковых словарях (Larousse, Le Robert), а также в русских (Толковый словарь Ушакова). Методологическую базу исследования составляют: сравнительно-исторический метод, используемый нами для сравнения концепта «образование» во французском языке и русском; для сбора информации, а также первичного ее анализа и характеристики, нами был выбран описательный метод; а также следующие общенаучные методы: анализ и наблюдение.

Впервые в России к понятию концепт обратился С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово» в 1928 году [3]. Он определяет концепт как некое мысленное образование, которое в процессе мысли служит для замещения целого множества предметов одного и того же рода. Интересно, что к работам Аскольдова, посвященным концепту, обратились с огромным интересом лишь в 80-ые годы XX века, именно тогда термин и начал закрепляться в отечественной лингвистике, этому поспособствовало то, что только к этому времени были переведены популярные научные труды англоязычных исследователей, посвященные этнолингвистике, лингвоантропологии и релятивистике [7].

В дальнейшем понятием «концепт» занимались многие ученые, поэтому сегодня существует множество подходов к нему. Сегодня в лингвистике особенно выделяют некоторые подходы, представителем первого является Ю.С. Степанов. Для него термины концепт и понятия являются тождественными в русском языке, об этом он пишет в своей статье «Концепт». Его метафорическое определение концепта: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека...» [9]. Н.Д. Арутюнова считает, что концепты – это особый культурный слой, расположенный между человеком и миром, а при создании концептов взаимодействует целый ряд различных факторов, таких как религия, национальная традиция, устное народное творчество, искусство, идеология, системы ценностей и опыт [7, с. 50]. Г.Г. Слышкин дает емкое определение концепту. Он отмечает, что концепт изначально принадлежит сознанию, но определяется культурой и воплощается в языке [7, с. 51].

Прежде, чем мы обратимся к рассмотрению вербализации концепта «образование» во французском и русском языке, считаем необходимым сравнить системы образования этих двух стран, без чего анализ данного концепта не может быть полноценным.

В настоящее время Россия и Франция имеют разные подходы к образованию. В России образование делится на начальное, основное, среднее и высшее. Начальное образование длится 4 года, основное – 5 лет, среднее – 2 года, а высшее от 4 до 5 лет. После среднего образования ученики могут обучиться профессии в высшем учебном заведении, техникуме или колледже. Во Франции образование делится на начальное, среднее и высшее. Интересно, что русскому учреждению, которое носит наименование «детский сад», во Франции соответствует “*école maternelle*”, дословно существительное “*école*” переводится как «школа», а прилагательное “*maternelle*” – «материнская». Данное учреждение появилось во Франции аж в 1771 году, подразделяется оно на две секции по возрасту (с 2 до 6 лет и с 6 до 7). То, что в нашем представлении «детский сад», во Франции представляется школой, что уже заложено в названии. Считается, что именно там дети приобретают навыки чтения и письма.

Начальное образование (“*école élémentaire*”) во Франции длится 6 лет, среднее (делится на “*collège*” и “*lycées*”) – 4 года, а высшее (“*l’enseignement supérieur*”) – от 2 до 5 лет, в зависимости от уровня и типа образовательного учреждения. Отметим, что существительные “*collège*” и “*lycées*” не соответствуют русским. Слово «колледж» пришло в русский язык со значением из английского языка: «В Англии, США и некоторых других странах: высшее или среднее учебное заведение. В современной России: среднее учебное заведение». В то время как во Франции “*collège*” соответствует средней школе в России с 5 по 9 классы. Существительное “*lycées*” тоже может послужить ложным для восприятия концепта «образование» во французской лингвокультуре, так как в русском восприятии лицей – разновидность школы, такая же, как «гимназия». Однако во французском «лицее» учатся старшеклассники. Кроме университетов (*l’université*), во Франции в рамках высшего образования также существуют особые учреждения, которые называются “*grande école*”, на русский язык можно перевести как «большая школа», это ряд высших учебных заведений, предназначенных для подготовки специалистов высокого уровня. В России существует различное количество образовательных учреждений, включая детские сады, школы, техникумы, колледжи и вузы. Учреждения высшего образования в России могут предлагать различные уровни квалификации, от бакалавра до доктора наук. Во Франции также существует различное количество образовательных учреждений, но они, как правило, ориентированы на подготовку студентов в соответствии с определенной специальностью. Университеты во Франции обычно предлагают бакалавриат и магистратуру, а “*grandes écoles*” – подготовку специалистов в высокотехнологичных и инженерных областях [8].

Системы оценивания школьных знаний также различаются в России и Франции. В России система оценки основана на пятибалльной шкале. Баллы начисляются за работу на уроках, выполнение домашних заданий и результаты самостоятельных, проверочных, контрольных и творческих работ. Во Франции система оценки основана на двадцатибалльной шкале, где 10 баллов считается удовлетворительным, а 20 баллов – отличным результатом. Баллы обычно выставляются на основе письменных и устных экзаменов, а также на основе оценок за выполнение домашних заданий и проектов.

В России обучение чаще всего основывается на традиционных методах, которые включают в себя изучение теории и отработку нового материала на выполнении упражнений. Ученикам предоставляется много информации, и на них возлагается ответственность за ее запоминание и понимание.

Во Франции обучение более интерактивно, и ученикам предоставляется больше возможностей для общения с преподавателями и другими студентами. Во многих учреждениях высшего образования во Франции используются групповые проекты и дискуссии,

которые помогают студентам лучше понимать материал. Этот успешный опыт Россия переняла – в большинстве русских школ появился предмет под названием «проектная деятельность», в рамках которого школьники могут воплотить свои задумки.

Рассмотрим, как концепт «образование» вербализуется во французской лингвокультуре. Обратимся к первому определению из толкового словаря Larousse ключевой лексики для концепта «образование»: *éducation – action d'éduquer, d'instruire quelqu'un; manière de dispenser cette formation* (действие по воспитанию, обучению кого-либо; способ организации этого обучения) [11]. Здесь особенно важно отметить, что для французов «éducation» – это и «обучение», и «воспитание», эти лексемы входят в состав концепта «образование». Для сравнения возьмем определение лексемы «образование» из толкового словаря Ушакова: «процесс усвоения знаний, обучение, просвещение» [10]. Следующее определение из этого же толкового словаря: «совокупность знаний, полученных в результате систематического обучения» [10]. Данный концепт в нашем языке относится в первую очередь к получению знаний в процессе обучения, в то время как во французском языке это еще и воспитание. В зависимости от контекста французское «éducation» может быть переведено по-разному. Вспомним произведение Гюстава Флобера, роман “L'Éducation sentimentale”, который на русский язык переводят как «Воспитание чувств», что весьма соответствует литературной традиции данного романа-воспитания [15]. Очевидно, что автор романа ставил перед собой не только художественные цели при написании книги, но и воспитательные, и педагогические для своего читателя.

Следующее определение из словаря Larousse: *mise en œuvre de moyens propres à développer méthodiquement une faculté, un organe: éducation du goût* (применение средств, необходимых для методического развития способности, органа: воспитание вкуса) [11]. Это определение расположено на втором месте в словаре, нам встречается интересный признак концепта «образование» и «воспитание», у французов относится не только к мыслительной деятельности человека, как в русском языке, но и к его органам чувств.

Интересно, что только третье определение из словаря Larousse близко к определениям из толкового словаря Ушакова: *Initiation à un domaine particulier de connaissances* (знакомство с определенной областью знаний) [11].

Образование во французском языке неразрывно связано еще и со знанием хороших манер, о чем говорит последняя дефиниция: *connaissance et pratique des bonnes manières, des usages de la société; savoir-vivre* (знание и практика хороших манер, обычаев общества; умение жить) [11]. Особенно хочется остановиться на лексеме “*savoir-vivre*”, входящей в состав концепта «образование». Дословно существительное переводится как «уметь-жить». Каков же человек, умеющий жить, для французов? Обратимся к дефиниции данного понятия: *connaissance et pratique des règles de la politesse, des usages du monde* (знание и практика правил вежливости, обычаев мира) [11]. Умение жить во французской лингвокультуре входит в концепт «образование», оно связано в первую очередь с вежливостью по отношению к другим, знание не только обычаев своего народа, но и других [5].

Согласно словарю Larousse, семантический потенциал концепта “*éducation*” может быть выражен следующим синонимическим рядом: *enseignement, façonnage, formation, instruction, pédagogie, classe, décence, distinction, politesse, savoir-vivre* (преподавание, формирование, образование, педагогика, категория, порядочность, разборчивость, вежливость, умение жить) [11]. В словаре Le Robert приводятся следующие синонимические единицы: *apprentissage, initiation, connaissances, perfectionnement,*

affinement, amélioration, développement, bienséance, bonnes manières (учение, ознакомление, знания, совершенствование, утонченность, улучшение, развитие, благопристойность, хорошие манеры) [12].

Для сравнения, в словаре синонимов русского языка Александровой приводятся следующие синонимы слова «образование»: обучение, просвещение, начитанность [2, с. 367].

В синонимическом словаре Абрамова: просвещение, культура, цивилизация, прогресс, образованность, выделка, изготовление, созидание, фабрикация, формирование (формировка), организация, устройство [1, с. 278].

Лексемы, связанные с хорошими манерами, вежливостью, не входят в синонимический ряд существительного «образование» в русском языке, в отличие от французского языка.

Во французском языке встречаются следующие устойчивые словосочетания с ключевой лексемой концепта “*éducation*”: *manquer d'éducation* (отсутствие образования), *éducation du goût* (воспитание вкуса), *faire l'éducation de quelqu'un* (обучать кого-либо), *faire l'éducation d'un enfant* (заниматься обучением ребенка), *le ministère de l'Éducation nationale* (министерство национального образования), *les sciences de l'éducation* (педагогические науки), *éducation physique et sportive (EPS)* (физическое и спортивное воспитание), *éducation civique* (гражданское воспитание), *l'éducation de la mémoire* (развитие памяти), *devoir d'éducation* (воспитательная обязанность), *éducation nationale* (народное просвещение), *éducation nouvelle* (новое образование), *éducation permanente* (непрерывное образование), *éducation spécialisée* (специальное образование), *éducation surveillée* (исправительная колония) [11]. В зависимости от контекста, ядро французского концепта существительное “*éducation*” может быть переведено на русский язык различными лексемами, которые во французском языке являются частью данного концепта: «воспитание», «обучение», «педагогика», «развитие», «просвещение» и даже как «исправление» в словосочетании *éducation surveillée*, хотя далеко не все эти лексемы входят в концепт «образование» в русской лингвокультуре.

Французский и русский языки богаты на идиоматические выражения, связанные с образованием, рассмотрим некоторые из них: “*avoir la bosse des maths*” – выражение из регистра “*familier*” (разговорное), означает согласно словарю *L'Internaute*: “*avoir un don naturel pour la mathématique*” (иметь природный дар к математике) [14]. На русский язык можно перевести как «хорошо разбираться в математике». Происхождение выражения восходит к лженауке «френологии», появившейся в XIX веке. Теория этой «науки» утверждала, что способности и таланты людей можно определить по шишкам на их черепе: столько же шишек за столько же разных дарований. Сегодня можно встретить разные вариации данного выражения, разговорное “*des maths*” (математика) заменяют на другие области человеческого познания. Интересно, что изначально так говорили только про математику, что может свидетельствовать о том, что французы считают, что нужно иметь некий талант, чтобы разбираться в точных науках.

Для неуспевающих учеников существует во французском языке выражение “*être un cancre*”: *élève paresseux, très mauvais élève* (ленивый, очень плохой ученик). Отметим, что выражение также с пометкой «разговорное». Русский эквивалент, соответствующий смыслу и регистру данного выражения, – «быть неучем».

Именно для таких учеников, которые часто обходят школу стороной, и существует еще одно очень любопытное идиоматическое выражение “*faire l'école buissonnière*”. Дословно на русский язык переводится как «заниматься в лесной школе». Согласно толковому онлайн-словарю *L'Internaute*, имеет значение: “*Aller se promener, s'amuser*

au lieu d'aller à l'école" (отправиться прогуливаться и развлекаться вместо похода в школу). Кроме этого, существует схожее выражение: "sécher les cours": manquer volontairement un cours (пропустить уроки по собственному желанию). Глагол "sécher" переводится как «высушить», существительное "les cours" – «уроки». Выражение возникло тогда, когда в школах для письма использовали чернила. Их заливали в встроенные в парты чернильницы, которые быстро высыхали в отсутствие ученика, которому не наливали новых чернил [14]. В русском языке ближайшим эквивалентом является выражение прогуливать школу.

А вот того, кто учится старательно, называют "un élève modèle". Дословно "un élève" – «ученик», а "modèle" – «пример», «образец». В русском языке существует такое же выражение, того, кто не пропускает уроки, отлично учится и прилежно делает все домашние задания, называют «образцовый ученик» либо «примерный ученик».

Для таких учеников существует еще один титул, однако с более негативной коннотацией. По отношению к примерным ученикам французские школьники используют не без зависти выражение "un chouchou du prof". Выражение разговорное, первое значение существительного "un chouchou": morceau de tissu froncé autour d'un élastique, servant à retenir les cheveux (кусочек ткани, обернутый вокруг резинки, служит для удержания волос). "le prof" – это сокращение существительного "le professeur" (учитель, профессор). Полностью выражение переводится как «любимчик учителя». Отметим, что в русском языке существует слово с еще более негативной коннотацией, тоже из разговорного стиля: «зубрила». Так называют человека, который бессмысленно заучивает материал наизусть, но при этом совершенно не понимает его.

Выражение "apprendre par cœur" дословно можно перевести как «изучить сердцем». Выражение появилось очень давно, еще в XIII веке, и прожило века, закрепившись во французском языке. Дело в том, что в древних трактатах по анатомии сердце рассматривалось как сосредоточение эмоций, страстей, мужества, а также интеллекта и памяти. Выражение переводится как «выучить наизусть». В русском языке встречаются схожие устойчивые выражения по смыслу: «назубок выучить», «зазубрить». Интересно, что оба выражения связаны с «зубом». Данная идиома тоже зародилась в языке давно. В старину подлинность монет, а также изделий из дорогих металлов проверяли на подлинность с помощью зубов, прикусывая объект исследования. Позже выражение обрело абстрактное значение, связанное с подлинностью. Так, если человек хорошо выучил что-либо, то знает он по-настоящему, его знания подлинные.

Французы считают, что образование для каждого человека должно продолжаться даже после окончания школы или университета, это объясняет наличие в языке такого устойчивого выражения, как "formation permanente". На русский язык можно перевести как «постоянное обучение» или же «непрерывное обучение». Идея о том, что получение новых знаний должно продолжаться всю жизнь, близка и для русской культуры. Человек должен самосовершенствоваться и не стоять на месте, занимаясь саморазвитием. Русское устойчивое выражение «век живи – век учись» подразумевает, что невозможно знать все в этом мире, даже если бы каждый человек жил целый век, он все равно мог бы узнать, открыть что-то новое для себя.

Собранный и проанализированный нами материал показал, что концепт "éducation" во французском языке достаточно развит, он вербализуется посредством большого количества лексических единиц, входящих в рамки концепта. В ядре концепта обнаруживаются не только такие понятия, как «обучение», «знания», но и такие специфические, как «воспитание», «вежливость», «хорошие манеры», «умение жить», что является особой характеристикой картины мира французов.

Сопоставив концепт “éducation” во французской лингвокультуре с концептом «образование» в русской, мы пришли к выводу, что данный концепт поистине уникален в каждой из лингвокультур и является важнейшим источником информации о жителях страны, их устоях и общественном порядке.

Концепт «образование» действительно широко и разнообразно проявляется во французской и русской лингвокультурах, отражается в языках, что находит свое выражение в огромном количестве устойчивых выражений, идиом, входящих в ядро концепта. Этому способствуют развитые системы образования обеих стран, особенности которых мы рассмотрели в работе. Более того, концепт “éducation” влияет на коммуникативные ситуации, необходимо учитывать, что образованный человек для французов не только личность, получившая образование, он должен владеть правилами хорошего тона, которым во Франции уделяется огромное внимание, быть внимательным и вежливым по отношению к другим.

Список литературы

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – Москва, Аст, 2008. – 672 с.
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Мир и образование, 2022. – 816 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово. [Электронный ресурс]. URL:https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004970449_1142/ (дата обращения 14.01.2023).
4. Бородай С.Ю. Язык и познание. Введение в пострелятивизм. – Москва, Садра, 2020. – 800 с.
5. Грушевская Т.М., Соломон Ю.А. Вербализация понятия «личностные качества» в произведениях Франсуаза Саган // Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник АГУ». – 2019. – № 4. – С. 32-36.
6. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. – Москва, Прогресс, 2000. – 400 с.
7. Касьян Л.А. Термин «Концепт» в современной лингвистике: различные его толкования // Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник ЮГУ». – 2010. – № 4. – С. 50–53.
8. Официальный сайт министерства национального образования Франции. URL:<https://www.france-education-international.fr/article/le-systeme-educatif-francais?langue=fr> (дата обращения 02.01.2023).
9. Степанов Ю.С. Концепт. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> (дата обращения 02.01.2023).
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова. [Электронный ресурс]. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 08.02.2023).
11. Larousse / Онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL:<https://www.larousse.fr> (дата обращения: 19.01.2023).
12. Le Robert / Онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL:<https://www.lerobert.com> (дата обращения: 08.02.2023).
13. Le Robert dictionnaire d’expressions et locutions. – Paris, French and European Publications, 2015. – 1092 p.
14. Linternaute / Онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL:<https://www.linternaute.fr/expression/> (дата обращения 08.02.2022).
15. Flaubert G. L’éducation sentimentale. – Москва, Капо, 2009. – 512 с.

*А.Х. Корнеева**Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»***РУССКИЕ, КАЛМЫЦКИЕ И КИТАЙСКИЕ НАЗВАНИЯ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ТОПОНИМИИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В работе исследуются названия географических объектов, содержащие информацию о животном мире определенного региона. Статья посвящена анализу русскоязычных и калмыцких зоотопонимов на территории Республики Калмыкия, а также китайских зоогидронимов и зооронимов как наиболее древних и мало подверженных изменениям разрядов топонимической лексики. На материале разноструктурных языков выявляются сходства и различия в исследуемом фрагменте топонимической картины мира. В результате проведенного исследования выявлено, что в русском и китайском языках, языках оседлого населения, преобладают зооназвания, относящиеся к общевидовым, тогда как в калмыцких зоотопонимах наряду с общевидовыми зафиксированы половозрастные обозначения животных.

Ключевые слова: *топоним, зоотопоним, русский язык, калмыцкий язык, китайский язык, гидроним, ороним, животные, птицы.*

*А.Нк. Korneeva**Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov***RUSSIAN, KALMYK AND CHINESE NAMES OF ANIMALS AND BIRDS IN THE TOPONYMY OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA AND CHINA**

The paper considers the names of geographical objects containing information about the fauna of a certain region. The article is devoted to the analysis of Russian and Kalmyk zootoponyms on the territory of the Republic of Kalmykia, as well as Chinese zoohyponyms and zoorononyms as the most approximate and slightly randomly changed categories of toponymic vocabulary. Similarities and differences in the phenomenon of a fragment of the toponymic worldview are revealed on the material of languages with different structures. As a result of the study, it was revealed that in the Russian and Chinese languages, the languages of the settled population, zoonames related to general species prevail, while in Kalmyk zootoponyms, along with general species, sex and age designations of animals are recorded. The results of our research showed that sedentary population in China have toponyms of common species of animals while the Kalmyk toponyms in the Russian Federation depict animals with gender and age signs.

Key words: *toponymy, zootoponymy, the Russian language, the Kalmyk language, hydronym, oronym, animals, birds.*

Топонимы представляют важный и достаточно древний разряд ономастикона, изучение которого позволяет существенно расширить понимание языковой картины мира того или иного этноса. Известный российский ономастолог В. И. Супрун пишет: «В ментальном образе топонима идея обозначения географического объекта выражается через апеллятивное наименование, к которому прикрепляется собственное имя, индивидуализирующее мысль об окружении объекта, его связи с местными реалиями, с логическим и эмоциональным восприятием мира» [1, с. 459]. Исходя из тезиса о том, что «апеллятивная единица воздействует на образ топонима, относя его

к тому или иному разряду» [1, с. 456], в настоящей статье мы рассмотрим зоотопонимы или топонимы, имеющие в составе зоокомпонент, на материале трех разных языков — русского, калмыцкого (на территории Республики Калмыкия) и китайского (на территории Китайской Народной Республики). Этот разряд топонимии представлен достаточно хорошо в общей палитре географических названий как на территории Калмыкии, так и на территории Китая, что позволяет считать его особо значимым в контексте нематериальной культуры русских, калмыков и китайцев.

Источниками для выявления данной лексики послужили данные Словаря топонимов Республики Калмыкия [2], Топонимический словарь Республики Калмыкия [3], Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление [4], Большой топонимический словарь Китайской Народной Республики [5], а также полевые записи автора.

Русская топонимия на территории Калмыкии начала складываться в калмыцких степях с середины XVIII века, когда русские крестьяне начали заселять эти территории [6, с. 15]. На ранних этапах сложения русской топонимической картины Калмыкии русские названия местностей существовали параллельно с калмыцкими названиями, и лишь к первой половине XX века начался процесс их официального закрепления [4, с. 10].

Методом сплошной выборки из Словаря топонимов Республики Калмыкия [2] было выявлено 39 русских топонимов, образованных от зоолексем, большинство из которых образовано от названий диких животных.

Самый популярный русский зоотопоним связан с лексемой **‘волк’**. Так, в разных районах республики выявлены пруд *Волков*, река *Волочайка* и балка *Волчья яма*, названия которых происходят от волчьих логов, находившихся в тех местах [2, с. 56]. Также интересно отметить, что калмыцкое село Ики-Чонос (Большие волки) в Яшалтинском районе в период депортации калмыцкого народа с 1943–1957 гг. называлось *Волково* [4, с. 464].

Вторым по продуктивности среди русских зоотопонимов является **‘сайгак’**, издревле обитающий в степях и полупустынях. Пути миграции этих животных дали названия таким населенным пунктам: *Сайгачный пункт* и *Сайгачный* (местность), *Сайгачный лиман*, *Сайгачонок* [2, с. 167]. Во время депортации калмыков и ликвидации КАССР населенный пункт *Тавн Толга* в Кетченеровском районе был переименован в *Сайгачье* [7, с. 95]. Помимо этого, на территории республики имеются единичные топонимы, связанные с местами обитания животных. Например: *Лисичкина балка*, курган *Бобры* и *Заячий бугор*.

Топонимов с зоокомпонентом **«домашние животные»** значительно меньше. В Словаре топонимов [2] указываются: курган *Козловский штиль*, урочище *Овчинниково*, местность *Баранова лощина*, курган *Верблюд*. В городе Элиста нами был выявлен микротопоним *Кобылячья балка*. По словам старожилов, такое название появилось из-за некорректного перевода с калмыцкого языка на русский. Так, в калмыцком языке слово *«гүн»* имеет два значения — «глубина, глубокий» и «кобылица» [8, с. 149]. Калмыки называли эту балку *«Гүн сала»* — глубокая балка, а русские, не знавшие хорошо калмыцкий язык, перевели ее название как *Кобылячья балка* [ПМА-1].

Кроме этого, Словарь топонимов [2] содержит незначительное количество топонимов с зоокомпонентом **‘птица’**, получивших названия от их мест обитания: лиманы *Большой Уткин* и *Малый Уткин*, бугор *Уткин*, озеро *Лебяжье*, пруд и балка под названием *Лебедь*, *Журавлиный* лиман, *Воробьево* озеро, курган *Перепёлкин*, *Гусиный* пруд и бугор *Дроздов*.

Русские зоотопонимы, зафиксированные на территории Республики Калмыкия, полностью отражают реалии фауны степной зоны. Количество их невелико, что, очевидно, следует объяснять локальностью проживания русских поселенцев среди калмыцкого населения и доминирующим положением собственно калмыцких топонимов, которыми русское население республики активно пользуется и в настоящее время. Рассмотренная лексика позволяет сделать следующие выводы, характеризующие русскую зоотопонику Калмыкии: русские зоотопонимы Калмыкии представляют собой лексику, связанную исключительно с общеизвестными названиями животных; русские зоотопонимы Калмыкии связаны с наличием в данных местностях тех или иных животных, благодаря которым эти местности и получили свои названия. Зоотопонимы, связанные с мифическими существами, среди русских зоотопонимов Калмыкии отсутствуют. Среди русских зоотопонимов республики отсутствуют номинации, связанные с половозрастной и цветовой дифференциацией животных.

Калмыцкая топонимия начала складываться в середине XVII века, когда предки калмыков начали заселение необжитых территорий Северного Прикаспия [6, с. 15]. Первые попытки исследования калмыцкой топонимии начались с конца XIX века. Первой крупной работой, включившей в себя некоторые топонимы калмыцких степей, можно считать труд К.И. Костенкова «Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии» [9], а также сведения о местах кочевий калмыцких хурулов Астраханской губернии, поданные в 1883 году и опубликованные В.В.Батыровым [10].

После перехода калмыков с кочевого на оседлый образ жизни в начале XX века, а в особенности после возвращения калмыцкого народа из сибирской ссылки, многие старые топонимы забылись или получили другие названия. В настоящей работе мы рассматриваем исключительно современные топонимы Калмыкии, имеющие зоокомпонент. Методом сплошной выборки из Словаря топонимов Республики Калмыкия [2] нами выявлено 85 калмыцких топонимов, относящихся к названиям диких и домашних животных, их мастей, половозрастной дифференциации, а также частей их тела.

Наиболее продуктивным пластом калмыцкой зоотопонимии являются названия местностей, образованные от лексики, обозначающей домашних животных, в частности, лошадей и их масти. Следует отметить, что цветочные прилагательные калмыцкого языка, например, *улан* ‘красный’, активно встречаются в составе топонимов [11]. Э.Ч.Бардаев отмечает, что одни слова обозначают цвет вообще, но могут служить и для обозначения масти животных (*хар* ‘вороной, карий, черный’), другие называют только масть (*зеерд* ‘рыжий’, *кер* ‘гнедой’, *саарл* ‘пепельный, мышастый, буланый’). Сочетаемость последних прилагательных значительно уже, чем у слов первой группы, указывается лишь масть лошадей: *хоңһр* ‘каурий’, *халюн* ‘буланый’, *хул* ‘саврасый’ [12, с. 17].

На территории Республики Калмыкия выявлено 15 топонимов, образованных от названий мастей лошадей. Наиболее распространенной номинацией масти, отраженной в топонимах, является лексема ‘**бор**’ – серый, сивый [8, с. 110]. Примеры: поселок *Буругишун* (от слова ‘*боргчи*’ – серый, сивый), озеро *Борогчон* [2, с. 47], возвышенность *Большой Буругишун* [2, с. 42] и местность *Бурлук* (*Борлг* – сивый), где ранее находился поселок с одноименным названием [2, с. 51]. Интересной особенностью номинации мастей лошадей в калмыцком языке является то, что слово ‘*бор*’ иногда используется в качестве дополнительного при основном, в описании некоторых смешанных мастей, обозначая их более темный оттенок. Это отразилось в следующих зоотопонимах:

поселок *Халтрын Бор* (*Халтрин Бор*) (от калм. 'халтр' – мухортый, гнедой с желтоватыми подпалинами (о масти лошадей) [13, с. 60] и урочище *Халтрин-Бор-Худук* (*Халтрин Бор Худг*). Авторы Словаря топонимов отмечают, что словом 'бор' в калмыцких микропонимах называют долину с густой растительностью [2, с. 202]. В родственных калмыцкому языку монгольском и бурятском языках у слова 'бор' отсутствует значение 'долина с густой растительностью' [14, с. 264; 14, с. 106]. По рассказам стариков, долина с густой растительностью у калмыков называлась словом 'бор' потому, что, когда трава на ней высыхала, она выделялась посреди скудной на растительность степи серым пятном [ПМА–1]. Помимо этого, масть 'бор' используется в сочетании со словами, обозначающими половые и возрастные дифференциации лошадей. Так, в Калмыкии есть лиман *Бор Дааһн* и урочище Бордагин ('*Бор Дааһн*' – серый двухгодовалый жеребенок) [2, с. 44].

'**Буурл**' – чалый. В Калмыкии имеется несколько населенных пунктов, имеющих компонент 'буурл': *Ики Буурл* (калм. *Ик Буурл*; *Большой Буурл*) и *Бага-Буурл* (калм. *Баг Буурл*; *Малый Буурл*). Название этих населенных пунктов происходит от калмыцкого этнонима 'буурл' (калм. *буурл*), восходящего к обозначению масти лошади 'буурл' – чалый [15, с. 40].

'**Хар**' – черный, вороной. С компонентом 'хар' выявлены следующие топонимы: местность *Хар Галзн* – Вороная плешивая, курган *Шонхра Хар Толга* (калм. *Шонхра Хар Толга*) – курган Черного кречета, колодец *Шарга-Шиль* (калм. *Шарһ шил*) – Соловый краж [2].

'**Саарл**' – пепельно-серый. От 'саарл' произошли названия местностей в Кетченеровском районе – *Саарла Худг* и *Саарлахн*. Название последней местности произошло от этнонима *саарлахн* [2, с. 166].

Особое место в калмыцкой топонимии занимают местности, названные по возрастной дифференциации животных. Среди современных названий местностей выявлено 4 названия, связанных с разными возрастами лошадей.

'**Уһһн**' – жеребенок от рождения до года. Местность *Уһһн-Төрэчи* (калм. *Уһһн Төрэч*). Есть версия, что название поселка произошло от калм. *уһһн* 'жеребенок' и глагола *төөрх* 'теряться'. Местные жители считают, что название связано с легендой о заблудившемся жеребенке. Недалеко от поселка есть одноименное пересыхающее озеро [2, с. 193].

'**Дааһн**' – жеребенок от года до двух лет. Местность *Дааһна Худг* – Колодец двухгодовалого жеребенка. Название связано с жеребятами 'дааһн', которых выращивали в данном хозяйстве. Кроме этого, есть курган *Дааһна Толга* – курган Двухгодовалого жеребенка [2, с. 72].

'**Ажрһ**' – жеребец-производитель. На территории Калмыкии имеется два кургана *Ажрһ Толга* – курган Жеребец [2, с. 15].

Среди топонимов, имеющих другие зоокомпоненты, следует выделить 'верблюда' – '**темән**'. В Калмыкии имеются две местности, называемые *Темән Гүзән* (букв. 'верблюжий рубец'). По одной версии, название произошло от неровного рельефа местности, однако местные жители рассказывают, что там когда-то в грязи по самое брюхо завяз верблюд. Помимо этого, имеется местность *Цаһан Темән* ('белый верблюд'), пески *Темян* (*Темән*, букв. 'верблюд') и колодец *Темэчихнэ Худг* (букв. 'колодец рода верблюжатников') [2, с. 185].

Зоокомпонент 'хуц' – 'баран' в Калмыкии встречается преимущественно в названиях оронимов-курганов – '*толга*'. Перечислим выявленные топонимы с этим зоокомпонентом: озеро *Хуцин Толга* (букв. 'бараний курган'), река *Хуцин Толһан Говль*

(букв. ‘ручей у кургана Хуцин толһа’), протекающая вдоль кургана *Хуцын-толга* (букв. ‘бараний курган’), лиман *Хуцин Толһа* (калм. *Хуцын Толһа*) и курган *Хуцын-толга* (калм. *Хуцын Толһа*) [2, с. 220].

Есть в Калмыкии топонимы с зоокомпонентом ‘бух’ – ‘бык’, это: балка *Бугаева*, поселок *Ики-Бухус* (Ик Бухс, букв. ‘большие быки’), урочище *Бага-Бухус* (Баг Бухс, букв. ‘малые быки’), образованные от этнонимов *икбухс* и *бахбухс*) [3, с. 101].

Зооним ‘**һаха**’ – ‘свинья’ в калмыцком языке отражает общевидовое название. Так как калмыки свиноводством не занимались, следует полагать, что эта лексема изначально обозначала только диких свиней. На территории Калмыкии зафиксированы следующие названия, имеющие зоокомпонент ‘*һаха*’: село *Һахата* – ‘местность с дикими свиньями’, *Һахат Худг* – ‘колодец со свиньями’, *Һахан Зо* (‘Хребет свиньи’) и поселок *Һахан Авһнр* (‘дядя человека по имени һаха’). Возможно, это родственники предков нойона Гахаева [2, с. 70].

Не менее важное место в иерархии домашних животных у калмыков занимает собака – ‘**ноха**’. С собакой в Калмыкии связаны следующие топонимы: балка *Нохан Сүл* (букв. ‘собачий хвост’), название которой, видимо, произошло от конфигурации балки. Также есть две местности *Нохан Худг* (букв. ‘собачий колодец /колодец Нохи’), названия которых произошли от имени людей, выкопавших эти колодцы [2, с. 147]. Кроме этого, в районах республики выявлены урочище *Нохан Толһа* (букв. ‘собачий курган’ или ‘курган Нохи’) и балка *Шар-Нохан-Сала* (букв. ‘балка желтой собаки’) [2, с. 237].

Первенство среди диких животных, от названий которых появились названия местностей, держит ‘волк’ – ‘**чон**’. Волк у кочевых народов Центральной Азии, и в частности у калмыков, издревле почитался как священное животное, символ силы, храбрости, хитрости [16, с. 300]. Несколько калмыцких родов ведут свое происхождение от волка, о чем свидетельствуют сохранившиеся легенды [17, с. 184–185].

На территории Республики Калмыкия выявлено восемь топонимов с данной лексемой: это поселок *Бага-Чонос* (Баг Чонс, букв. ‘малые волки’), два поселка с одинаковым наименованием *Ики-Чонос* (Ик Чонс, букв. ‘большие волки’), названия которых произошли от этнонимов, а также местности *Чонын Царң* (букв. ‘волчий лиман’), *Чонт* и *Чонта* (Чанта, букв. ‘с волками’), курган *Чонын Бор* (букв. ‘волчья долина’) и балка *Чонын Сала* (букв. ‘волчья балка’), лиман *Чонын Царң* (букв. ‘волчий лиман’) [2, с. 233]. Местные жители рассказывают, что много лет назад, когда лиман разливался, а в кустарниках вокруг него появлялись волки, люди резали овец и уходили от преследования волков по неглубокой воде. Во время разлива лимана люди обходили те места, боясь встретиться с волками [ПМА–2]. Также интересен топоним *Эмтэ Чонта хол*, где *эмтэ (-хн)* – «сладкий; пресный», *чон* – «волк», *хол* – «река» [6, с. 48], то есть ‘Пресная река с волками’.

Другие дикие животные калмыцкой степи представлены в зоотопонимической системе образом ‘сайгака’ – общевидовое калмыцкое название ‘**гөрэсн**’. Однако в калмыцких топонимах отражено не общевидовое название, а использованы калмыцкие лексемы, связанные с половозрастной дифференциацией этих животных. Так, зоотопоним *Оонын Бор* – это низина Сайгаков-рогалея, где ‘*оон*’ – сайгак-рогаль, а ‘*бор*’ – низина с густой растительностью. Еще одно выявленное название относится к оронимам, это курган ‘*Цагада-Хомур*’ (искаж. от калм. *Цагда хамр*) – курган Сайгачонка-самки [2, с. 221].

На топонимической карте калмыков также представлены названия, связанные с местами обитания мелких грызунов: ‘**ялмн**’ – ‘тушканчик’ и ‘**зурмн**’ – ‘суслик’.

В разных районах республики есть два села с названием *Ялмта* – букв. ‘местность с тушканчиками’ [2, с. 252], а также бессточная речка *Ялмта* и балки по обе ее стороны, которые носят идентичное название. В той же местности расположен бугор *Ялмтин-Хамур* (калм. *Ялмтын Хамр*) – ‘тушканичий бугор’. Относительно этимологии названия существуют две точки зрения. Согласно первой, местность получила свое название из-за изобилия тушканчиков, а согласно второй – от слова *ялм* «тутовое дерево, тутовник» [2, с. 42]. Топонимы, связанные с сусликом ‘*зурмн*’, зафиксированы в перечне мест кочевок калмыцких хурулов за 1883 г.: это, например, урочище *Зурмта* ‘Суслячье’ [10, с. 128]. Сегодня такие топонимы уже не фиксируются.

Не совсем ясно происхождение названия лимана *Малый Марлын* (калм. *Бичкн Марлын*). ‘*Марл*’ на калмыцком – это олень, но олени не водятся в калмыцких степях. Исходя из этого, следует полагать, что этимология топонима восходит к калмыцкому имени собственному *Марл* – олень [18, с. 170].

Калмыцкие топонимы с зоокомпонентом так же, как и русские, отражают реалии фауны степей Северного Прикаспия. Так как у калмыков издревле доминирующим типом хозяйственной деятельности было кочевое скотоводство, лексика, связанная с мастьями лошадей и половозрастной дифференциацией домашних и некоторых диких животных, представлена чрезвычайно обширно, что не могло не отразиться и на калмыцкой топонимии.

Анализ топонимов, имеющих зоокомпонент, позволяет сделать следующие выводы: калмыцкая зоотопонимия Республики Калмыкия представлена названиями диких и домашних животных, обитающих на территории региона; топонимы с зоокомпонентом представлены не только общевидовыми номинациями животных, но и их половозрастными и цветовыми обозначениями, чего не наблюдается среди русских зоотопонимов. Наиболее продуктивный пласт лексики, образующий зоотопонимы калмыцкого языка, связан с номинациями лошадей, их возрастными и цветовыми обозначениями.

Важной особенностью следует признать то, что среди калмыцких топонимов, несмотря на длительный период их формирования и существования, отсутствуют названия, связанные с мифическими существами.

Если сравнивать русские и калмыцкие зоотопонимы с китайскими, то на топонимической карте Китая имеется значительное количество названий местностей, образованных от зоолексем, относящихся как к реальным представителям фауны, так и к мифическим существам. Китайская Народная Республика является многонациональным и поликультурным государством, что существенно отражается на топонимии её регионов. В целом, она представлена рядом разновозрастных и разноязыких топонимических пластов.

Здесь мы рассмотрим зоогидронимы и оронимы. Основным источником для выявления зоотопонимических номинаций послужил *中华人名共和国地名大辞典* (Большой топонимический словарь Китайской Народной Республики) [5], откуда методом сплошной выборки было выявлено 175 наименований рек, озер, гор и горных хребтов, содержащих зоокомпоненты.

Наиболее популярным среди китайских зоотопонимов, относящихся к гидронимам и оронимам, является мифическое существо – ‘*龙*’ – **дракон**. В Топонимическом словаре КНР зафиксировано 47 наименований с этим зоокомпонентом. Рассмотрим некоторые из выявленных топонимов.

Река Амур, являющаяся естественной границей между Россией и Китаем, по-китайски называется *Хэйлуцзян* (黑龙江), что в переводе означает ‘река Черного дракона’.

Такое название река получила потому, что из-за густых лесов, произрастающих по берегам реки, почва богата перегноем, отчего вода в реке окрашивается в темный цвет.

Река *Цинлунхэ* (青龙河, букв. 'река Зеленовато-синего дракона') также получила свое название из-за цвета, а река *Лунхуахэ* (龙华河, букв. 'река дракона') называется так из-за своей извилистой формы, напоминающей дракона [5, с. 6373].

Мы обнаружили большое количество «драконьих» оронимов: это горы *Луншань* (龙山, букв. 'драконья гора', по форме напоминает удава или дракона, отчего и получила название [5, с. 6031]), *Лунмэньшань* (龙门山, букв. 'гора драконьи врата'), *Лунганшань* (龙岗山, букв. 'драконья гора'), *Лунчуаньшань* (龙泉山, букв. 'гора драконов источник'), *Лунпаньшань* (龙蟠山, букв. 'извилистая гора дракона'), *Лунваншань* (龙王山, букв. 'гора царя-дракона'), *Луньяньшань* (龙岩山, букв. 'скала-утес дракон'), *Хэйлушань* (黑龙山, букв. 'гора черного дракона'), *Лунсюэшань* (龙穴山, букв. 'гора пещера дракона'), *Лунсюйшань* (龙须山, букв. 'гора усы дракона'), *Лаотоушань* (龙头山, букв. 'гора голова дракона'). Также на территории Китая встречаются хребет *Далунлин* (大龙岭, букв. 'хребет большого дракона') и горные пики *Лунмэньшань* (龙门峰, букв. 'пик драконьи врата'), *Лунтаньдин* (龙潭顶, букв. 'пик пучина дракона') [5].

На западе Пекина, столицы КНР, можно выделить горы, названия которых мотивированы лексемой 'дракон'. Это горная цепь *Сишань* (西山): *Цзюлушань* (九龙山, букв. 'гора девяти драконов'), *Лаолунво* (老龙窝, букв. 'логово старого дракона'). Горные хребты имеют извилистую форму и издали напоминают дракона. Зооороним *Лунгусань* (龙骨山, букв. 'гора драконьих костей') получил такое название из-за того, что местные жители обнаружили в том месте множество окаменелых скелетов и клыков, по ошибке приняв их за кости дракона [5, с. 6030].

Устойчивую пару дракону в китайской мифологии составляет 'Ф' – **феникс**. С этим мифическим существом связаны названия горы *Фэнхуан* (凤凰山, букв. 'феникс') в провинциях Хэбэй, Чжэцзян, городе Шанхай, балки *Фэнтуолян* (凤驼梁, букв. 'сгорбившийся феникс') в Пекине, получившей свое название потому, что форма вершины горы напоминает голову феникса [5, с. 6031]. Другие примеры: вулкан *Фэнцзишань* (凤迹山, букв. 'след феникса') в провинции Фуцзянь, уезд *Фэнхуан* (凤凰县, букв. 'уезд феникс'), остров *Фэнхуан* (凤凰岛, букв. 'остров феникс'), район *Лунфэн* (龙凤区, букв. 'дракон и феникс') в городе Дацин.

Среди реальных представителей фауны особое место на китайской топонимической карте занимает 'Ма' – **конь**. Нами было выявлено 36 топонимов с лексемой 'ма' (конь). Например, река *Цзюймахэ* (拒马河, букв. 'река дать отпор коням'), известная как Джума, получила такое название, потому что во времена династии Западная Цзинь на этой реке шли сражения и всадникам на конях был дан отпор [5, с. 6369].

Река *Инмахэ* (饮马河, букв. 'река водопой лошадей') имеет маньчжурское название – *Элэйминь* (额勒敏), что в переводе означает «озеро оседланных коней». Существует легенда, что китайский император Гао Цзун времен династии Цин посетил эти места и поил здесь своих лошадей [5, с. 6385].

Маху (马湖, букв. 'лошадиное озеро') – озеро, где по легенде рождаются лошади [5, с. 6559].

Происхождение гидронима *Мумахэ* (牧马河, букв. 'река пастуха лошадей') имеет несколько версий. По одной из них, генерал династии Тан по имени Юйчи Гун пас в этом месте своих коней, по другой – это было пастбище лошадей во времена династии Северная Вэй [5, с. 6373].

Некоторые названия топонимов получили свое название из-за схожей формы с конем. Например, река *Мацзяхэ* (马颊河, букв. 'озеро челюсть коня') по своей форме напоминает челюсть коня – сверху широкая, снизу узкая [5, с. 6356]; форма озера *Лунмаху* (骆马湖, букв. 'озеро лошадиный хребет') похожа на хребет лошади [5, с. 6550].

Помимо названий, связанных непосредственно с образом коня, в Китае имеется ряд топонимов с компонентом 'масть лошади'. Так, в провинции Цзянсу есть озеро *Баймаху* (白马湖, букв. 'озеро белого коня'). Название этого озера связано с легендой о том, что на дне этого озера живет белый конь [5, с. 6551]. Другие примеры: озеро *Хуамаху* (花马湖, букв. 'озеро пегих коней'); пруд *Хуамачи* (花马池, 'озеро пегих коней') в Нинся-Хуэйском автономном районе. Последний зоогидроним имеет старое название *Хуамачжучи* (花马诸池, букв. 'пруд пестрых/пегих лошадей'). По легенде, в старину на берегах этого озера китайцы меняли соль на лошадей [5, с. 6566].

Ряд зоотопонимов в Китае связан с компонентом '牛' – **корова**. В Большом топонимическом словаре [5] нами было выявлено 17 наименований. Так, река *Нюлухэ* (牛路河, букв. 'река коровья дорога') получила свое название из-за того, что горная дорога по нижнему течению реки очень крутая и опасная. Когда люди идут вдоль этой реки, то напоминают коров.

Следующий зоогидроним – река *Лаонюхэ* в провинции Хэбэй (老牛河, букв. 'река старой коровы'). Китайцы назвали эту реку так, потому что увидели сходство медленного течения реки с движением старой коровы. Соматизм уха мотивировал название реки в Автономном районе Внутренняя Монголия: *Нюйэрхэ* (牛耳河, букв. 'река ухо коровы'). Название реки Бонюйчуань (犊牛川, букв. 'большая бычья река') китайцы связывают с тем, что когда-то на ее берегу сразились тигр и бык [5, с. 6379].

Горы *Фуниюшань* (伏牛山, букв. 'лежачая корова'), *Бэйнюшань* (背牛山, букв. 'повернувшая спиной корова'), *Нюшоушань* (牛首山, букв. 'повернувшая голову корова'), *Нютоушань* (牛头山, букв. 'голова коровы'), горный хребет *Нюсиньлин* (牛心岭, букв. 'бычье сердце'), вероятно, получили названия из-за схожей формы с коровой [5].

Следующим по частоте встречаемости является зоотопоним с компонентом '虎' – **тигр**. В Большом топонимическом словаре [5] мы выявили 14 топонимов с данной лексемой. Приведем некоторые из них: гора *Лаохушань* (老虎山, букв. 'гора тигра') и протекающая у подножья река *Лаохушаньхэ*, горный хребет *Вэйхулин* (威虎岭, букв. 'хребет могущественного тигра'), одноименная река, протекающая вдоль этого хребта, гора *Хучжаошань* (虎爪, букв. 'гора коготь тигра'), хребет *Хуяфэн* (虎牙峰, букв. 'хребет клык тигра'), гора *Хутюшань* (虎头山, букв. 'гора голова тигра'), пещера *Лаохусюэ* (老虎洞, букв. 'пещера тигра').

Реже на территории Китая встречаются топонимы с компонентами '羊' – **баран**, '猪' – **свинья**, '猫' – **кот**, '狗' – **собака**, '猴' – **обезьяна**, '熊' – **медведь**, '狮' – **лев**. Приведем примеры: гора *Хуаньяншань* (黄羊山, букв. 'гора желтой овцы'), гора *Байяньшань* (白羊山, букв. 'гора белой овцы'), хребет *Янцзяолин* (羊角岭, букв. 'хребет бараний рог'), горные вершины *Чжутуо* (猪头尖, букв. 'вершина свиная голова'), *Гоуэр* (狗耳尖, букв. 'вершина собачье ухо'), горы *Маоэршань* (猫耳山, букв. 'гора кошачье ухо'), *Маотюшань* (猫头山, букв. 'гора кошачья голова'), *Хуэйэршань* (猴耳山, букв. 'гора обезьянье ухо'), гора *Сюньэршань* (熊耳山, букв. 'гора медвежье ухо'), гора *Шичзышань* (狮子山, букв. 'львиная гора') [5].

Китайские зоотопонимы отражают мифологические представления, события легендарного прошлого Китая, а также образное мышление жителей Поднебесной. Отличительной особенностью китайских зоотопонимов, и в частности оронимов и гидронимов, рассмотренных в настоящей статье, является то, что многие их них

получили свои названия из-за особенностей конфигурации, когда элементы ландшафта накладывают части тел или позы различных животных, или настолько труднопреодолимы, что образное мышление китайцев сравнивало их с тиграми или коровьими тропами. Гидронимы и оронимы Китая так же, как и русские зоотопонимы Калмыкии, в основном представлены общеизвестными названиями животных. Это связано, вероятно, с тем, что русские и китайцы – оседлые народы, в жизни которых половозрастные дифференциации животных не имеют такой важности, как в жизни и мировоззрении кочевника-калмыка. Интересно отметить, что среди китайских зоотопонимов наиболее широко представлены названия, связанные с лошадей. Однако существенное отличие китайских «лошадиных» зоотопонимов в том, что у них отсутствует половозрастная дифференциация, а масти обозначаются только основными цветами. В калмыцком языке, помимо основных цветов, которыми можно обозначать масть, есть большое количество специальных слов, используемых исключительно для описания оттенков мастей лошади.

Исторически сложившаяся зоотопонимия рассматриваемых регионов России и Китая системна и символически выразительна. Анализ зоотопонимов русского, калмыцкого и китайского языков позволил выявить особенности номинации тех или иных объектов ландшафта. Важно отметить, что факт наличия тех или иных животных в Калмыкии оказался значимым для русских зоотопонимов, которые появились вместе с русскими поселенцами в относительно недавнем прошлом. В случае с калмыцкими или китайскими топонимами это хотя и важно, но всё же не является главным фактором.

Сокращения

Калм. – калмыцкий языки

Букв. – буквально

Искаж. – искаженное

ПМА–1 – Манджиев Виктор Сарангович, 1962 г.р.

ПМА–2 – Наранов Заян Петрович, 1977 г.р.

Список литературы

1. Супрун В. И. Ментальный образ топонима в этнолингвострании // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета Николая Федоровича Алефиренко, Белгород, 11–12 января 2016 года. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2016. – С. 454–461.
2. Словарь топонимов Республики Калмыкия. Хальмг Таңһчин һазр-усна нердин толь-бичг. Составители: Д.Б. Гедеева, Б.Э. Убушиева, Л.А. Лиджиева, Б.В. Барина. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – 344 с.
3. Топонимический словарь Республики Калмыкия. Составители: Кичикова Н.А., Манджиева Э.Б., Супрун В.И. – Элиста: Джангар, 2017. – 272 с.
4. Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918-2017 гг. Справочник. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. – 908 с.
5. 中华人名共和国地名大辞典 (ZHONGHUA RENMIN GONGHEGUO DI MING DA CIDIAN) (Большой Топонимический словарь Китайской Народной Республики в 5 томах, Т. 4). – Пекин, 2002. – 7305 с.

6. Хонинов В.Н. Калмыцкая топонимия: лингвокультурологический аспект. Монография. – М.: УРАН Институт языкознания РАН, 2010. – 160 с.
7. Борисенко И.В., Убушиева С.И. Очерки исторической географии Калмыкии. 1917 г. – начало 90-х гг. XX в. – Элиста, АПП «Джангар», 2000. – 168 с.
8. Калмыцко-русский словарь. 26000 слов. Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 767 с.
9. Костенков К.И. Исторические и статистические сведения о калмыках, кочующих в Астраханской губернии. – СПб.: М-во гос. имуществ, 1870. – 170 с.
10. Батыров В.В. Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX вв. Монография. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 226 с.
11. Куканова В. В., Омакаева Э. У. Фразеологические и онимические единицы с компонентом-цветообозначением *улан* в калмыцком языке в свете лингвокогнитивного подхода // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1–2 (65). – С. 44–48.
12. Бардаев Э.Ч. Номадная лексика монгольских народов (Названия животных по полу, возрасту и масти). Автореф. дисс. канд. филол. наук. – М., Наука, 1976. – 26 с.
13. Пюрбеев Г.Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. – 176 с.
14. Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах. Т. – 1. – М.: Академия, 2001. – 520 с.
15. Бурятско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
16. Левек П.-Ш. История народов, подвластных России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. – 480 с.
17. Мифы, легенды и предания калмыков. Подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т.Г. Басанговой. КалмНЦ РАН, М.: Наука – Вост. лит., 2017. – 367 с.
18. Монраев М.У. Калмыцкие личные имена. Семантика. На рус. и калм. яз. – Элиста, АУ РК «Издательский дом «Герел», 2012. – 255 с.

И.В. Лыскова, Г.В. Файзиева

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМАТИКИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

В статье представлен генезис гендерных исследований в лингвистике. Авторы анализируют главные понятия гендерных исследований, приводят взгляды зарубежных и отечественных исследователей на проблему отражения гендера в языке. Значительное внимание уделяется раскрытию понятий «пол» и «гендер», рассматриваются основные направления гендерной лингвистики в России и дальнейшие пути ее развития как лакунарной научной отрасли.

Ключевые слова: биологический пол, грамматический род, гендер, феминистская лингвистика, гендерные исследования, гендерная лингвистика.

I.V. Lysikova, G.V. Fayzieva

Astrakhan State University named after V.N. Tatischev

THE GENESIS OF GENDER RESEARCH ISSUES IN LINGUISTICS

This article attempts to reveal the main reasons for the formation of gender studies in linguistics. The authors analyze the main concepts of gender studies, gives the views of foreign and domestic researchers on the problem of reflecting "gender" in language. Considerable attention is given to the disclosure of the concepts of "sex" and "gender", the main directions of Russian gender linguistics and further ways of its development as lacunary scientific branch are considered.

Key words: sex, grammatical gender, gender, feminist linguistics, gender research, gender linguistics.

Человеческое общество включает в себя два начала: мужское и женское. Мужское начало принято считать более агрессивным, дерзким, сдержанным, а женское – более эмоциональным, хитрым, послушным. Отношение общества к мужчинам и женщинам, представления о мужских и женских качествах, их социальное поведение и взаимоотношения между собой переводят проблему пола из области биологии в сферу культуры и социальной жизни. Коснулось это и лингвистических исследований, особенно во второй половине XX века, когда стала активно развиваться феминистская лингвистика, обострившая взаимоотношения полов и в языках.

И. Г. Ольшанский пишет: «В каждом языке, различающем род и пол, существует уникальное распределение названий людей и животных по классам, которое обусловлено языковыми и культурно-историческими традициями народа, и спор о степени влияния биологического пола на грамматический род ведется более двух тысячелетий» [11, с. 24].

Так, еще в античные времена ученые, рассматривая род как грамматическую категорию, пришли к выводу о том, что язык и пол неразрывно связаны.

В то время существовала символично-семантическая теория (В. Гумбольдт, Я. Гримм), которая определяла причины существования в языке категории рода и соотносила биологический пол *sexus* с грамматической категорией *genus*. Ученые считали, что из-за существования разного пола людей появился грамматический род. Для объяснения категории рода применяли внеязыковой опыт, мужской род оценивали первостепенным, рассматривая слова мужского рода с точки зрения семантики активности, силы. Слова женского рода относили к второстепенным, тем самым оценивая

их с позиции семантики пассивности и подчиненности. Но данный подход подвергся значительной критике, как только были открыты языки, в которых отсутствовал род как грамматическая категория.

А.В.Кирилина пишет, что начиная с XVII века ученые обратили внимание на некоторые туземные племена, где грамматическая категория пола говорящего выражалась эксплицитно, т.е. различия в речи были связаны с полом говорящего. Проведенные исследования показали, что различия в речи мужчин и женщин носят регламентированный характер, вследствие чего «мужской язык» считался нормой, а «язык женский» – отклонением от этой нормы [6, с. 52].

Тем не менее остается незбылемым тот факт, что на восприятие слов и на мировосприятие людей непосредственное влияние оказывает грамматический род. Это говорит о том, что словам мужского рода приписываются мужские характеристики, а словам женского рода – женские характеристики.

В 1913 году немецкий ученый Ф. Маутнер выпустил работу «Вклад в критику языка», в которой описал различия в речи носителей языка, вызванные полом людей. Ученый выявил гендерные различия в употреблении тех или иных слов. По его наблюдению женщины способны творчески использовать язык, чаще употреблять заимствованные иностранные слова, что связано, по мнению автора, с их «меньшей образованностью», в связи с чем они не могли найти подходящий эквивалент в своем языке. Ф. Маутнер также считал, что появление «женского языка» и его признание было связано с историческими и социальными причинами, в частности, с театром, когда женские роли было позволено играть самим женщинам, а не мужчинам, как это было принято ранее [18].

В 1922 году появилась работа датского ученого О. Есперсена «Язык: его суть, происхождение и развитие», в которой целую главу ученый посвятил различиям между «мужским» и «женским» языком. О. Есперсен, изучая речевое поведение племен Карибского архипелага, сделал вывод, что «примитивные женщины говорят иначе, нежели примитивные мужчины. Мужчины понимают речь женщин, но сами говорят иначе, т.е. используют другие языковые структуры» [3]. По мнению О. Есперсена, женщины не используют грубые слова на инстинктивном уровне, у них ограниченный словарный запас слов, который женщины не всегда даже правильно употребляют, в то время как мужчины обладают более высокими интеллектуальными способностями и их язык – это язык нормативный [16, с. 225].

Гендерными различиями в языке занимался и Э. Сепир. Ученый изучал язык коасати на острове Ява, в котором выделил формы слов, употреблявшиеся исключительно женщинами, и формы, которые использовали в речи только мужчины. В своей работе ученый пишет: «Хорошо известная особенность некоторых языков заключается в том, что они отличаются формы, используемые мужчинами, от тех, которые используются женщинами. ... можно отметить, что на острове Ява нет рода ... мужские формы используются только мужчинами в разговоре с мужчинами, в то время как женские формы используются женщинами в разговоре с мужчинами или женщинами, а мужчинами в разговоре с женщинами» [21].

Подобные представления, по сути, отражали общую тенденцию социального и гендерного неравенства, существующую как в России, так и за рубежом, когда женщины, как правило, имели ущемленные, по сравнению с мужчинами, права, не имели возможности работать, получать образование, а если такая возможность и была, то с уничижительными условиями и оговорками. В семье и быту мужчина наделялся преимущественно правами, а у женщины, соответственно, доминировали обязанности.

Изменения, произошедшие в статусе женщины в послереволюционную эпоху, выразились в постепенном исчезновении феминитивов из общественного словоупотребления, когда с целью сохранения равного статуса мужчин и женщин слова мужского рода окончательно закрепились в языке как общеупотребимые. Нельзя не отметить, однако, что разговорный язык в целом и субстандартный лексический фонд в частности, являющиеся объектом наших научных изысканий, более субъективен, допускает различные вариативные формы словоупотребления, вот почему, исчезнув из официальной и литературной речи, многие формы женского рода сохранились в разговорном языке (в нашем случае как в русском, так и в английском).

В 1970 году в калифорнийском университете Мэри Рич Кей провела первый семинар по проблемам языка и пола. По материалам этого семинара исследователь выпустила книгу «Male/Female Language» («Мужской/Женский язык»), которая стала одной из попыток рассмотреть проблему андроцентричности языка с точки зрения гендера [17]. Вслед за Мэри Рич Кей стали появляться другие работы: «Язык и место женщины» Робин Лакоффы [19], «Немецкий – язык мужчин» Луизы Пуш [20], «Женский язык – язык перемен» Сента Тремель-Плетца. Благодаря этим работам в лингвистике появилось новое направление, получившее название феминистская лингвистика.

Робин Лакофф внесла особый вклад в развитие феминистской лингвистики. В своей работе «Язык и место женщины» Р. Лакофф выделила особенности женской речи:

1. употребление эмоциональных прилагательных (*adorable, beautiful, marvelous, divine*);
2. употребление детализированных названий цветов (*ecru, mauve, lavender*);
3. употребление слов и фраз диффузной семантики, смягчающих высказывание (*maybe, sort of, kind of, you know, well*);
4. употребление пустых оценочных прилагательных (*pretty, nicely*);
5. употребление разделительных вопросов (*This room is quite cold, isn't it?*), что указывает на выражение неуверенности при высказывании своего мнения;
6. частая отсылка на чужой авторитет;
7. в утвердительных предложениях частое использование восходящей интонации;
8. супервежливость, склонность к эвфемизации;
9. гиперкорректность [10, с. 57].

Так, выявленные отличительные черты женского языка стали предметом не одного исследования, и, хотя работа Р. Лакофф и подверглась критике, многие ее открытия были подтверждены впоследствии. На наш взгляд, несмотря на феминистскую ориентацию автора, Робин Лакофф отразила в своих выводах отличие женской речи от мужской с явным акцентом на преимущества мужчин, чья речь, в противоположность женской, более четкая, уверенная, ситуативная, авторитетная и авторитарная.

Сторонники феминистской лингвистики рассматривают язык по двум направлениям. Первое направление основывается на лингвистической теории Сепира-Уорфа. По мнению создателей теории Бенджамина Орфа и Эдварда Сепира, язык:

9. определяет мышление и накладывает ограничения на восприятие, а следовательно, на реальность;
10. контролируем мужчинами, другими словами, именно мужчины определяют нормы употребления языка;
11. направлен против женщин.

Целью таких исследований являлось выявление языковых асимметрий. Важно отметить, что, по мнению представителей феминистской лингвистики, языковые

асимметрии вызваны именно второстепенной ролью женщины в языковой картине мира, что связано с патриархальными стереотипами о женщинах, которые навязаны носителям того или иного языка.

В частности, К. С. Аксаков, говоря о гендерных чертах слов, присущих мужскому и женскому роду, утверждал: «Именем мужского рода, не определенным по своему значению, обозначается род вообще (порода), все общее значение имени, потому что самый пол не выступает ярко, не определяется в имени мужском. Вся определенность, ограниченность, положительность, а вместе и пол, выступает в имени женском» [1, с. 66]. Исходя из данной трактовки, лингвистические категории рода нагружаются дополнительными смыслами: мужской род приобретает черты «всеобщего», а женский род – черты «частного, другого», маркированного как добавочное по отношению к мужскому. Таким образом, сторонники первого направления феминистской лингвистики считают, что все языки – это языки мужские и строятся на основе мужской картины мира.

Второе направление феминистской лингвистики связано с изучением гендерных особенностей языка в однополых и смешанных группах. На основе речевого общения в разных телевизионных ток-шоу, беседах врачей и пациентов, общении в семье и др. было выявлено разное поведение мужчин и женщин, что опять же говорит о тех патриархальных стереотипах в языке, которые навязаны обществу.

Е. И. Горощко в своей работе «Гендерная проблематика в языкознании» приводит примеры изменения языковой нормы в русском, английском и немецком языках, которые произошли в результате феминистской критики языка. Автор указывает на то, что «больше всего инновациям подвергся лексический строй языка, феминистки предложили ввести в лексикон новые слова, лучше описывающие женщин и их отношения, собственно женскую сущность и естество» [4]. Так, в современном английском языке представители феминистской лингвистики предлагают заменить местоимения he (он) и she (она) на общую форму *tey*. Кроме того, повсеместно сегодня в английском языке укоренилось использование вместо местоимения *his* (его) местоимения *her/his* (его/ее), обращения *Ms.* вместо *Mrs.* или *Miss* с целью завуалировать семейное положение женщины [4].

Феминистская лингвистика, или, как ее еще называют, феминистская критика языка, дала сильный толчок для развития нового самостоятельного направления в лингвистике – гендерной лингвистики, или лингвистической гендерологии. Сегодня эти два понятия в современной лингвистике являются взаимозаменяемыми [6].

В Большой российской энциклопедии дано следующее определение понятия «гендерная лингвистика»: «научное направление, изучающее, как проявляется в языке и речи процесс создания культурой и обществом различий между полами, а также результат этого процесса» [2]. В свою очередь, в лингвистической гендерологии выделяют несколько направлений.

Так, А. В. Кирилина и М. В. Томская в статье «Лингвистические гендерные исследования» отмечают следующие направления гендерной лингвистики в российском языкознании:

11. социо- и психолингвистическое;
12. лингвокультурологическое;
13. коммуникативно-дискурсивное [7, с. 3].

В рамках социо- и психологического направления изучается русское языковое сознание, письменные и устные тексты. Используя методику моделирования и наблюдения, анализ письменных текстов, исследователи показали, что на речевое поведение коммуникантов влияет не только пол, но и возраст, уровень образования,

социальная активность испытуемых. Было доказано, что наименьшие гендерные различия обнаруживаются у лиц с высшим образованием и занимающихся умственной деятельностью. Гендерные различия в речи были обнаружены в детской речи, так как с девочками больше разговаривают и, как правило, пресекают употребление грубой и сниженной лексики.

В лингвокультурологическом направлении изучают особенности русских стереотипов фемининности и маскулинности, их функционирование в языке, отражение культурных концептов «женственности» и «мужественности» в русском языке, а также сопоставительные исследования в русском и других языках.

Коммуникативно-дискурсивное направление занимается изучением лингвистического конструирования гендера в коммуникативном взаимодействии индивидов в разных видах дискурса, рассматривает речевое поведение мужчин и женщин с позиции теории социальной идентичности [7, с. 4].

Важно отметить, что между рассматриваемыми направлениями нет четких границ, так как гендерные исследования носят междисциплинарный характер и свою целью ставят исследовать, описать и объяснить язык мужчин и язык женщин через призму общественных явлений и их изменений.

В 1958 г. психоаналитик Р. Столлер, работавший в университете Калифорнии, ввел в науку термин «гендер». В 1963 г. он выступил в Стокгольме со своим докладом, где разграничил «биологический» и «культурный» пол. Р. Столлер полагал, что «биологический» пол должны изучать биологи и физиологи, а «культурный» пол – «гендер» – психологи и социологи.

В российском языкознании также применяется термин «гендер», однако многие исследователи считают приемлемым использование термина «пол», так как английское слово «sex» не идентично понятию «секс» в русском языке [12, с. 83].

Е. А. Косых в своей работе пытается раскрыть понятия «гендер» и «пол». По мнению исследователя, природный «пол» – это компонент значения лексических единиц, в то время как «гендер» отражает процесс и результат «встраивания» индивида в социальную и культурную модель мужественности и женственности, которая принята в данном обществе и в данный исторический момент. Таким образом, автор считает, что «гендер» охватывает широкие слои языка, нежели лишь те языковые единицы, в семантику которых входит компонент «пол» [9].

В монографии «Способы конструирования гендера в английской фразеологии» И.В. Зыкова термин «гендер» трактует как «совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе» [5, с. 7]. По мнению автора, для гендера важно культурное и социальное значение, а не биологические и физические различия между мужчиной и женщиной. Также ученый отмечает стремительно растущий интерес к изучению гендера в отечественной науке. Сегодня по проблематике гендера проводят конференции, публикуют специальные периодические издания, проводят исследования и защищают диссертации, а также создают профессиональные сообщества ученых-гендерологов [5, с. 9]. Мы полностью разделяем точку зрения И. В. Зыковой относительно первостепенной значимости изучения культурных и социальных аспектов языка в речи мужчин и женщин, поскольку биологические и физические различия между мужчиной и женщиной не столь важны в лингвистических исследованиях.

В своих исследованиях в русле гендерной лингвистики мы утверждаем, что «гендер» – это социолингвистическое понятие, которое ассоциируется с половой дифференциацией и образует дихотомию «мужчина–женщина».

А. В. Кирилина подчеркивает, что термин «гендер» пришел в лингвистику необычным путем. Изначально термин «гендер» имел категорию грамматического рода, что связывало это понятие с понятием биологического пола и носило детерминированный характер. Впоследствии термин «гендер» был изъят из лингвистического контекста и перенесен в другие науки: социальную философию, социологию, историю, политический дискурс. Таким образом, по мнению А. В. Кирилиной, «термин гендер был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межродовых различий» [8, с. 8].

Ренате Хоф в своей статье «Возникновение и развитие гендерных исследований», описывая становление термина «гендер», указывает на то, что за последние несколько десятилетий понятие гендер претерпело ряд изменений. Исследователи, переосмыслив данное понятие, стали рассматривать гендер как социальную организацию отношения полов: мужчина–женщина [13, с. 41]. Также автор статьи выделяет 4 основные причины, определившие понимание термина «гендер» как научной категории:

13. отказ от причинной зависимости между женским и мужским телом и определенными общественными ролями;

14. установление связи между структурой отношения полов и другими внутрикультурными контекстами и формами общественной организации;

15. признание того факта, что общественная организация, в которой мужчины и женщины играют определенные роли, не может быть понята без анализа соответствующих властных систем;

16. процесс различия между мужскими и женскими ролями должен быть проанализирован [13, с. 50].

К новым тенденциям в лингвистической гендерологии для исследования различий гендера относят «динамичный подход». В его основе заложено рассмотрение гендерных различий не как имманентно присущих врожденных качеств коммуникантов, а как социально обусловленных характеристик, где понятие «гендер» – это динамичная категория. Согласно Д. Коутс, «в лингвистике изменилось представление о гендере, он не статичная, внутренне присущая характеристика коммуникантов, а нечто приобретаемое в каждый момент речи» [15, с. 7]. Другими словами, речь говорящего как мужского пола, так и женского может обладать мужскими и женскими чертами, и «гендер» – это не то, что люди имеют, а то, что они создают.

К. Вест и Д. Циммерман в своей работе «Создавая гендер» предлагают исследовать коммуникантов как «создающих гендер», а не как «принадлежащих какому-либо гендеру» [22]. Позже Д. Кэмерон в статье «Воспроизводя гендерную идентичность: разговоры молодых мужчин и конструирование гетеросексуальной маскулинности» также придерживается данной точки зрения. Ученый пишет: «Как активные производители, а не просто пассивные воспроизводители гендерного поведения, мужчины и женщины осознают, что способы выражения привязаны к ожиданиям гендерных результатов. Они могут использовать это для получения различных эффектов» [14].

Таким образом, гендерные исследования прошли долгий путь становления и сегодня играют важную роль в лингвистике. Процессы глобализации и изменения культурных парадигм стали причинами активно развивающегося нового направления лингвистики – гендерной лингвистики, где основным понятием является понятие «гендер».

Проведенный нами анализ научных исследований помог уточнить основные понятия, категории и направления гендерных исследований, что является важным для нашего дальнейшего изучения гендерных отношений в русском и английском языках.

Список литературы

1. Аксаков, К. С. Опыт русской грамматики // Аксаков К. С. / Полн. собр. соч. – Т. 3. – Сочинения филологические. Ч. 2. – М., 1880. – С. 66.
2. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://old.bigenc.ru/> [Дата доступа 14.03.2023]
3. Горошко, Е. И. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 98–110.
4. Горошко, Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> [Дата доступа 15.03.2023]
5. Зыкова, И. В. Способы конструирования гендера в английской фразеологии. – М., 2003. – С. 7–9.
6. Кирилина, А. В. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 51–58.
7. Кирилина, А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. – 2005. – № 2. – С. 3–4.
8. Кирилина, А. В. Гендер и язык. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 624.
9. Косых, Е. А. Соотношение концептов «пол», «секс», «гендер» в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа, 2001. – С. 284–292.
10. Лакофф, Дж. Женщина, огонь и опасные предметы: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
11. Ольшанский, И. Г. Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // Проблемы социолингвистики и многоязычия. – М.: Московский лицей. – 1997. – Вып. 1. – С. 22–34.
12. Ушакин, С. А. Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии. 1999. – №5. – С. 71–85.
13. Хоф, Р. Возникновение и развитие гендерных исследований // Пол, гендер, культура, sex, gender, kultur – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. – С. 31–61
14. Cameron, D. Performing gender identity: Young men's talk and the construction of heterosexual masculinity. In S. Johnson and U.H. Meinhof (Eds.). language and masculinity. Oxford: Blackwell, 1997. – P. 47-64.
15. Coats, J. Women, Men and Language. – Harlow: Longman, 2004. – 245 p.
16. Jaspersen, O. The Woman // The Feminist Critique of Language: A Reader. – Routledge: London, New York, 1998. – P. 225-241.
17. Key, M. R., Male / Female Language. – New Jersey, Metuchen, Scarecrow Press, 1975.
18. Mauthner, F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache – Auflage: Stuttgart: Berlin, 1921.
19. Lakoff, R., Language and Woman's Place. – New York, Harper, 1975.
20. Pusch, L. Das Deutsche als Mannersprache. – Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1984.
21. Sapir, E. Male and female forms of speech in Yana. – In: «Teeuwen St.W.J., ed., Donum Natalicium Schrijnen». Nijmegen – Utrecht, 1929. – P. 79-85.
22. West, C., Zimmerman, D. Doing Gender. – Gender and Society. – P. 1223-1511.

О.В. Петешова, Е.П. Семёнова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОЙКОНИМОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье рассматривается специфика системы названий населенных пунктов в Калининградской области как результат переименования исходных номинаций Северо-Восточной Пруссии. В ходе сопоставительного анализа выявляется ряд сходств в номинативной деятельности авторов исходных и новых ойконимов, например, предпочтение аналогичных семантических признаков как основы географических названий; лидирующие позиции фито-, зоо- и отгидронимных ойконимов; количественное совпадение ойконимов, учитывающих природные особенности именованных поселений, а также обилие составных ойконимов с компонентами «размер» и «возраст». Основные различия связаны с присутствием в исходной ойконимии отпатронимных единиц и теотопонимов, а в новой ойконимии – названий, основанных на коммунистической терминологии и гидронимах-мигрантах; со своеобразием мемориальной топонимики; с частотностью ойконимов-мигрантов; использованием ойконимов положительной оценки и в целом с функционированием идеологически нагруженных ойконимов.

Ключевые слова: *переименование, реноминация, топоним, ойконим, топоним-мигрант, мемориальный топоним.*

O.V. Peteshova, E.P. Semenova

Immanuel Kant Baltic Federal University

HISTORICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS OF OICONYMS IN THE KALININGRAD REGION

This article considers some peculiar features of the placename system that occurred as a result of renaming of the original placenames of North-Eastern Prussia. In the course of comparative analysis some similarities of old and new place naming strategies were revealed. For instance, the same semantic features incentivized place naming. Also, the most numerous placenames turned out to be phyto-, zoo-, hydro-oiconyms. In addition, the number of oiconyms created with the reference to some physical features of the places coincided. Finally, there are a lot of compound placenames including “size” and “age” parts. The main differences are connected firstly with the fact that original oiconyms included patronyms and theotoponyms while new ones had some specific features. Firstly, they were based on communist terminology and hydronyms-migrants. Secondly, a large number of toponyms-migrants, placenames with positive and ideological connotations were revealed.

Key words: *renaming, linguistic units renaming, toponym, oiconym, toponym-migrant, toponym-migrant, memorial toponym.*

Современная ойконимия Калининградской области сложилась в конце 40-х – начале 50-х годов XX века в ходе инициированной советским правительством кампании по массовым переименованиям населенных пунктов бывшей Северо-Восточной Пруссии, территории которой вошли в состав Советского Союза сразу после Второй мировой войны. В этой связи при проведении лингвистического анализа региональных ойконимов невозможно обойтись без изучения специфики проведенных переименований, под которыми мы понимаем замену неких исходных имен географических объектов

на новые имена в результате принятия на государственном уровне специального нормативного акта.

В современной лингвистике считается, что любой топоним носит в той или иной степени искусственный характер, поскольку он выбирается носителями соответствующего национального языка под значительным воздействием субъективных факторов [10, с. 141], однако при сознательном изменении названий происходит заметное усиление искусственного характера номинаций [4, с. 60]. Как пишет в данном контексте А.К. Матвеев, первичная номинация, или первоименование, обычно основана на свойствах самого безымянного объекта, а вторичная номинация, или переименование, базируется уже на особенностях той топонимической системы, в которой топониму предстоит функционировать [5, с. 100]. Кроме того, исследователи обратили внимание на тот факт, что при переименовании инициаторы в большинстве случаев пользуются уже готовыми звуковыми комплексами, практически не создавая новых [11, с. 14].

Что касается причин переименований, то в их числе обычно называют следующие: стремление избавиться от топонимического наследия прошлого; отказ от неуместного или смущающего имени; рекламные трюки; изменение административного статуса объекта; стремление привести название территории в соответствие со спецификой ее заселения; прославление ушедших или ныне живущих деятелей культуры; фонетическое удобство; реализация языковой политики государства и стремление избежать дублетов [3, с. 267–270]. В большинстве случаев, и особенно тогда, когда переименования вызваны экстралингвистическими причинами, они негативно оцениваются специалистами как факт, нарушающий функционирование региональной топонимической системы [2, с. 9], хотя в ситуациях, когда изменение топонима способствует выполнению им дифференцирующей и идентифицирующей функции, реноминации квалифицируются как допустимое и даже желательное решение проблемы [1].

Опираясь на эти сведения, мы ставим своей целью сравнение итогов номинативной деятельности восточно-пруссских авторов первоименований и советских инициаторов калининградских переименований населенных пунктов с точки зрения подходов к номинации и отбора конкретных семантических признаков, которые кладутся в основу географических названий.

Итак, согласно информации, полученной из Указов Президиума Верховного Совета СССР [8], но критически выверенной на предмет наличия дублетных и ошибочных записей, в послевоенной Калининградской области имели место 2497 актов реноминации, в результате которых исходные ойконимы были заменены на новые русскоязычные.

Ситуация с языковым происхождением исходных ойконимов, характеристика которой является крайне важной при трактовке их семантики, выглядит при этом неоднозначно. Анализ ряда источников по интерпретации балтийских ойконимов [12, 14, 15], работ по специфике диалектов Северо-Восточной Пруссии [13] и изучение семантики немецкоязычных номинаций показали, что 515 восточно-пруссских географических названий, или около 20% всей выборки, имеют этимологически неясные основы. Присутствие в их структуре отдельных компонентов однозначно балтийского или однозначно немецкого происхождения, о котором можно говорить применительно к 287 единицам из выборки, наводит на мысль о языке ойконимов, но не способствует установлению их семантики. В целом мы констатируем, что балтийские компоненты фигурируют в составе 1442 исходных региональных ойконимов, а немецкие компоненты – в составе 1097 исходных названий населенных пунктов. Простейший количественный анализ демонстрирует, что при их суммировании получается число, превосходящее исходное

количество из 2497 единиц. Этот факт объясняется тем, что, помимо 737 немецкоязычных ойконимов и 937 балтийских ойконимов, в материал нашего исследования вошли 275 составных географических названий, один из компонентов которых (как правило, первый) имеет немецкое, а другой – балтийское происхождение.

Отметим также, что, кроме выше названных групп ойконимов, в нашей выборке встречаются номинации:

- восходящие к древневерхненемецкому языку (например, *Leipen* ‘хлебный’);
- предположительно содержащие элементы из местного диалекта немецкого языка (в частности, *Wolla* ‘поселение’ или *Leegen* ‘длинный’);
- предположительно имеющие славянское происхождение. Например, *Kleszowen* ‘лещ’ или *Goskow* (совпадает по звучанию с польским топонимом).

Перейдем к рассмотрению установленных семантических классов исходной и новой ойконимии. По причине ограниченного объема статьи в таблице представлены лишь 10 позиций, отличающиеся наибольшей частотностью своей реализации в региональных географических названиях.

Таблица 1

Семантические классы исходной и новой ойконимии

Семантические классы исходных ойконимов	Семантические классы новых ойконимов
1. Ойконимы с неясными основами (580): <i>Lampseden, Mikuthelen, Pagramutschen</i>	1. Ойконимы-мигранты (570): <i>пос. Воронезское, пос. Минское, пос. Мурманское</i>
2. Отпатронимные ойконимы (266): <i>Annawalde</i> ‘лес Анны’, <i>Klarahof</i> ‘двор Клары’, <i>Marienhöh</i> ‘высота Марии’	2. Мемориальные ойконимы (566): <i>пос. Аксаково, пос. Пушкино, пос. Чапаево</i>
3. Фитоойконимы (215): <i>Birkenhof</i> ‘березовый двор’, <i>Lindenhof</i> ‘липовый двор’, <i>Plauschinnen</i> (балт. ‘камыш’)	3. Фитоойконимы (338): <i>пос. Дубки, пос. Ивовое, пос. Капитановка</i>
4. Ойконимы, образованные от других местных ойконимов (188): <i>Groß Ballurönen</i> (добавлен компонент ‘большой’), <i>Klein Pesseln</i> (добавлен компонент ‘маленький’), <i>Neu Lasdehnen</i> (добавлен компонент ‘новый’)	4. Зооойконимы (142): <i>пос. Дроздовка, пос. Медведево, пос. Оленево</i>
5. Зооойконимы (179): <i>Finkengrund</i> ‘долина зябликов’, <i>Gaidehlen</i> (балт. ‘петух’), <i>Saugwethen</i> (балт. ‘муравьиное место’)	5. Ойконимы, основанные на коммунистической терминологии (107): <i>город Краснознаменск, город Советск, пос. Ударное</i>
6. Ойконимы, указывающие на внешний вид населенного пункта (97): <i>Grünhof</i> ‘зеленый двор’, <i>Ranglack</i> (балт. ‘изогнутое поле’), <i>Stulgen</i> (балт. ‘овальный’)	6. Ойконимы, фиксирующие тип близлежащего водоема (104): <i>пос. Заречное, пос. Родники, пос. Ручьи</i>
7. Ойконимы, образованные от местных гидронимов (94): <i>Ballurönen</i> (на реке Баллуп), <i>Vudurönen</i> (на реке Будуп), <i>Widitten</i> (на реке Видитте)	7. Ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (98): <i>пос. Овражное, пос. Подгорное, пос. Холмогоровка</i>
8. Ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности (89): <i>Hohenberge</i> ‘высокие горы’, <i>Keimkallen</i> (балт. ‘горная деревня’), <i>Kallweninken</i> (балт. ‘место на горе’)	8. Ойконимы, дающие положительную оценку населенного пункта (97): <i>пос. Доброе, пос. Желанное, пос. Отрадное</i>

9. Ойконимы, фиксирующие тип близлежащего водоема (77): <i>Aschpalten</i> (балт. 'по ту сторону болота'), <i>Boyken</i> (балт. 'неглубокое болото'), <i>Eszerischken</i> (балт. 'озеро')	9. Ойконимы, фиксирующие функцию населенного пункта (81): <i>пос. Заповедники</i> , <i>пос. Охотное</i> , <i>пос. Рыбачье</i>
10. Мемориальные ойконимы (76): <i>Groß Friedrichsdorf</i> (по имени короля), <i>Grumbkowsfelde</i> (по фамилии прусского генерал-фельдмаршала), <i>Louisenthal</i> (предположительно в честь королевы Луизы)	10. Ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов (40): <i>пос. Азовское</i> , <i>пос. Амурское</i> , <i>пос. Байкал</i>

При комплексном изучении всех переименованных единиц нами были зафиксированы шесть основных сходств между исходными и новыми ойконимическими системами:

1. Общее количество семантических классов, к которым относится не менее 10 географических названий, почти совпадает, составляя 24 для исходных и 20 для новых ойконимов;

2. В количественном отношении совпадают также семантические классы, имеющие менее 10 представителей на картах Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области (4 и 5 классов, среди которых – «продукты питания» и «название колхоза» соответственно);

3. Сами наборы семантических признаков, положенных в основу восточно-пруссских и советских номинаций, являются практически одинаковыми;

4. Как мы видим из таблицы, в обеих ойконимических системах в список лидирующих по своей распространенности входят семантические классы «фитоойконимы», «зооойконимы», «ойконимы, обращающие внимание на рельеф местности» и различные отгидронимные номинации;

5. Лишь незначительно отличаются друг от друга доли исходных и новых ойконимов, учитывающих природные особенности именуемых поселений, то есть их флору, фауну, рельеф, местные водоемы, внешний вид, почвенно-грунтовые характеристики, климат и общее местоположение (913 случаев до переименования и 812 после него);

6. Ряд ойконимов представляет собой составные наименования, причем в качестве первого компонента чаще всего употребляется указание на размер населенного пункта (229 случаев среди исходных и 41 случай среди новых ойконимов, например, *Klein Park* 'малый парк' или *пос. Большая Поляна*) или на его возраст (91 против 12 случаев, например, *Alt Grünwalde* 'старый зеленый лес' или *пос. Новое Нилово*). Однако сами доли подобных географических названий в сопоставляемых ойконимических системах существенно разнятся: на прусских картах их было 320 (это 12% всех ойконимов региона), а на калининградских картах оказалось всего 53 (то есть около 2% соответствующей выборки).

В данном контексте целесообразно остановиться и на других различиях, зафиксированных нами в процессе сопоставительного анализа. При грубых подсчетах можно также ограничиться шестью несовпадениями:

1. По понятным причинам между двумя ойконимическими системами существует колоссальное расхождение в количестве ойконимов с неясной семантикой (580 случаев против 13). Среди советских примеров этого класса ойконимов можно назвать *пос. Абелино*, название которого предположительно образовано от некоей фамилии, не имеющей выдающихся носителей, что не позволяет отнести этот топоним к мемориальным;

2. Как среди исходных, так и среди новых ойконимов выделяется по два семантических класса, не имеющих ни одного представителя в другой из сравниваемых систем. Применительно к восточно-прусским номинациям такими семантическими классами являются «отпатронимные ойконимы» (266 случаев) и «теотопонимы» (48 случаев). Отсутствие отпатронимных единиц в современной региональной ойконимии обусловлено тем, что в силу исторических причин в Калининградской области просто не могут существовать названия в честь первопоселенцев и владельцев населенных пунктов, поскольку все населенные пункты были основаны задолго до включения рассматриваемой территории в состав Советского Союза. Исчезновение с карт теотопонимов типа *Heiligenwalde* ‘священный лес’ или *Labagienen* (балт. ‘священный камень’) также легко объяснимо, но на этот раз сложившимся в СССР негативным отношением к религии, то есть идеологическими причинами.

С другой стороны, под влиянием новой идеологии в региональной ойконимии появляются совершенно новые классы ойконимов: «ойконимы, основанные на коммунистической терминологии» и «ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов» (примеры конкретных единиц, принадлежащих к этим классам, названы в таблице). Эта тенденция прекрасно вписывается в концепцию С.А. Никитина, согласно которой топонимы должны активно участвовать в формировании нового общественного сознания [7, с. 11];

3. Существенные различия выявлены при сравнении мемориальных ойконимов, закрепляющих наименования значимых событий или фамилии выдающихся деятелей культуры, в рамках которой появляются географические названия (примеры также см. в таблице №1). В количественном отношении такие ойконимы однозначно преобладают в советской ойконимии (566 против 76 исходных мемориальных номинаций). Сразу оговорим, что в уже опубликованных статьях [например, 8, с. 34] статистические данные по этому семантическому классу несколько отличаются в меньшую сторону за счет ранее неучтенных спорных названий, которые в силу высокой частотности соответствующих фамилий (см. поселки *Денисово*, *Громово* или *Яковлево*) необязательно должны быть связаны со знаменитыми людьми. В скудных архивных документах, содержащих мотивировки переименования местных населенных пунктов [6], пояснения по поводу большинства таких названий отсутствуют, однако среди фамилий героев Великой Отечественной войны, в том числе участников Восточно-Прусской операции, те фамилии, которые положены в их основу, фигурируют, поэтому при количественных подсчетах в рамках настоящего исследования данные названия были условно причислены к мемориальным.

В качественном отношении исходные и новые мемориальные ойконимы также заметно различаются, что хорошо видно по следующей таблице.

Таблица 2

Качественное соотношение исходных и новых мемориальных ойконимов

Группы исходных мемориальных ойконимов (76)	Группы новых мемориальных ойконимов (566)
1. Увековечивающие политиков (56, из них 29 – короли)	1. Закрепляющие фамилии военнослужащих (303)
2. Закрепляющие фамилии военнослужащих (15)	2. Образованные от фамилий деятелей культуры (ученых, писателей, композиторов) (160)

3. Образованные от фамилий деятелей культуры (ученых, писателей, композиторов) (5)	3. Увековечивающие политиков (56)
	4. Фиксирующие важные события советской истории (26)
	5. Увековечивающие народных героев (21)

Для передачи более полного представления о характере переименований, осуществленных с использованием мемориальных единиц, приведем еще некоторые статистические сведения из этой сферы. Что касается национального происхождения увековечиваемых личностей, то преобладающая часть калининградских мемориальных названий закрепляет фамилии советских деятелей культуры (380 случаев, или 67% всех подобных ойконимов). 180 мемориальных ойконимов отражают специфику досоветской русской культуры. 6 оставшихся мемориальных номинаций образованы от фамилий иностранцев, деятельность которых укладывалась в русло советской идеологии (например, *пос. Тельманово*).

Наряду с этим, интересной представляется степень связи выдающихся людей с тем регионом, на территории которого появляются новые названия. По итогам исследования такая связь свойственна 56 советским мемориальным ойконимам, или 9,9% нашей выборки. Так, *город Ладушкин* назван в честь лейтенанта И.М. Ладушкина, погибшего в бою неподалеку от немецкого Людвигсорта и похороненного на городском кладбище;

4. Показательными мы считаем также отличия в качественном составе семантического класса «ойконимы, дающие оценку населенного пункта». В обеих ойконимических системах этот класс занимает приблизительно одинаковое место (132 случая и 104 случая соответственно). Вместе с тем, число исходных ойконимов, отражающих положительную оценку поселков (70 случаев типа *Lobitten* (балт. 'хороший'), практически не отличается от числа исходных ойконимов, закрепляющих их отрицательную оценку (62 случая типа *Wargitten* (балт. 'плохой'), в то время как в новой ойконимии географические названия, связанные с положительной оценкой (97 случаев типа *пос. Дивное*), однозначно доминируют над связанными с отрицательной оценкой (7 случаев типа *пос. Узрюмово*). По нашему мнению, такое преобладание позитивно-коннотированных номинаций в советской ойконимии призвано способствовать созданию в некоторой степени «праздничного» образа нового региона, ориентированного на по-настоящему «светлое» будущее;

5. Если в восточно-прусской ойконимии практически не присутствовали топонимы-мигранты, то есть не происходило сознательного дублирования географических названий, уже закрепившихся в других регионах (представлено лишь 14 примеров, в частности, топоним *Kurland*, ассоциирующийся с историческим ландшафтом Латвии), то в Калининградской области топонимы-мигранты, использование которых ментально закрепляет связь недавно присоединенного региона с основной частью РСФСР, являются доминирующим семантическим классом (570 случаев). Правда, в соответствующей выборке 102 единицы являются таковыми только на уровне наших предположений, например, *пос. Лунино* или *пос. Серезкино*, однако для значительной части ойконимов, которые мы относим к данному классу, в выше упомянутом архивном источнике указаны мотивировки переименования, подтверждающие перенос названия с населенных пунктов – мест выхода нового населения области. Так, *пос. Брянское* «переименован по старому местожительству колхозников», а *пос. Тамбовское* – «по названию места, откуда переехали переселенцы» [5];

6. Самым серьезным из выявленных нами расхождений оказалась количественная разница между ойконимами, несущими ту или иную идеологическую окраску. Исходя из того, что идеологически окрашенными в контексте истории Калининградской области являются ойконимы семантических классов «ойконимы-мигранты», «мемориальные ойконимы», «ойконимы, основанные на коммунистической терминологии», «ойконимы, дающие положительную оценку населенного пункта» (то есть ойконимы с мелиоративной оценочной коннотацией), «ойконимы, образованные от гидронимов-мигрантов», «этноойконимы» и «ойконимы, дублирующие названия колхозов», 124 исходным идеологизированным ойконимам соответствуют 1400 новых ойконимов этого рода. При пересчете на проценты данное соотношение выглядит как 5% против 56% от всех задействованных географических названий.

Таким образом, в ходе исследования, лежащего в плоскости политической топонимики как активно развивающегося современного научного направления, на материале ойконимии Калининградской области было установлено, что сходства в номинативной деятельности человека при первоименовании и переименовании населенных пунктов являются неоспоримыми, однако при втором процессе гораздо ярче проявляется идеологическая составляющая номинаций, что подтверждает тезис А.К.Матвеева о влиянии на реноминацию, прежде всего, специфики всей топонимической системы региона в целом.

Список литературы

1. Жевлов М.А. Топонимия Хакасско-Минусинской котловины (лингвистический анализ): Дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата: Институт РАН, 1984. – 255 с.
2. Картавенко В.С. Становление региональной топонимической системы: Западный регион России: Автореферат дисс. ... доктора филол. наук. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2012. – 46 с.
3. Мартыненко И.А. Механизмы переименования испаноязычных топонимических единиц / И.А. Мартыненко // IV Фирсовские чтения: Язык в современных дискурсивных практиках. – М.: Российский университет дружбы народов, 2019. – с. 266–271.
4. Масальская М.М. Переименования городских объектов как часть языковой политики государства (на примере Москвы, Софии и Варшавы) / М.М. Масальская // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2020. – 2. – с. 58–64. (дата обращения: 24.08.22).
5. Матвеев А.К. Тенденции и практики в современной урбаноиминации / А.К. Матвеев // Вопросы ономастики. – 2009. – 7. – с. 100–105.
6. Материалы о переименовании населенных пунктов Калининградской области // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 7. Д. 1.
7. Никитин С.А. Лингвистические аспекты переименований географических объектов в России. Автореф. ... канд. филол. наук. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – 18 с.
8. Петешова О.В. Ойконимика Калининградской области в мемориальном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2017. – 2. – с. 33–39.
9. Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы Государственного архива Калининградской области. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.
10. Чернищина С.А. Региональная топонимическая терминология как отражение картины мира жителей Курганской области / С.А. Чернищина // Проблемы ментальности. – Курган: Издательство Курганского государственного университета, 2011. – с. 120–126.

11. Щербак А.С. Принципы анализа топонимических изменений в России: отражение языковой картины мира (на материале тамбовских географических объектов) / А.С. Щербак // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – 6. – с. 12–16.

12. Endungen und Besonderheiten baltischer Familiennamen. URL: https://genwiki.genealogy.net/Endungen_und_Besonderheiten_baltischer_Familiennamen (дата обращения: 24.06.2022)

13. Frischbier, H. Preussisches Wörterbuch: Ost- und westpreussische Provinzialismen in alphabetischer Folge. Berlin: Enslin, 1883. 555 S.

14. Gerullis, G. Die altpreußischen Ortsnamen. Berlin und Leipzig: Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, 1922. 286 S.

15. Nesselmann, G. Thesaurus Linguae Prussicae. Berlin: Harrwitz und Gossmann, 1873. 224 S.

Е.А. Середина¹, М.П. Ефремова²

¹Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

²Санкт-Петербургский государственный экономический университет

АДАПТАЦИЯ КУЛЬТУРОНИМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Настоящая статья посвящена изучению передачи культурно-специфической лексики при переводе художественных произведений с русского языка на английский. Для обозначения лексем, в значении которых отражается национально-культурная специфика языка, авторы используют термин «культуроним», предлагаемый В.В. Кабакчи. Способы перевода культуронимов рассматриваются на примерах лексических единиц, отобранных в пьесах А.П. Чехова. Анализ рассмотренных примеров доказывает, что культурно-специфическая лексика при переводе на иностранный язык в большинстве случаев заменяется единицами языка, близкими по семантике, реже переводчик прибегает к использованию описательного перевода или к генерализации исходного понятия.

Ключевые слова: художественный перевод, культуроним, виды культуронимов, художественная литература, пьесы А.П. Чехова, национальный колорит, способы перевода, трансформация, языковая картина мира, перевод культуронимов, адаптация культуронимов.

Е.А. Sereda¹, M.P. Efremova²

¹St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

²St. Petersburg State University of Economics

LITERARY TRANSLATION: RENDERING OF CULTURE-SPECIFIC UNITS

The article describes the ways of rendering culture-specific units in Russian fiction while translating into English. The culture-specific units stand for the words and phrases implying cultural attributes being explicit through the language, the term was proposed by V.V. Kabakchi. The techniques of culture-specific units in Russian fiction being rendered from Russian into English are studied on the example of A. Chekhov's plays and its' translation into English. They were chosen to examine techniques of translation for culture-specific units. The analysis shows that in translation culture-specific units are usually rendered via units of a foreign language close in semantics, while descriptive translation or generalization are applied notably less.

Key words: literary translation, culture-specific unit, types of cultural-specific units, fiction, A. Chekhov's plays, national specifics, techniques of translation, translation transformation, linguistic view of the world, translation of culture-specific units, adaptation of culture-specific units.

Язык, как носитель национально-культурного кода народа, отражает все значимые события, происходящие в жизни людей. Сам национально-культурный код любого языка составляют лексические единицы, которые некоторые исследователи обозначают термином «культурно маркированная лексика», другие исследователи используют термин «национально-специфичная лексика» или «национально-маркированная лексика». Несмотря на то, что изучению данного явления посвящено уже немало работ и научных исследований, все еще нет единого термина для обозначения слов, которые подпадают под любую из представленных трактовок. Слова, носящие культурную значимость, особенно важны для традиции определенного народа, так как отражают его языковую картину мира [1, с. 148].

Разные стороны мировидения, отраженные в сознании и выраженные через речь, свидетельствуют о том, что в менталитете народа (или же отдельных социальных группах, сформировавшихся в данном обществе) хранится образ мира, который впоследствии передается будущему поколению через идеи и образы, вложенные в языковые знаки [2, с. 286]. Так как видение мира каждым народом имеет особенности, которые сложились в процессе долгого исторического развития и которые нельзя легко перевести на язык без дополнительных пояснений, можно говорить о том, что на языковую картину мира любого народа влияют его уникальные этнические ценности, традиции, представления о жизни, о природе, об устройстве вселенной и месте человека в мире [3, с. 5-20]. Так, В. Гумбольдт называет язык «миром, лежащим между миром внешних явлений и внутренним миром человека», что указывает на взаимосвязь сознания человека и окружающего мира [4, с. 304]. Определенный образ в сознании группы людей может быть передан будущему поколению при условии, что ему будет продемонстрировано овнешнение, демонстрация данного образа [5, с. 14]. Таким образом, стоит считать, что язык как явление, носящее социальный характер, предполагает, что рассматривать его нужно не только с лингвистической точки зрения, но и с культурологической, так как язык является не только элементом культуры, но и её отражением [6, с. 19].

В настоящей работе для обозначения лексем, в значении которых отражается национально-культурная специфика языка, будем придерживаться мнения В.В. Кабакчи и использовать термин «культуроним». Под культуронимом будет пониматься слово, закрепленное за специфическим элементом какой-либо культуры [10; 11]. Таким образом, определяется объект данного исследования – культуронимы, выделенные в пьесах А.П. Чехова. Целью исследования является изучение способов передачи культуронимов при переводе с русского на английский язык. Материалом исследования послужили пьесы А.П. Чехова и их переводы на русский язык.

К культуронимам относятся языковые знаки, относящиеся к материальным и духовным предметам и образам. То, что относится к материальной культуре, традициям и ритуалам, относится также и к ценностным установкам, идеалам и взглядам людей на мир [7, с. 264]. Культуронимы – это национально-детерминированные и культурно-обусловленные единицы языка [8, с. 120].

Наличие тех или иных уникальных культуронимов ставит перед переводчиками непростую задачу, так как переводящий язык не всегда способен без потерь перевести слово или словосочетание, имеющее уникальное или редкое значение.

Отдельную трудность для переводчика представляют культуронимы, которые встречаются в художественном тексте, поскольку между читателем и писателем происходит специфический тип коммуникации, при котором участники данной коммуникации отделены друг от друга временными и пространственными рамками [9].

Как отмечалось ранее, в рамках настоящей статьи мы будем опираться на мнение В.В. Кабакчи при определении термина «культуроним» и при характеристике типов групп культурно-ориентированных единиц. Так, исследователь среди культуронимов выделяет полионимы, идионимы, ксенонимы, а также нейтральную лексику. Под полионимами автор понимает такие лексические единицы, которые служат для обозначения явлений окружающего мира, которые представлены в большинстве культур мира. Такие единицы появляются в процессе развития цивилизации в различных культурах. Значительно более интересными с лингвокультурологической точки зрения являются идионимы и ксенонимы. К группе идионимов В.В. Кабакчи относит слова внутренней

культуры, т.е. такие лексические единицы, которые являются номинантами специфических элементов данной конкретной культуры. Идионимы появляются в результате первичного обозначения культурных элементов, т.е. эти единицы появляются в результате первичной вербализации тех или иных элементов лингвокультуры. Под ксенонимами понимаются такие лексемы, которые обозначают специфические элементы внешних культур и возникают в результате вторичной вербализации. Ксенонимы представляют собой такие лексические единицы, которые номинируют элементы лингвокультуры через средства другого языка, т.е. это заимствованная лексика.

В рамках настоящего исследования было отобрано и рассмотрено 100 единиц и 100 их переводных вариантов. Материалом исследования послужили 6 рассказов А.П. Чехова [12] и их переводы на английский язык [13].

Согласно классификации В.В. Кабакчи все отобранные примеры были отнесены к ксенонимам (всего 55 исходных единиц), к полионимам (35 единиц) и к нейтральной лексике (всего 10 единиц). В работе внимание будет уделяться таким типам единиц, как ксенонимы и полионимы, поскольку к нейтральной лексике относятся те единицы, которые существуют в языке естественным образом, они не появляются в результате развития человечества. К таким единицам, например, причисляют местоимения, числительные, междометия и т.д. Также отметим, что ксенонимы и идионимы по своей сути представляют собой единицы одного порядка, выражающие одно и то же явление, но различаются с точки зрения отношения родного языка и принимающего.

Как было отмечено ранее, в рамках настоящей работы было выделено 55 примеров ксенонимов. Представим анализ переводов некоторых из них.

• Прочитав себе несколько подобных *нравоучений*... / After administering to himself several such *lectures* (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”).

Поскольку в языке перевода отсутствует полный аналог русскоязычному понятию «нравоучение», переводчик прибегает к использованию лексемы “lectures”. Таким образом, можно сказать, что для передачи исходной единицы применяется прием подбора аналога, что не позволяет передать оттенок «нравственности», т.е. сохранить поучение, касающееся нравственных правил, поскольку англоязычная лексема “lectures” имеет более широкое значение по сравнению с русскоязычной лексемой «нравоучение». В следующем примере «Здесь не *кабак!* / This is not a *tavern!* (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”)» слово «кабак», имеющее значение питейного заведения во времена Российской империи, было переведено как «таверна», что означает постоялый двор (место, где также есть гостиница и конюшня) в некоторых европейских странах. В этом предложении использован такой способ перевода, как ксенонимическая номинация «для данного случая», которая подразумевает, что указанная пара слов не является эквивалентной, но в имеющемся контексте для данного произведения они представляют одно и то же явление, поэтому использование аналогичного “tavern” корректно только в рамках этого произведения. Такая реалья англоговорящим читателям более понятна, однако тем самым переводчик в конкретном случае также расширяет смысл оригинальной языковой единицы.

В переводе следующего примера возможно наблюдать не применение эквивалента, а использование приема генерализации:

• Любишь *жалованье* получать, так работай честно... / You're glad to get your *salary*, so you must do your work honestly... (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”).

В России XIX века жалованием называлась часть вознаграждения, получаемая лицом, состоящим на государственной службе. Это устаревшее слово, на смену которому

пришло более современное слово «заработная плата». Именно данное словосочетание имеет значение, близкое лексеме “salary”, и также относится к работе как в государственных органах, так и в частных организациях.

Далее обратимся к трем примерам, в которых выделена лексика разговорного этикета, а именно лексемы, указывающие на обращение к другому человеку:

- Глупо, *сударь!* / It’s stupid, *sir!*

- Послушайте, *господин!* / “Listen, *sir!*”

- *Господа*, да ведь я... да ведь вы... / *Gentlemen!* Why of course I... why of course you... (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”).

В первых двух примерах обе единицы «сударь» и «господин» использованы в диалоге между двумя мужчинами, они указывают на вежливое обращение обеих сторон, несмотря на имеющуюся между ними конфликтную ситуацию. Однако в переводе оба обращения переданы при помощи англоязычного обращения «сэр». В третьем примере слово «господа» имеет множественное число и гендерно-нейтральное обращение, которое относится одинаково как к группе мужчин, так и к группе женщин. В переводе же переводчик прибегает к обращению “gentlemen”, которое возможно использовать только по отношению к мужчинам, что сужает изначальное значение лексемы, но фактически не нарушает семантику, так как диалог происходит в кругу мужчин.

Далее в качестве примера культурно-специфической лексики рассмотрим следующий фрагмент:

- Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные *щи*... / My brother Nikolay, sitting in his government office, dreamed of how he would eat his own *cabbages*... (рассказ «Крыжовник» – “Gooseberries”).

Щи – это блюдо русской кухни, в основе которого чаще всего используется капуста. В переводе же нет упоминания супа, а указан только сам продукт, из которого готовится данный вид блюда – капуста. Таким образом, выделенная реалия переведена с помощью генерализированной контекстуальной замены, так как фокус меняется с блюда на основной продукт.

Рассмотрим фрагмент с двумя примерами бытовых реалий:

- У него на плане выходило одно и то же: а) *барский дом*, б) *людская*... / There were the same things – (a) *house for the family*, (b) *servants’ quarters*... (рассказ «Крыжовник» – “Gooseberries”).

Барский дом представляет собой главное жилье, где проживает хозяин дома с семьей (если она имеется). Людская – это отдельное помещение для слуг в барском доме. В обоих случаях реалии переведены посредством описательного перевода, что не нарушает семантическую составляющую предложения.

Рассмотрим три примера, в которых упоминаются наименования денежных единиц:

- Иван Дмитрич, человек средний, проживающий с семьей тысячу двести *рублей* в год... / Ivan Dmitritch, a middle-class man who lived with his family on an income of twelve hundred a year... (рассказ «Выигрышный билет» – “The Lottery Ticket”).

- «А ведь она ведь меня в каждой *копейке* учитывала», – подумал он, взглянув на жену. "She would begrudge me every *farthing*," he thought, with a glance at his wife (рассказ «Выигрышный билет» – “The Lottery Ticket”).

- Если бы выиграла, дала бы мне только сто *рублей*... / If she won it she would give me a hundred *roubles*... (рассказ «Выигрышный билет» – “The Lottery Ticket”).

В первом фрагменте лексема, номинирующая денежную единицу «рубли», опущена. Однако в ряде других случаев копейка, наименьшая денежная единица в России, не опускается, а переводится как “farthing”, то есть фартинг, самая мелкая английская

монета до начала XIX века. Однако уже в третьем примере лексема «рубль» переводчиком сохраняется и переводится транскрипцией. В первом случае использован такой переводческий прием как опущение, а во втором – ксенонимическая номинация «для данного случая», так как обе денежные единицы являются наименьшими в денежной системе своей страны, но не эквивалентны друг другу.

В рамках настоящего исследования рассмотрено 55 русскоязычных единиц, относящихся к примерам ксенонимов. Проведенный анализ перевода отобранных единиц показал, что наиболее часто применяемой переводческой трансформацией при передаче ксенонимов явилась контекстуальная замена, которая применяется для передачи 48% отобранных лексических единиц. Гораздо менее продуктивной трансформацией явился прием описательного перевода, который применяется в 12% случаев. Помимо этих двух приемов, также отмечается применение генерализации, калькирования и транслитерации – все указанные приемы встречаются при переводе 8% примеров, также в 4% случаев отмечается осуществление перевода посредством полукальки, ксенонимической номинации и опущения. Приемы конкретизации и транскрипции отмечены при переводе 2% отобранного материала.

К числу рассмотренных в рамках данного исследования полионимов относится 35 отобранных единиц. Под полионимом в настоящее время зачастую понимаются интернационализмы, поскольку в какой-то определенной культуре они воспринимались как национально-специфические единицы достаточно давно, на сегодняшний день они используются в большинстве языков и поэтому довольно часто передаются при переводе при помощи эквивалентов. Так, рассмотрим пример:

• три ночи не спал, нарочно *морфию* принял, чтоб уснуть, а вы... с билетом! / I've just taken *morphia* on purpose to get to sleep, and you . . . with your tickets! (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”).

Морфий – это лекарственное средство, применяемое в медицине с 1804 года. Было названо в честь Морфея, бога сновидений в греческой мифологии, поэтому считается интернационализмом и коррелирует с переводами этого слова на разные языки, делая перевод эквивалентным.

В примере «выражается, как *извозчик* / express himself like a *cabman*» (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”) форма лексической единицы «извозчик» не коррелирует с формой слова “cabman”, так как не является заимствованием из других языков, однако в культурах обоих языков имеются лексемы для обозначения профессии человека, предоставляющего услуги перевозки пассажиров. Поэтому, с точки зрения семантики, эти понятия эквивалентны, а перевод буквален.

Обратимся к следующему фрагменту:

• А то вот возьмет револьвер в пьяном виде и давай садить *пули* в стену. / And when he has had a drop he will pick up a revolver and set to putting *bullets* into the wall (рассказ «Ну, публика!» – “Oh! the Public!”).

В процессе создания разного вида оружия создавались и пули. Этимология русского слова неоднозначна и вызывает споры в лингвистических кругах. Так, существует две версии заимствования этого явления: от фр. *boule* – шар, или польск. *kula* – ядро [14]. Однако английское слово “bullet” однозначно происходит от французского слова, которое когда-то было заимствовано из лат. *bulla* – шар [15]. Перевод считается эквивалентным, так как этот предмет существует в большинстве культур и обозначает одно и то же понятие.

В примере «Брат мой Николай, сидя у себя в *канцелярии*, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи... / My brother Nikolay, sitting in his *government office*, dreamed of how he would eat his own cabbages...» (рассказ «Крыжовник» – “Gooseberries”)

встречается полионим «канцелярия». Канцелярия – это общее название государственных учреждений или структурное подразделение, занятое делопроизводством и составлением бумаг. Слово было заимствовано из французского языка и является интернационализмом, так как в английском языке это слово тоже присутствует – “chancellery”. Однако в этом фрагменте канцелярия была переведена как “government office”, то есть переводчик прибегает к использованию аналогичного выражения.

В примере «*Странник ты, а вижу, любишь шутки шутить... / You, pilgrim, are fond of a joke I see...*» (рассказ «Недоброе дело» – “A bad business”) лексическая единица «странник», переведенная как “pilgrim”, номинирует паломника, пилигрима, но также просто странствующего по разным местам человека. Ранее герой упоминал, что занимается паломническими странствиями, поэтому в данном фрагменте использована конкретизация для более полного семантического соответствия.

Понятие шуточных высказываний имеется в каждой культуре, поэтому эквивалентным переводом «шутки» на английский язык является слово “joke”.

• *Ветеринарный врач Иван Иванович и учитель гимназии Буркин... / s. Ivan Ivanich, the veterinary surgeon, and Bourkin, the schoolmaster...* (рассказ «Крыжовник» – “Gooseberries”).

Языковую единицу «ветеринарный врач» можно разложить на две лексические единицы, так как они встречаются и в других словосочетаниях. В данном случае обе единицы имеют эквивалентный перевод с тем же значением – “veterinary surgeon”. Более того, слово «ветеринарный» коррелирует с переводческой единицей “veterinary”, так как оба слова имеют латинские корни.

Другая ситуация обстоит с языковой единицей «учитель гимназии». Гимназия – интернационализм, обозначающий учебное заведение, которое в дореволюционное время имело более строгий устав в отношении учащихся. Данный вид учебных заведений существует в ряде европейских стран. В данном случае слово «гимназия» опущено, однако оно семантически компенсировано благодаря следующему конкретизирующему слову, которым была переведена профессия учителя, – “schoolmaster”. Согласно определению, это слово используется для обозначения профессии учителя чаще всего частной школы.

Анализ отобранных 35 лексических единиц показал, что для перевода полионимов переводчик чаще всего прибегает к буквальному переводу, который применяется в 68% случаев. Также для передачи полионимов в 17% случаев используется конкретизация. Остальные переводческие приемы применяются переводчиком довольно редко – контекстуальная замена в 6% случаев, опущение, расширение и сокращение – по 3% случаев.

Среди культуронимов также выделяется такой вид данного типа лексики как нейтральная лексика. В рамках данного исследования было выделено 15 примеров нейтральной лексики. Рассмотрим анализ переводов некоторых из отобранных примеров.

• *Посылает Окурин к Дружкову секундантов, а Дружков не будь глуп и скажи... ха-ха-ха... и скажи: "Пусть он посылает не ко мне, а к портному, который шил мне эти штаны." / Okurin sent seconds to Druzhkov, and Druzhkov said 'don't be a fool' . . . ha-ha-ha, 'but tell him he had better send seconds not to me but to the tailor who made me those breeches (рассказ «В номерах» – “In an hotel”)*.

Как упоминалось ранее, культурно-специфической лексикой может быть не только слово или словосочетание, но и целая конструкция. В данном примере мы будем рассматривать языковую единицу «не будь глуп и скажи...» и повторяющееся «и скажи» как единое целое, так как именно эта формулировка привела к переводческой ошибке.

Весь фрагмент представляет собой монолог мужчины из соседнего номера, который также вызвал гнев у полковницы Нашатыриной. Рассказывая историю, он цитирует слова некоего Дружкова, предварительно давая оценку его действию. Формулировка «не будь глуп» подразумевает, что указанный человек на самом деле не был глупым, а предикат «скажи», который повторяется дважды, является простым однородным членом предложения.

Данная переводческая единица была передана посредством кальки, однако из перевода этого фрагмента также становится видно, что оценочное суждение эпизодического рассказчика было воспринято как часть реплики цитируемого им Дружкова. Можно предположить, что это связано с тем, что оценочный компонент может восприниматься как два предиката в повелительном наклонении. В результате этого, смысловое значение данной специфической конструкции было искажено, благодаря чему оценочное суждение со стороны рассказчика было утеряно и преобразовано в часть реплики.

Мы относим эту формулировку к нейтральной, так как эта единица не носит ни культурной, ни исторической характеристики, а также не является устойчивым выражением.

В примере «Вы послушайте! / You listen!» (рассказ «В номерах» – “In an hotel”) «вы» является личным местоимением второго лица множественного числа. Английское местоимение “you” используется для обозначения как единственного, так и множественного числа. Поэтому перевод этого местоимения можно считать генерализованным. «Послушайте» – это глагол повелительного наклонения второго лица множественного числа. Эквивалентный английский глагол “listen” представляет собой глагол в неопределенной форме. Повелительный тон становится очевидным благодаря контексту.

Нейтральная лексика не исследовалась в достаточной степени в рамках настоящего исследования, поскольку не несет в себе значительной культурно-специфической окраски. Однако анализ переводов отобранных 15 примеров позволяет сделать вывод о том, что наиболее продуктивной переводческой трансформацией для передачи данного типа лексики является буквальный перевод, который применяется в 67% случаев. Также переводчик прибегает к приему опущения и расширения – по 13% случаев и генерализации 7% случаев.

Таким образом, проведенный анализ показал, что наиболее частотным типом культуронимов являются ксенонимы – выделено 55 единиц. При переводе ксенонимов переводчик чаще всего прибегает к поиску аналога в языке перевода, чуть реже применяется прием описания. Чуть менее частотным типом культуронимов явились полионимы – выделено 35 единиц. Для перевода полионимов переводчик чаще всего применяет буквальный перевод. Нейтральный тип лексики встречается довольно редко – выделено всего 15 единиц. Для передачи данного типа культуронимов на английский язык переводчик чаще всего прибегает к буквальному переводу.

Таким образом, можно сделать вывод, что культурно-специфическая лексика представляет собой сложное явление, комплексность и многогранность которого особенно четко проявляется в процессе коммуникации между представителями различных культур, так как даже в наше время, несмотря на многочисленные интернациональные связи и культурные обмены, перенять и понять все тонкости языка и культуры невозможно.

Однако при переводе, особенно при переводе художественной литературы, следует учитывать множество факторов. Перевод реалий – это не только поиск наиболее

«удобного» варианта перевода. Важно также учитывать тип потенциального читателя, так как переводчик берет на себя ответственность через текст репрезентировать культуру переводимого произведения для реципиентов с другой языковой картиной мира.

Список литературы

1. Попкова Е.А. «Культура-язык» vs «язык-культура»: к проблеме теоретического рассмотрения понятий // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–1. – С. 148–150.
2. Джененко О.В., Куликова Е.Ю., Тинакина В.О. Картина мира – языковая картина мира – этническая картина мира // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1-1. – С. 285–288.
3. Леонтьев А.А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 5–20.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., Прогресс, 1984. – 200 с.
5. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. – М., 1996. – С. 7–22.
6. Гуреев Б.А. К вопросу о взаимосвязи языка и культуры: Язык в диалоге культур // Диалог культур и цивилизаций. Материалы Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. 2019. – С. 18–24.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков // Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры», 1999. – I-XII. – 780 с.
8. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак. – М.: ГНОЗИС, 2005. – С. 472.
9. Серета Е., Герасимова А.С. Особенности передачи культурно-бытовых реалий на английский язык в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т.13. №4. – С. 171–176.
10. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. – СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2012. – 252 с.
11. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб: Союз, 2001. – 480 с.
12. Чехов А.П. // Сборник. – М.: Звонница–МГ, 2014. – 352 с.
13. Chekhov A. Selected Stories of Anton Chekhov. UK: Digireads.com, 2015. – 262 с.
14. Онлайн-словари русского языка на лексикографическом портале ЛГЭ. URL: <https://www.lexicography.online> (дата обращения 12.10.2022).
15. Этимологический словарь онлайн. URL: <https://www.etymonline.com> (дата обращения 12.10.2022).

Г.Н. Шатохина

Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ
В НОВОЗАВЕТНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

В статье анализируются средства выражения предостережения в новозаветных текстах. Актуальность работы обусловлена повышенным интересом лингвистов к исследованию специфики выражения превентива. Материалом исследования послужили новозаветные тексты на английском языке, взятые из Нового Завета Джона Филлипса. Результаты исследования показали, что предостережение в новозаветных текстах может быть выражено с помощью следующих средств: перформативного глагола “warn”; повелительных предложений; предложений с модальными глаголами “must” и “can” в отрицательной форме; повествовательных и вопросительных предложений, содержащих в себе предостережение-намёк.

***Ключевые слова:** предостережение, предупреждение, императивный компонент, информативный компонент, новозаветный текст.*

G.N. Shatokhina

Astrakhan State University

**LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING WARNING
IN THE NEW TESTAMENT TEXTS
(BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

The article analyzes the means of expressing warning in the New Testament texts. The relevance of the work is due to the increased interest of linguists in the study of the specifics of expressing the preventive utterance. The material of the study was the New Testament texts in English taken from the New Testament by John Phillips. The results of the study showed that warning in the New Testament texts can be expressed with the help of the following means: the performative verb “warn”; imperative sentences; sentences with modal verbs “must” and “can” in the negative form; declarative and interrogative sentences containing a warning hint.

***Key words:** warning, prevention, imperative component, informative component, New Testament text.*

В настоящее время высказывания предостерегающего характера (превентивные высказывания) вызывают большой интерес у ученых-лингвистов, что обуславливается их коммуникативно-прагматической и грамматической спецификой и сложностью семантической организации превентива. Превентивные высказывания (от латинского “praeventio” – «упреждать», «предупреждать»), предназначенные для предотвращения событий, способных, по мнению адресанта, нанести вред адресату, представляют собой одну из частных семантических интерпретаций императивного значения [10, с.151–154].

В работе М.Г.Безяевой дается следующее определение: «Предостережение – это выражение желания говорящего, чтобы слушающий не совершал действия, которое могло бы помешать планируемому им действию (действию, которое он намерен совершить, которое он хочет совершить) или состоянию, в котором он хочет пребывать;

либо совершил действие, в случае неисполнения которого не будет возможным осуществление планируемого, что реализуется в нежелательных для слушающего последствиях; а также учел обстоятельства, которые могут помешать совершить планируемое» [2].

По мнению Т.И.Шеловских, предостережение реализуется в неинституциональном и институциональном общении в устной и письменной формах [11]. На уровне речевого акта понятие «предостережение» является синонимом понятия «предупреждение», однако их следует разграничивать на речевом уровне. В толковых словарях даются следующие определения значений слов «предостережение» и «предупреждение»: *предостережение – то, что предостерегает, предостерегающее замечание, событие, предостерегающий знак, предостерегающая мера* [9]; *предупреждение – извещение, предупреждающее о чем-н., предостережение* [6]. Как следует из определений, семантика предупреждения шире семантики предостережения. В отличие от предостережения, которое направлено на предотвращение действия отрицательного характера, предупреждение может быть предварительным уведомлением о любом действии.

Особенность предостережения заключается в том, что субъект побуждает адресата не совершать определенное действие, так как, по его мнению, оно может нанести вред или быть опасным. Предписывающий компонент предостерегающего высказывания можно описать формулой: «сделай так, чтобы X не произошло», а информативный – «может произойти X», и одновременная их экспликация необязательна [5].

Семантическая структура предупреждения и предостережения совпадает и включает в себя: автора (обладает определенными знаниями о ситуации, которая может быть опасна и о способах разрешения этой ситуации), адресата (лицо действия или бездействие которого могут привести к нежелательным последствиям) и основание превентивного высказывания [10].

Как предостережение, так и предупреждение являются превентивными высказываниями, относящимися к будущему. Адресант пытается повлиять на ход событий в будущем и изменить поведение или действия адресата, в случае если эти действия представляют собой опасность. Особенностью каузируемого действия является его необлигаторность, то есть адресат вправе самостоятельно решать выполнить или не выполнить нежелательное действие [12].

К основным семантическим признакам предупреждения и предостережения относятся: своевременное оповещение о необходимости опасаться или избегать чего-либо; своевременное устранение (словами или действиями) чего-то нежелательного.

Стоит отметить, что грань между значением предупреждения и предостережения очень тонкая: предостережение, как правило, имеет более мягкую форму и часто напоминает совет; с другой стороны, когда адресат игнорирует предостережения адресанта, то последствия могут быть очень опасными.

Важными характеристиками коммуникантов для жанров с превентивной семантикой являются: положение автора высказывания, его осведомленность, компетентность, информированность, доброжелательное отношение к адресату и заинтересованность в хорошем разрешении ситуации.

Рассмотрим употребление предостерегающих высказываний в новозаветных текстах Джона Филлипса (Phillips J. B. “The New Testament in Modern English”).

Субъектом большинства новозаветных высказываний является Иисус Христос, обладающий особым бытийным статусом. В учении одного из крупнейших христианских мыслителей Аврелия Августина встречается положение, которое звучит как

аксиоматическое и предлагается в качестве объекта веры: Бог является высшей сущностью (*summa essentia*). Он «мыслится как «блаженный, единый, сильный» [1, с. 25]. Следовательно, особый статус позволяет Ему не только приказывать, но и предостерегать слушающих от чего-либо.

Обычно предостережение в новозаветных текстах строится с помощью сложно-сочиненных предложений с союзами: “or”, “either... or”, “for” или союзным наречием “otherwise”. Данные союзы являются маркерами информативного компонента предостерегающего речевого действия.

Императивный компонент предостережения может быть выражен посредством перформативного глагола “to warn”:

Listen, I am warning you. So that if people say to you, ‘There he is, in the desert!’ you are not to go out there (Matthews 24: 23–28).

Самым распространенным средством выражения предостережения является повелительное предложение:

Beware of false teachers: warn your people (1 Timothy 4: 1).

В приведенном примере апостол Павел в первом послании Тимофею предостерегает людей от лжеучений, говоря, что в последние времена многие отступят от веры и пойдут за лжеучителями. Императивная составляющая выражена посредством императивного предложения с глаголом-сказуемым “beware”.

В нижеследующем примере Христос предупреждает своих учеников о том, что они не получают награды от Отца Небесного, если будут творить милостыню на всеобщее обозрение, стараясь ее продемонстрировать перед людьми:

Beware of doing your good deeds conspicuously to catch men’s eyes or you will miss the reward of your Heavenly Father (Matthews 6:1).

You must not give holy things to dogs, nor must you throw your pearls before pigs – or they may trample them underfoot and turn and attack you (Matthews 7: 6).

В данном примере Господь предупреждает своих учеников о том, что они не должны метать бисер перед свиньями, так как те, в свою очередь, могут его попать, а самих учеников растерзать. Под «свиньями» понимаются люди, проживающие «грязную жизнь», а под бисером – жемчужные слова богословия. Императивная часть высказывания – отрицательное повелительное предложение; информативная часть соединяется с императивной с помощью союза “or”.

Наиболее часто встречающимся лексико-грамматическим средством выражения предостережения в новозаветных текстах является глагол “to see” в повелительном наклонении, имеющий значение предостережения. Например:

See that you do something to show that your hearts are really changed! (Luke 3: 7–9).

В данном примере Иоанн Креститель предупреждает еврейский народ о том, что если они действительно хотят иметь дело с Богом, то должны показать истинность своего покаяния.

Live your whole life in the Spirit and you will not satisfy the desires of your lower nature (Galatians 5: 16–18).

В данном примере апостол Павел предупреждает Галатов о последствиях противления духу, говоря, что только тот, кто поступает по духу, сможет ограничить похоть плоти. Информативный компонент предостережения в данном примере соединяется с другой частью посредством союза “and”.

С помощью модального глагола “must” в положительной и отрицательной форме в сочетании с глаголами со значением предосторожности объективируется императивный компонент предостережения:

You must change your hearts – for the kingdom of Heaven has arrive (Matthew 4:17).

В данном примере Иисус Христос предупреждает жителей Галилеи о том, что приблизилось Царство Небесное, поэтому нужно покаяться. Императивный компонент выражен модальным глаголом “must” и глаголом “change”, а информативный вводится с помощью союза “for”.

But you must not imitate their lives! For they preach but do not practise (Matthew 23: 1–12).

В приведенном примере Иисус Христос в разговоре с учениками и другим народом предупреждает их о том, что слова фарисеев и книжников расходятся с их делами. Несмотря на то, что фарисеи говорят правильные слова, которым нужно следовать, своей жизнью и делами они этого не подкрепляют. Императивная часть предложения вводится модальным глаголом “must” в отрицательной форме, а информативная – союзом “or”.

Ещё одним средством выражения предостережения является модальный глагол “can” в отрицательной форме. Например:

The foundation is laid already, and no one can lay another, for it is Jesus Christ himself. But any man who builds on the foundation using as his material gold, silver, precious stones, wood, hay or stubble, must know that each man's work will one day be shown for what it is (1 Corinthians 3: 10–15).

В данном примере используется метафора «строение – учение Иисуса Христа», с помощью которой апостол Павел в послании к Коринфянам предостерегает его жителей от неправильного толкования учения Христа: на «фундаменте», заложенном Иисусом Христом, следует возводить «здания» из золота и серебра, т.е. приносить нравственные плоды своей жизни.

В новозаветных текстах часто можно встретить примеры предостережения в имплицитной форме, а именно в форме намека, в котором говорящий рассказывает о последствиях выполнения или невыполнения какого-либо действия:

Then comes the time when many will lose their faith, and will betray and hate each other. Yes, and many false prophets will arise, and will mislead many people. Because of the spread of wickedness the love of most men will grow cold, though the man who holds out to the end will be saved (Matthews 24: 4–14).

Господь предупреждает о том, что настанут времена, когда христиан начнут гнать, ненавидеть и убивать за веру и за имя Христа, но нужно потерпеть, так как претерпевший до конца спасется. Данное высказывание по своей форме является декларативным и сводится к предостережению: сохраняйте твердую веру до конца жизни, иначе не достигнете царствия Господня.

God's Spirit specifically tells us that in later days there will be men who abandon the true faith and allow themselves to be spiritually seduced by teachings of the devil, teachings given by men who are lying hypocrites, whose consciences are as dead as seared flesh. These men forbid marriage, command abstinence from food – good things which, in fact, God intends to be thankfully enjoyed by those who believe in him and know the truth. Everything God made is good, and is meant to be gratefully used, not despised. The holiness or otherwise of a certain food, for instance, depends not on its nature but on whether it is eaten thankfully or not, It is consecrated by the man who has accepted the message, and thanks God for food (1Timothy 4: 1–5).

В данном примере предостережение выражено намеком на то, что в последние времена многие пойдут за бесовскими учениями и отступят от веры. Последствия очевидны, и слушающий может догадаться о них сам: не следуй за лжеучителями, иначе не достигнешь Царствия Небесного.

What makes you think that you who so readily judge the sins of others, can consider yourself beyond the judgment of God? (Romans 2: 1–4).

В данном примере апостол Павел спрашивает у римлян, правда ли они думают, что, осуждая грехи других, не получат осуждения от Бога. Способность человека осуждать грехи других только отягчает его вину и не освобождает от ответственности перед Господом. Вопросительное предложение выражает намек на последствия греха осуждения.

Проанализировав притчи Нового Завета, приходим к выводу, что в них также прослеживается превентивный подтекст, то есть предостережение и предупреждение выражены имплицитно. Например, в притче о *Богаче и Лазаре / Rich Man and Lazarus* Иисус Христос рисует яркую картину жизненного итога двух разных людей: богача/*rich man*, который при жизни никому не помогал, и Лазаря/*Lazarus*, смиренно терпевшего свое нищенское существование и болезни. После смерти ангелы забирают Лазаря в Рай и со всеми почестями, которых ему не хватало при жизни, приводят к Аврааму. Богач же прямиком за свои прижизненные грехи спускается в ад, окутанный огнем, мечтает о капле воды. Предупреждающий компонент выражен имплицитно посредством противопоставления деятельности человека при жизни и места, в которое он попадает после смерти [15].

Притча о *Талантах / The Parable of the Talents* повествует об одном человеке, отправившемся в дальний путь и раздавшем своё имущество рабам. Одному он дал пять талантов, второму – два, а третьему – один, то есть каждому раздал столько, сколько он сможет сохранить и приумножить. Раб, получивший пять талантов, начал заниматься торговлей, чем удвоил порученное ему имущество. Раб, получивший два таланта, поступил точно так же. Третий раб закопал свой талант в землю. По приезде хозяина рабы отчитались за вверенное им имущество. Рабы, увеличившие вверенное им имущество, получили награду, а зарывшего свой талант в землю хозяин назвал ленивым и нерадивым и подверг наказанию (Мф. 25:14–30). *But as for the man who has nothing, even his 'nothing' will be taken away. And throw this useless servant into the darkness outside, where he can weep and wail over his stupidity (Matthew 25:26–30) [4].*

В данной притче предостережение выражено имплицитно. Наглядно показаны последствия праздной и ленивой жизни. Предупреждение можно сформулировать следующим образом: не веди праздную жизнь, иначе тебя ждет тьма, где плач и скрежет зубов.

Еще одним примером имплицитной формы превентива в Новом Завете является притча о *Десяти девах / Parable of the Ten Virgins*, в которой повествуется о пяти мудрых и пяти неразумных девах. Мудрые взяли с собой дополнительное масло для светильников, а неразумные – нет. Из-за этой непредусмотрительности светильники пяти неразумных дев погасли, и они не смогли попасть на брачный пир. В данной притче мудрые девы символизируют принявших учение Церкви, а жених – Христа. В конце предупреждается о последствиях такого неразумия: *Oh, please, sir, open the door for us!* *But he replied, 'I tell you I don't know you!' So be on the alert – for you do not know the day or the time (Matthew 25:1–13).* Неразумные девы просят открыть им двери, но жених отвечает, что не знает их (Мф. 25:1–13) [8].

В притче о *Неразумном богаче / Parable of the Rich Fool* демонстрируется самоуверенность одного богатого человека, который думал, что вся жизнь заключается в деньгах, веселье и еде, но внезапно этот человек умирает и понимает, что ничего из того, что он любил при жизни, не может взять с собой и что ценно только духовное богатство (Лук.12:15). *But God said to him, 'You fool, this very night you will be asked for your soul! Then, who is going to possess all that you have prepared?' That is what*

happens to the man who hoards things for himself and is not rich where God is concerned (Luke 12:16–21). В конце притчи Христос спрашивает учеников: «И кому нужно все это богатство, если человек же умер». Данным вопросом дается превентивная установка: богатеть не в материальном плане, а в духовном, иначе без духовного богатства невозможно войти в Царство Божье [14].

В притче о двух сыновьях (Матф. 21:28–32)/ *Parable of the Two Sons* (Matthew 21:28–32) при помощи антитезы иллюстрируется наглядный пример того, как слова человека ничего не значат по сравнению с его делами. Иисус Сам указывает на образы. Мытари и грешники, изначально противившиеся Господу, но потом исполнившие Его волю принять Крестителя, раскаялись – это первый сын. А фарисеи и саддукеи, заявлявшие, что любят Бога и исполняют все Его заповеди, но не принявшие Его посланника Иоанна, не покаявшиеся, – это второй сын. Они, подобно второму сыну, не выполнили волю Небесного Отца.

Итак, цель предостережения в новозаветных текстах – это не допустить совершения действия, направленного на нарушение Божественных Законов, что может помешать достигнуть Царства Божьего и свергнуть в преисподнюю. Императивный компонент предостережения в новозаветных текстах выражается с помощью следующих средств: перформативного глагола “warn”; повелительных предложений; предложений с модальными глаголами “must” и “can” в отрицательной форме; повествовательных и вопросительных предложений, содержащих в себе предостережение-намёк.

Предостережение выражено имплицитно в притчах Иисуса Христа, в которых иллюстрируются различные жизненные ситуации и их последствия. Человек, проживающий разгульную, беспечную жизнь без Бога, попадает в ад, а смиренный, терпеливый и верный – устает от жизни вечной.

Список литературы

1. Августин Блаженный (Аврелий). О Троице: Научное издание. Ч.1-2. М: Образ, 2005. – 256 с.
2. Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М., 2002. – С. 458–460.
3. Беседы о вере и Церкви [Электронный ресурс] URL: <http://www.azbyka.ru>.
4. Гладков Б.И. Толкование Евангелия [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Gladkov/tolkovanie-evangelija/14
5. Гусев В.Ю. Типология специализированных глагольных форм императива: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 244 с.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: ООО «Издательский дом “ОНИКС 21 век”»: ООО «Издательство “Мир и образование”», 2004. – 896 с.
7. Святое Евангелие от Матфея с толкованием Святых Отцов [Электронный ресурс] URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia2/svjatое-evangelie-ot-matteja-s-tolkovaniem-svjatykh-otcov-troitskie-listki/114>
8. Толкование Евангелия [Электронный ресурс] URL: <http://www.azbyka.ru>.
9. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 / Под ред. проф. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996. – 712 с.
10. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 272 с.
11. Шеловских Т.И. Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков): автореф. дис. канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 18 с.

12. Шугаева Е. А. Особенности интерпретации речевых актов предостережения (на материале французского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5 (86). С. 127–134.

13. Экзегетъ Библия и толкования [Электронный ресурс] URL: <https://ekzeget.ru/bible/evangelie-ot-luki/glava-5/stih-36/>

14. Phillips J. B. The New Testament in Modern English [Электронный ресурс] URL: <http://www.bible.knowing-jesus.com>.

15. The Meaning of the Rich Man and Lazarus Parable [Электронный ресурс] URL: <https://www.jesusfilm.org/blog/parable-rich-man-lazarus/>

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Н.А. Гулевская¹, А.Н. Гулевский²

¹ГБОУ №203 г. Санкт-Петербург

²Санкт-Петербургский университет МВД России

ВОЙНА И ПРОГРЕСС: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье анализируется идея прогресса и показана связь прогресса с феноменом войны. Авторы предполагают, что прогресс – это, прежде всего, возрастание силы человека посредством накопления знаний, выражаемое в продлении средней продолжительности жизни, развитии материально-технической базы, создании крупных, хорошо организованных социальных организаций. Сила стремится к росту, так как она активна. Исходя из стремления силы к росту и ее борьбе со слабостью, сделан вывод о том, что насилие присуще силе как таковой. Но если сила является в некотором роде воплощением прогресса и присуща обществу, то и насилие свойственно обществу, а значит – прогресс и война взаимосвязаны между собой.

Ключевые слова: война, борьба, сила, насилие, знание, общество, прогресс.

N.A. Gulevskaya¹, A.N. Gulevsky²

¹GBOU school 203 of the city of St. Petersburg

²St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

WAR AND PROGRESS: THE DIALECTIC OF INTERACTION

The article analyzes the idea of progress and shows the connection of progress with the phenomenon of war. The authors suggest that progress means an increase in human strength through the accumulation of knowledge, expressed in the extension of the average life expectancy, the development of the material and technical base, the creation of large, well-organized social organizations. The force that strives for growth is an active one. The authors concluded based on the strength's desire for growth and its struggle with weakness that violence is inherent in power as such. But if power is in some way the embodiment of progress and is inherent in society, then violence is inherent in society, which means progress and war are interconnected.

Key words: war, struggle, power, violence, knowledge, society, progress.

Тема прогресса в последние два десятилетия заметно утратила свою актуальность. В основном рассуждения о прогрессе сводятся к рассуждениям о развитии того или иного направления технической сферы. В то же время не появляется каких-то значимых глубоких философских размышлений на эту тему. В особенности это касается применимости понятия прогресс в отношении общественной жизни. Этому способствовали как минимум два обстоятельства. Во-первых, в умах многих мыслителей современности обрела доминирование идея о конце истории, озвученная Ф. Фукуямой в его известном труде «Конец истории и последний человек». Согласно Ф. Фукуяме, у истории человечества «было только одно путешествие и только одно место назначения», а именно путь либеральной демократии и капитализма, который и является концом Истории [1, с. 505]. «История с большой буквы, то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов, подошла к концу», – считает Ф. Фукуяма [1, с. 8].

Ф. Фукуяма рассматривает прогресс как некий последовательный переход от племенного состояния народов, рабства, феодализма, монархии к своему завершению в лице либеральной демократии. Согласно американскому философу, «более не будет

прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [1, с. 9]. Либеральная демократия, по мнению Ф. Фукуямы, наиболее совершенна, благодаря отсутствию в ней дефектов, иррациональности и фундаментальных противоречий. В ней нет рабства, так как рабы объявляются хозяевами, проповедуется принцип свободы и равенства.

Несмотря на дискуссионность тезисов Ф. Фукуямы, многие политические деятели современного Запада действуют в строгом соответствии с провозглашаемыми им принципами, считая себя непогрешимыми поборниками защиты прав граждан, а страны, не входящие в список демократических, подвергаются критике и экономическим санкциям. В связи с этим стоит победить оставшиеся не демократические государства, вынудив их признать либеральную демократию, как прогресс человечества окончательно будет остановлен, наступит царство Разума и всеобщего счастья.

Во-вторых, причина ослабления внимания к теме прогресса связана с позицией философов-постмодернистов, которые либо отвергают идеи последовательного прогресса как выражение авторитаризма разума, либо высказывают «сомнение в его линейности, поступательности бесконечности» [2, с. 7]. Если все ценности равноправны, то и стремление идти тем или иным путем не имеет значения. У истории нет смысла или цели, худшего или лучшего исхода.

Чтобы лучше понять, действительно ли идея прогресса утратила свою актуальность, рассмотрим коротко историю этой идеи. Идея прогресса зародилась в античной Греции, ее символом был Прометей Эсхила, принесший людям огонь, позволивший людям самим развивать свою культуру. В Средние века в трудах Августина Блаженного прогресс воспринимался как линейное движение исторического времени к моменту Второго пришествия Христа. В эпоху Ренессанса Н. Макиавелли понимает прогресс как освобождение человека от веры в неизменность своей судьбы, но понимает его как борьбу своими силами за собственное счастье. Французский историк Жан Боден в 16 веке сформулировал три принципа прогресса: 1. «Отрицание теории упадка человека»; 2. «Утверждение, что современное равнозначно, а в некоторых случаях и превосходит античное с точки зрения науки и искусства»; 3. Идея «общих интересов всех людей на земле – концепция, напоминающая старую идею Ойкумены» [3, с. 31]. Значительный вклад в понимание прогресса сделал французский ученый Б. де Фонтенель, высказавший идею неизбежности прогресса науки. Развитие науки, по его мнению, происходит на основании предшествующих открытий, таким образом, ученый признает кумуляцию знаний и прогресс науки вне зависимости от желаний индивидуумов. Д. Вико впервые начал говорить о прогрессе в значении народа, нации, общества, сместив акцент с индивида. Ш. Монтескье считал, что прогресс обусловлен рядом объективных причин, например, географическими условиями, религией, законами, государственным устройством и т.д. Ж.Ж. Руссо ассоциировал прогресс с идеей равенства, которая дает массам доступ к знаниям посредством всеобщего образования [12].

М.Ж. Кондорсе считал знания движущей силой прогресса. Его важной заслугой является выделение критерия увеличения средней продолжительности жизни человека как индикатора прогресса.

В 19 веке К. Сен-Симон выдвинул идею о том, что прогрессивное развитие человечества может идти эволюционным и революционным путем. Иногда развитие заходит в тупик и выход из него возможен посредством революции. Мыслитель предлагал план научной организации общества, где государственную власть осуществляют ученые. Французский философ О. Конт полагал, что прогресс общества заключается в эволюции способов мышления, начиная религиозным и заканчивая научным мышлением.

О. Конт, как и Ж.Ж. Руссо, полагал, что войны тормозят развитие прогресса. Плодотворной идеей О. Конта является обнаружение им связи понятий прогресс и порядок. Во второй половине 19 века Э. Ренан выдвинул тезис о прогрессе разума и его доминировании над инстинктами.

Расовая концепция прогресса основывается на сохранении расовой чистоты. Одним из представителей такого подхода был Д. Гобино. Экономический подход к пониманию прогресса выразил А. Смит, полагавший, что движущей силой прогресса является частный интерес граждан.

Английский философ и социолог Г. Спенсер говорит о прогрессе как о процессе изменений, связанных с переходом от простого к сложному, от однородного к разнородному. Г. Спенсер полагал, что развитие знаний недостаточно для прогресса, нужны социальные условия для реализации знаний. Согласно Г. Спенсеру, человек изначально асоциален и только длительная изоляция делает его общественным.

И. Гердер связывал идею прогресса с национализмом, в частности, с народным языком, традициями, культурой. Согласно Г.В.Ф. Гегелю, прогресс представляет собой процесс перехода бытия возможного или потенции в бытие действительное. Разум, по его мнению, господствует в мире, является средством познания и его развитие бесконечно, так как бесконечно познание. Средствами достижения прогресса Г.В.Ф. Гегель считал людей и свободу. Г.В.Ф. Гегель полагал апогеем развития Прусское государство.

К. Маркс считал венцом развития общества коммунизм, однако развитие на этом не будет остановлено, оно будет продолжаться. Показателем прогресса для К. Маркса считается, с одной стороны, экономическое процветание, изобилие и счастье, которые наступят при коммунизме, а с другой стороны – моральный прогресс. Смена формаций знаменует переход от менее прогрессивных форм к более прогрессивным. В коммунистическом обществе человек будет чувствовать себя свободно, что позволит ему реализовать все свои цели.

В 20 веке британский философ А. Уайтхед внес коррективы в понимание прогресса. Во-первых, он четко указал, что одного приспособления к миру недостаточно, поэтому важно активно оказывать влияние на окружающий мир. Во-вторых, прогресс возможен только в обществе в условиях кооперации. В-третьих, истинный прогресс возможен только в условиях нестабильного общества, наличия какой-либо опасности, так как праздность и спокойствие губят прогресс. В-четвертых, ход мировой истории меняют не столько политики, сколько те, кто меняет мировоззрение, то есть философы.

К. Поппер связывал прогресс, прежде всего, с так называемым «открытым обществом», под которым понимал демократию и противопоставлял его «закрытому обществу» [13].

Д. Хаксли не согласен считать, что увеличение численности людей является критерием прогресса, так как численность населения когда-нибудь достигнет своего предела. Американский социолог Р. Нисбет сформулировал пять факторов прогресса: «1) вера в ценность прошлого; 2) убежденность в благородстве, даже превосходстве западной цивилизации; 3) принятие ценностей экономического и технологического роста; 4) вера в научные знания, источником которых является интеллект; 5) вера в исключительную важность, неизмеримую ценность жизни на Земле» [3, с. 143–144].

Л.И. Мечников видел доказательством прогресса развитие техники, направленной на преодоление человеком пространства и времени.

Итак, демонстрация различных подходов к феномену прогресса показывает отсутствие единства в его понимании. Некоторые ученые связывают достижение прогресса со счастьем человека, однако Е.Ю. Леонтьева и Н.Л. Виноградова справедливо отметили:

«Счастье представляется исключительно субъективным переживанием – для каждого оно индивидуально и отражает особое внутреннее душевное состояние» [14, с. 73]. Нет единства и в отношении влияния войн на прогресс. Одни ученые считали войны препятствием к развитию прогресса, другие, наоборот, показывали, что кризисы и войны не позволяют обществу застыть и вынуждают прогрессировать. Так, Ф. Вольтер считал войну и религию главным препятствием на пути к прогрессу. Н. Кондорсе видел в прекращении войн прогресс международных отношений. С другой стороны, Г.В.Ф. Гегель видел в войнах средство от застоя в обществе, форму борьбы, без которой невозможно движение. Также А. Уайтхед показал, что кризисы – лучший катализатор прогресса.

Понять феномен прогресса и его связь с войной возможно, если связать эти явления с феноменом силы. Именно сила представляет, на наш взгляд, точку стремления человека в истории. «Сила как объект философского анализа имеет давнюю историю, однако в настоящее время подзабытую и оставленную современными философами. При этом силовое начало, играющее важнейшую роль в социально-политическом срезе бытия, не получило однозначной трактовки или четкого определения до сих пор» [4, с. 78]. Слабость человека перед силами природы и смерть как неизбежный итог существования стали для человека постоянными факторами внутреннего дисбаланса. Поиски силы привели человека к появлению мифологического мировоззрения, затем религиозного мировоззрения. Человек полагал, что сила находится, прежде всего, в сверхъестественном. Однако постепенно, по мере накопления знаний, человек все больше начал доверять собственным силам, которые, прежде всего, представляют собой умственную силу. В начале своей истории человек в большей степени использовал свою физическую силу, однако ее эффективность возросла по-настоящему, когда человек вкладывал в свою физическую активность знания. Умственная сила человека представляет собой способность человеком упорядочить получаемую информацию, расшифровать ее смысл для применения на практике, то есть для изменения окружающего мира. Накопленные человеком знания и есть его интеллектуальная сила, а будучи соединенным в общество, это знание обогащается в результате соединения знаний отдельных индивидов, организации разделения деятельности в обществе и выделения ученых, деятельность которых направлена на синтез и сохранение знаний. В отличие от сил природы, сила человека целенаправлена. Как сумма знаний человека растет со временем, так растет и общественная сила.

Главнейшей потребностью человека является сама жизнь, существование в мире. Возрастание силы приводит к значимым изменениям и воздействиям, среди которых продление жизни человека и улучшение ее качества. Как было сказано выше, страх смерти оставался неизменным фактором, заставляющим человека искать силы для борьбы за свое существование. Знание стало оружием человека в этой борьбе.

Таким образом, накопленные человеком знания, возникающие благодаря способности человека к логическому мышлению, упорядочиванию информации, и есть гносеологическая сила, дающая человеку возможность делать то, что не могут другие, и добиваться тем самым преимуществ над ними, что является основанием для прогресса. Прогресс – это, прежде всего, возрастание силы человека, выражаемое в продлении средней продолжительности жизни, повышении ее качества, развитии материально-технической базы, создании крупных, хорошо организованных социальных организаций. Сила стремится к росту, так как она активна и не может удержаться длительно в пассивном состоянии [15]. Остановка в росте может угрожать потерей силы ввиду возможности попасть под влияние другой силы и возрастанием роли внутренних сил, ожидающих от власти большего и жаждущих улучшить свою жизнь.

Таким образом, объединение единичных сил людей приводит к появлению социальных организаций (род, племя, государство), то есть организованных общностей, чей силовой потенциал выше, чем у неорганизованной толпы или отдельного индивида. При этом государство прошло ступени эволюции, такие как, аграрное, индустриальное, постиндустриальное, если взять экономический признак деления. Можно заметить, что эволюция ранних, традиционных и современных социальных институтов шла по пути возрастания размеров и упорядоченности, что сказывалось на возрастании силы. Прогресс государств – это его рост, что не учитывал Платон [5], рассуждая о небольшом государстве, или И.Г. Фихте [6], думая о самодостаточном, ограниченном в размере государстве. Если государство функционирует правильно, то его деятельность должна давать прирост силы, так как борьба со смертью бесконечна. Борьба – отец всего, как справедливо отмечал Гераклит [7]. Но для роста силы необходимы ресурсы, включающие новые жизненно важные пространства и людей. Государство обладает экономическими, демографическими, духовными ресурсами, способными при правильном управлении позволить такие действия, на которые не способны отдельные индивиды, малые группы и даже менее сильные государства с неэффективным управлением или недостаточными ресурсами. Организацией такой деятельности занимается интеллектуальная элита, генерирующая идеи, что хорошо описано у А. Тойнби [8]. Чем больше граждан в государстве, чем лучше они организованы, тем больше силы. При правильной организации государства стремятся увеличить численность и время жизни населения, а также рост материальной базы.

Однако не все государства способны управлять населением эффективно. Численность населения, время его жизни, качество и материальные ресурсы могут сокращаться и ухудшаться в результате неверных решений. Мы можем наблюдать, что одни государства прогрессировали, а другие деградировали и исчезали, утратив силы. Исчезновение далеко не всегда было естественным процессом. Смерть государств могла быть вызвана войной с соседями при помощи больших и хорошо организованных армий. Сила всегда стремится воздействовать на слабость, что было описано у Аристотеля [9] и у Г.В.Ф. Гегеля [10]. «Если рассматривать общество сквозь призму этих категорий, то сила и слабость присутствуют как внутри одного общества, так и в сравнении одного общества с другим, одного государства с другим. Например, богатых и бедных, управляющих и управляемых можно рассматривать как силу и слабость. Экономически и духовно развитое государство можно рассматривать как силу, а слаборазвитое – как слабость. Редукция социальной действительности к категориям силы и слабости является, безусловно, некоторым упрощением, но позволяет прийти к определенному уровню обобщения причин войны как социального явления» [11, с. 24].

Слабость не есть отсутствие силы, но ее недостаток. Между сильным и слабым государством возникает борьба, где слабая сторона обороняется и не всегда проигрывает. Иногда война может пробудить скрытые силы, побудить элиту измениться, начать реформы, как это сделал Пётр I после поражения от Швеции под Нарвой в 1700 году. Сильное государство не может остаться пассивным по определению, так как им движет энергия силы. Именно сверхсилой можно объяснить вмешательство США в жизнь суверенных государств и их вторжение в Югославию и арабские страны. Распад СССР не привел к миру, которого ожидали многие ученые и политические деятели. Напротив, уход СССР привел к прорыву плотины, которая выразилась в движении НАТО на Восток. Стремление силы воздействовать на слабость отчасти гарантирует успех военных действий, их разумность, что даже считается критерием справедливости войны. Г. Спенсер, в свою очередь, полагал, что «движение силы в сторону наименьшего сопротивления» – это универсальный закон природы и общества [3, с. 254].

Исходя из стремления силы к росту и ее борьбе со слабостью, стремления ее подчинить и превозмочь, можно сделать вывод о том, что насилие присуще силе как таковой. Но если сила является в некотором роде воплощением прогресса и присуща обществу и государству, то насилие присуще и обществу, а значит прогресс и война связаны между собой. Активная и пассивная силы, воплощённые в племена или национальные государства, ведут борьбу между собой. С древнейших времен сильные родовые или племенные образования притягивали или истребляли слабых в спорах и войнах за территории, рабов, влияние. Каждое государство занимает ту или иную географическую территорию с различными размерами и ресурсами, что способно стать основанием для расширения территорий и борьбы с соседями. Одни государства географический дискурс двигают в сторону агрессии, а другие нацеливает на оборону. Внутри указанных общностей также организуются группы по политическому, экономическому, религиозному, этническому признакам. Эти группы создают упорядоченные организации, которые также обладают силой, так как объединяют индивидов внутри, по какому-либо из признаков, обладают системой управления, материальной базой. Конечно, политические партии, классы, религиозные организации, этнические группы обладают меньшей численностью входящих в них людей, чем государство в целом, тем не менее они значимы и стремятся к увеличению числа своих адептов. Партии, например, стремятся к поддержке всего населения. Экономические компании стремятся к захвату новых рынков сбыта. Разумеется, эти организации стремятся оказывать влияние на население и конкурентов, которое реализуется через экономические, дипломатические, военные средства. Указанные организации способны вести борьбу с аналогичными организациями за доминирование в государстве, порой с использованием преступных махинаций или вооруженных средств.

Введение силы как фундаментальной категории человеческой деятельности позволяет понять, что конфликты и войны не являются чем-то случайным или ненормальным. Единственным средством противостояния войне является соблюдение баланса сил или, наоборот, ослабление социальных сил, деконструкция социальных общностей, уничтожение техники и переход к полной зависимости от природы и ее доминирование. Однако тогда уже не будет речи о прогрессе, что будет означать и конец самого человечества.

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер с англ. М.Б. Левина. – М: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. – 588с.
2. Цукерман В.С., Павлова А.Ю. Понятие прогресса: определение и критерии // Социум и власть. 2017. № 6 (68). – С. 7–12.
3. Бэттлер А. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала). – Второе издание. – Нью-Йорк, 2018. – 380 с.
4. Гулевский А.Н. «Метафизика войны» // Вестник Калмыцкого университета. 2021. №2. – С. 76–86.
5. Платон. Собрание сочинений в 4 т., Т 3 / общая редакция А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1994. – 654с.
6. Фихте И. Г. Сочинения в двух томах. Т. II. / Сост. и примечания Владимира Волжского. – СПб.: Мифрил, 1993. – 798 с.
7. Гераклит Эфесский: все наследие: на языках оригинала и в рус.пер.: крат. изд. / подгот. С.Н. Муравьев. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 416 с.
8. Тойнби А. Дж. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-пресс. 2010. – 640 с.

9. Аристотель «Метафизика». Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. – СПб.: Алетейя, 2002 г.; Киев: Эльга, 2002 г. – 832 с.

10. Гегель Г. Ф. В. Сочинения. Т 4. Феноменология духа. Перевод с немецкого Г. Шпета. – М.: Издательство Социально-экономической литературы, 1959. – 440 с.

11. Гулевский А.Н., Гулевская Н.А. Диалектика силы и слабости в философском осмыслении войны // Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч. ст. – Волгоград, ВолгГТУ, 2015. № 2 (155). – 236с.

12. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2013. – 640с.

13. Поппер Карл Раймунд. Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. – 528 с.

14. Виноградова Н.Л., Леонтьева Е.Ю. «Улыбка чеширского кота или социальный концепт: непреходящие размышления о счастье» // Вестник Калмыцкого университета. 2021. №2. – С. 67–75.

15. Бэттлер А. Диалектика силы: онтобоя. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – 320 с.

З.М. Дзжеваков

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

КУЛЬТУРНО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Предметом исследования данной статьи являются различные религиозные и псевдорелигиозные течения, существовавшие и существующие на сегодняшний день на территории Российской Федерации, деятельность которых ввиду их чрезмерной радикальности представляет угрозу для национальной безопасности. Представлена историческая ретроспектива различных религиозных и псевдорелигиозных групп и течений, а также проанализировано их текущее состояние.

Ключевые слова: *национальная безопасность, религиозная безопасность, сайентология, фундаментализм, секты.*

Z.M. Dzhevakov

Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov

CULTURAL AND CONFSSIONAL ASPECTS OF THE SECURITY OF THE RUSSIAN STATE

The article describes the study of various religious and pseudo-religious patterns existing on the territory of the Russian Federation. Their activities are associated with an increase of threat to the interests of national security. The research analyzes a historical retrospective of various and pseudo-religious groups and movements as well as their current status.

Key words: *national security, religious security, Scientology, fundamentalism, cult.*

Конфессиональные аспекты безопасности российского государства

Когда распался Советский Союз, а власти отказались от идей коммунизма как базовой картины мира в социуме, это привело к кризису поиска духовной основы. Множество людей потеряло ясные морально-духовные ориентиры. В данной ситуации разные церковные конфессии и религиозные направления приступили к полномасштабной борьбе за прихожан и последователей. Причем в борьбе приняли активное участие как доминирующие, привычные для этого региона церкви, так и церковные и псевдоцерковные организации, порой имеющие явный сектантский уклон.

В РФ в девяностых и первой половине нулевых годов вели работу и структуры, появившиеся в дальнем зарубежье, и те, что возникли на территории бывшего СССР. Среди них стоит упомянуть о кришнаитах, саентологах, «Церкви объединения» Муна, «Аум синрикё»¹, «Церкви Сатаны», «Белом Братстве», «Богородичном центре», «Церкви последнего завета» [2]. Каждое из перечисленных религиозных образований возникло и распространялось на территории СНГ преимущественно благодаря деятельности зарубежных проповедников, а небольшая часть церковных объединений появилась как чисто «отечественный продукт».

¹Признана террористической структурой, запрещенной в России.

В качестве примера приведем саентологов¹ или мунитов². Бывшие советские граждане порой предпочитали выбирать именно эти сектантские организации, а не традиционные конфессии, поскольку успели разочароваться в последних или полагали, что те испортили себе репутацию, сотрудничая с властью во времена СССР или в ельцинский период.

Интересна деятельность такой новой религиозной организации, проводившей работу в те годы в России, как «Аум синрикё».

Как и большая часть других неорелигиозных направлений, это учение было синкретическим, но основывалось оно не на христианстве. Ее фундаментом был буддизм Ваджраяны³ (считается неорелигиозным учением) [4].

Адепты «Аум синрикё» у нас стали появляться с первых лет существования РФ. В 1992-м состоялся визит главы и основателя секты Сёко Асахары в наше государство. У него были встречи с некоторыми политическими и церковными деятелями, выступления в Московском госуниверситете, Московском инженерно-физическом институте, Московском техническом госуниверситете имени Баумана, Московском институте международных отношений и иных крупных учебных заведениях перед учащимися.

Его приезд и выступления имели мощную PR-поддержку. В частности, в начале работы в РФ «Аум синрикё» обзавелась ежедневной часовой радиопрограммой на «Маяке» и тридцатиминутной еженедельной телепередачей на «2x2». В середине 1992 г. организацию зарегистрировал Минюст России.

В течение двухлетней деятельности российский филиал успел провести крупные мероприятия, достаточно упомянуть о музыкальном концерте в «Олимпийском». Помимо этого, из нашей страны транслировалась религиозная передача по радио, в частности, на Японию.

В 1995 г. «Комитет по спасению молодых людей от псевдорелигий» подал иск, и Останкинским межмуниципальным судом был вынесен вердикт ликвидировать «Аум синрикё» в РФ [5]. В это же время арестовали Тосиясу Оути, Кэйдзи Танимуру и Рио Андо, возглавлявших российский филиал секты. Им предъявили обвинение в том, что они организовали структуру, представляющую опасность для личности и прав россиян, а также причинили ущерб обманными действиями. Но суд так и не состоялся, их выпустили под поручительство и с условием невыезда. Позже было принято решение о прекращении дела, так как в результате расследования правоохранительные органы заключили, что подозреваемые по причине изменившейся ситуации уже неопасны для общества.

Со временем выяснилось, что такое решение нельзя назвать правильным. Ведь ряд ячеек секты продолжал действовать, а отдельными адептами (Д. Сигачевым, А. Шевченко, Б. Тупейко, Д. Вороновым) планировалась серия терактов на родине Асахары в 2000-м с целью освобождения из тюрьмы самого основателя и его приближенных. Причем они собирались перевезти Асахару в РФ, в которой надеялись спрятать его от закона.

---

¹Саентология является международным движением, которое многие авторы относят к неорелигиозным движениям гностической направленности. Создано в 1950-х в Соединенных Штатах Лафайетом Рональдом Хаббардом. Верование и практики базируются на представлении, что люди – это духовные сущности, проживающие множество жизней. Число адептов, исходя из различных оценок, может составлять и сотни тысяч, и 10000000.

²Мунизм (Церковь объединения) представляет собой неорелигиозное учение (секту), которое создал Мун Сон Мён в середине 1950-х в южнокорейской столице. Следующие десятилетия муниты распространились во множестве государств и имеют сегодня около 6000000 адептов.

³Ваджраяна является тантрическим учением, возникшим в рамках Махаяны в пятом столетии. Больше всего последователей имеет среди россиян, тибетцев, непальцев, монголов и японцев.

По словам специалиста по религиоведению Игоря Кантерова, которые он произнес в 2005 г., в нашей стране продолжается незаконная деятельность отдельных ячеек адептов «Аум синрикё» [1]. По сведениям Генеральной прокуратуры, на 2016 г. число приверженцев сектантской организации в РФ составляло до 30000 человек [6]. Весной 2016 г. полиция и Следственный комитет осуществили множество рейдов по месту жительства сектантов с целью их ареста [6].

Осенью 2016 г. ВС РФ признал эту международную религиозную структуру террористическим объединением и запретил ее в нашей стране [7].

Итак, в настоящее время мы видим, как религиозно-церковные структуры разных конфессиональных направлений (в том числе и новые религиозные движения) проникают в регионы, где до этого их никогда не было. Благодаря интегрированию и глобалистским процессам распространяются в новом для себя пространстве как технологические составляющие и культурные аспекты, так и верования.

На этом фоне власти в содружестве с традиционными для нашей страны конфессиями обязаны делать все от них зависящее, чтобы не дать возможности таким сектам проникать к нам и распространяться.

Естественно, присутствует риск, что церковь может опять стать политическим и общественным придатком государственной власти, сделаться пешкой в противостоянии разных политических сил. Во избежание такой ситуации необходимы четкие законы, регулирующие деятельность в этом направлении и властей, и участников религиозной жизни вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Проблемы с безопасностью могут присутствовать и со стороны религиозных фундаменталистов. И это касается и ислама, и православия.

Мусульманские фундаменталисты в исламских республиках РФ обладают своими отличительными чертами, потому их стоит рассмотреть особо.

Источниками и социальной основой фундаменталистских настроений на северокавказских территориях РФ являются те же причины, что и в чисто мусульманских странах. Речь об экономических проблемах, безработице (в особенности это касается молодых людей), неверии населения в демократические ценности, слабости светских оппозиционеров, обостряющейся борьбе между представителями разных национальностей, этносов, кланов.

Очередной всплеск фундаменталистских настроений произошел в 1990-е гг., что связано с проникновением «ваххабизма» в новую Россию¹. В ваххабизме произошла эволюция идей ханбалитского мазхаба (основоположник – богослов Ахмад ибн Ханбаль). Это течение считается правоверной школой (всего их четыре), признанной всем мусульманским миром. Основная особенность ханбалитского мазхаба состоит в абсолютном отказе от «нововведений», о которых ничего не говорят правоверные предания (хадисы), которые не освящены единодушным мнением богословских деятелей (традиция иджм), поэтому вступающие в противоречие с сунной.

Наряду с отрицанием «нововведений» ваххабизм ратует за то, чтобы вернуть мусульманству чистоту, которое оно имело при пророке Мухаммеде. Еще нужно строго соблюдать принцип монотеизма, не поклоняться никакому святому и священному месту, быть пуританином в жизни. В настоящее время ваххабизм перестал бороться с нововведениями наподобие телевизора и телефона, но его представители все еще непримиримы к приверженцам иных направлений мусульманской религии.

¹Ваджраяна является тантрическим учением, возникшим в рамках Махаяны в пятом столетии. Больше всего последователей имеет среди россиян, тибетцев, непальцев, монголов и японцев.

На исламских территориях РФ приверженцы «ваххабизма», ратующие за «неиспорченный ислам», занимаются навязыванием собственной веры и мировоззрения приверженцам иных существующих тут вариантов мусульманства: шафиитского мазхаба, тарики и так далее. Сильнее всего такой «ваххабизм» борется с «народным исламом», с давно устоявшимися в северокавказском регионе обычаями в быту и культуре, со светским поведением мусульманского населения [10].

В православном христианстве после перестройки тоже появилось немало движений, опирающихся на фундаменталистские идеи. Из того периода мы можем упомянуть о РНЕ («Гвардии Баркашова»), «Памяти», «Союзе православных братств», СПХ. Что касается «Памяти» и отделившихся от нее «Баркашовцев», то их интересовали в основном национальные и политические идеи [13]. Наиболее яркая организация в религиозных кругах – «Союз православных хоругвеносцев», которая запомнилась разными акционистскими мероприятиями. И хотя отдельные представители РПЦ были против, монархисты настояли на том, чтобы Николай II и его семья были канонизированы. Благодаря этому православные монархисты стали лояльнее к руководителям РПЦ [9].

Помимо этого, православные фундаменталисты существовали как малочисленные объединения или просто как печатные и интернет-издания, речь, в частности, о «Благодатном огне» и «Руси Державной». Сюда еще можно добавить белогвардейские, монархистские и казачьи клубы.

На сегодняшний день всю совокупность фундаменталистских движений в православии мы можем разбить на 3 категории: условных церковников, монархистов, а также националистов и конспирологов [14].

Условные церковники – это категории, прежде всего, интересующиеся религиозной повесткой и скрытно аффилированные с Московским Патриархатом.

Примерно в 2015 году стала раскручиваться организация «Божья воля», которую возглавлял Дмитрий Цорионов (его знали больше под именем Энтео). Но эта структура так и не смогла дорасти до полноценного общественного движения, хотя были и провокационные выходы, и шумиха в медиапространстве. Вся организация, по сути, состояла из самого Цорионова и его приятелей. По некоторым сведениям, работу «Божьей воли» курировали силовики, а по линии Московского Патриархата – священник Всеволод Чаплин. Какое-то время покровительство силовиков давало Цорионову определенный «иммунитет» от преследования. Но все поменялось, когда члены организации пришли в ЦВЗ «Манеж» и стали громить скульптуры «богопротивной» экспозиции. В этот момент их кураторы поняли, что действия «Божьей воли» принимают нежелательный оборот.

В этот же период с руководящего поста в РПЦ сняли Чаплина. Что касается Цорионова, то он все больше интересовался политикой, уйдя в оппозицию к существующей власти. В итоге в 2017 г. «Божья воля» раскололась, Энтео был исключен из организации. В настоящий момент проект не распался, но существует только в Интернете.

Приблизительно в этот же период боксером В. Носовым и композитором А. Кормухиным было организовано движение «Сорок сороков» [13]. Эта структура была связана с Московским Патриархатом теснее, чем «Божья воля». Движение «Сорок сороков» (ДСС) и руководители Московского Патриархата (МП) согласовывали каждую акцию. По словам Андрея Кормухина, он и адепты его движения являются «кирилловской гвардией».

Зачастую «Сорок сороков» использовали в качестве боевой силы в конфликтах, касающихся возведения церквей в столице и иных субъектах РФ. Но потом руководители МП поняли, что из-за силовых мероприятий и открытых конфликтных ситуаций

по поводу строительства создается серьезный негатив в СМИ, поэтому активистов «Сорока сороков» начали привлекать лишь изредка. Сегодня руководители ДСС начали заниматься преимущественно политикой. Кормухина можно нередко увидеть в медиапространстве, он владеет раскрученным telegram-каналом. Располагая отделениями во множестве российских городов, движение способно превратиться в серьезную силу, но на это нужно много денег, а их у ДСС пока недостаточно.

Монархисты. В данную категорию входят различные монархические структуры. Можно упомянуть о Русском Имперском Движении (в Соединенных Штатах оно признано террористическим), РИСО, иных организациях, у которых в названиях присутствуют слова «память», «имперский» и тому подобные. Православное христианство у монархических объединений связано с авторитаризмом, с любовью к сильному царю, способному навести порядок в стране.

Основные занятия подобных обществ – проведение нескончаемых дней памяти, форумов, попытки переименовать улицы, избавиться от одних памятников, чтобы заменить их другими. Сильнейший игрок на данном поле – «Двуглавый Орел», который активно продвигается интернет-каналом «Царьград ТВ». Финансирование поступает от миллиардера Константина Малофеева, который и возглавляет организацию. Должность его зама занята историком Леонидом Решетниковым, который имел звание генерала в СВР России.

Националисты и конспирологи

Организации националистического толка. Эти объединения отличаются от предыдущих исключительно идеологией. Монархисты строят свои идеологические программы на великодержавности и эзотерическом монархическом культе, а иногда и на явном царебожии. А вот националистические структуры (несмотря на наличие имперского дискурса) больше похожи на неонацистов, которые делают акцент на почве, крови и борьбе с сексуальными меньшинствами, исламизацией страны или мигрантами. Религиозность в разных движениях может присутствовать в той или иной степени, порой они опираются не на православное христианство, а на родноверие, однако последних совсем мало [8].

Открытые контакты с руководством Патриархата подобные структуры не поддерживают, но иногда в их работе не обходится без участия эксцентричных священников или монахов, которые зачастую входят в раскольнические организации. Примером таких структур является Русская народная линия, которая уже раскололась. Стоит упомянуть о Русском Корпусе, Имперском Легионе, фашиствующем (в открытую пользуются свастиками) Национальном Консервативном Движении. Ведется деятельность и другими околонационалистскими и парамилитаристскими движениями.

Конспирологи. Это крупное и активное фундаменталистское направление, в рамках которого произошло смешение совершенно разных взглядов и идеологий православного христианства вместе с приверженцами антиэкуменизма, теорий заговора, с теми, кто активно выступает против вакцинации, паспортизации и присвоения человеку номера, евреев, цифровой трансформации, вышек 5G, Запада, сексуальных меньшинств, сегодняшнего Патриарха и так далее. Представители данной категории не доверяют ничему из происходящего на планете, постоянно ищут масштабные заговоры, зато верят в любую конспирологическую теорию, которая иначе объясняет события или явления.

Идеи у этой категории крайне разнообразны и явно шизофреничны, что делает этих людей весьма активными, но и весьма раздробленными. В основном они распространяют текстовую, графическую и видеoinформацию конспирологического

содержания, в редких случаях организуют и участвуют в уличных акциях и конференциях, где решают, каким образом им поднять с колен страну или победить глобальный заговор.

Сегодняшние православные фундаменталистские движения не занимаются терроризмом, как это зачастую происходит у исламских фундаменталистов. Их деятельность отличается разнообразием и схожа с разрозненной субкультурой, а не с серьезным социальным движением. И хотя многие идеи, которые пропагандируют православные фундаменталисты, физически не могут быть реализованы, их поддерживает немалый процент социума, который не устраивает сложившаяся ситуация в стране и мире [13].

Список литературы

1. Аум Синрикё /И.Я. Кантеров // М., Большая российская энциклопедия, 2005 – С. 493. – (Большая российская энциклопедия). (в 35 т.)/ гл. ред. Ю.С. Осипов, 2004-2017, т. 2.

2. Силантьев Р.А. К проблеме классификации организаций, запрещенных в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – С. 177–188.

3. Религиозный экстремизм как фактор угрозы национальной и духовной безопасности российского общества. – URL: <https://moluch.ru/archive/112/28383/> (дата обращения: 10.01.2023).

4. Пахомов С. В. Буддизм в Японии. Религиоведение: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2007. – 432 с.

5. Решение Останкинского межмуниципального (районного) народного суда г. Москвы от 18 апреля 1995 года. – URL: http://www.sclj.ru/court_practice/detail.php?ELEMENT_ID=3997&SECTION_ID=156 (дата обращения: 12.01.2023)

6. В Москве и Петербурге прошли массовые задержания adeптов секты «Аум Синрикё». – URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/05/aum/> (дата обращения: 12.01.2023)

7. Верховный суд запретил секте «Аум Синрикё» работать в России. – URL: <https://iz.ru/news/633421> (дата обращения: 12.01.2023)

8. Мильков В. В. Неоязычество // Религии народов современной России: Словарь / Ред.-кол. Мчедлов М. П. (отв. ред.), Аверьянов Ю. И., Басилов В. Н. и др. – 2-е изд., и доп. – М.: Республика, 2002. – С. 294–299.

9. Кернер В.Ф. История канонизации святой Царской семьи в Русской Православной Церкви в России и за рубежом // Церковь. Богословие. История. – 2021. – С. 8–20.

10. Изучение региональных особенностей ислама в Российской Федерации в новейшее время. – URL: <https://islamjournal.ru/2018/id42/> (дата обращения: 13.01.2023)

11. Убийца Даниила Сыроева найден и убит. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/128140> (дата обращения: 13.01.2023)

12. Движение «Сорок сороков»: православный фундаментализм во враждебном окружении. – URL: <https://www.keston.org.uk/rr/71/01-Lunkin-40x40-71.pdf> (дата обращения: 14.02.2023)

13. Волобуев А.В. Русский православный фундаментализм: социально-философские аспекты // Гуманитарный вестник. – 2019. – С. 1-11

14. Современные фундаменталистские православные движения в России. – URL: <https://reltoday.com/wp-content/uploads/2020/05/fundamentalistskie-pravoslavnye-dvizhenija.pdf> (дата обращения: 13.12.2022)

15. Осипова В.В. Нетрадиционные религиозные движения в общественно-политической жизни России 1990–2015 гг.: Автореф. дис. канд. истор. наук. – Москва, 2021, 30 с.

С.В. Димитрова¹, Г.П. Кальдинова², М.А. Кярова³

¹Волгоградский государственный университет

²БНУ РК «ИКИАТ»

³Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет им. В.М. Кокова

УТОПИЯ КАК ПРОЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ставится задача рассмотреть эвристический потенциал утопий в условиях нестабильного, рискованного развития социумов. Представлены этапы развития утопий, показана особенность взаимодействия утопического сознания с реальным историческим процессом. Выдвигается тезис о том, что в высокотехнологичном мире роль социальных утопий возрастает, поскольку господство имманентной, инструменталистской логики развития социумов исключает возможность видеть, формировать альтернативные пути развития.

Главным ресурсом утопизма становится его возможность трансцендировать, позволяющая создавать идеалы, формулировать цели. Продуктивность утопизма заключается в возможности следовать новым типам рациональности, прогнозировать и создавать альтернативные модели будущего. Возникновение многополярного мира делает востребованными все виды осмысления настоящего и способы проектирования будущего.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, моделирование, прогнозирование, нестабильность, риск, социальный идеал, рациональность, идеология, трансцендирование, социальное конструирование.

S.V. Dmitrova¹, G.P. Kaldinova², M.A. Kyarova³

¹Volgograd state university, Volgograd

²Budget Scientific Institution of the Republic of Kalmykia

"Institute of Complex Research of Arid Territories", Elista

³Kabardino-Balkar state agrarian University named after Kokov V.M., Nalchik

UTOPIA AS A PROJECT OF ALTERNATIVE OPPORTUNITIES FOR SOCIAL DEVELOPMENT

The aim of the article is to consider the heuristic potential of utopias in the conditions of unstable risky development of societies. The authors present and show stages of development of utopias and the peculiarity of the interaction of utopian consciousness with the real historical process. The thesis is put forward that the role of social utopias in the high-tech world is growing since the dominance of the immanent, instrumentalist logic of the development of societies excludes the possibility of seeing, forming alternative ways of development.

The main resource of utopianism is its ability to transcend, create ideals and formulate goals. The productivity of utopianism lies in the ability to follow new types of rationality, to predict and create alternative models of the future. The emergence of a multipolar world requires to apply all kinds of understanding the present time and the ways of designing the future.

Key words: utopia, dystopia, modeling, forecasting, instability, risk, social ideal, rationality, ideology, transcending, social construction.

В условиях кардинальной трансформации современных обществ, связанной с формированием нового миропорядка, желание человека прогнозировать будущее имеет

особую значимость. Современные общества существуют в условиях беспрецедентных рисков, поскольку с таким масштабом и логикой социальных изменений люди еще не сталкивались.

Н. Луман, представляя новый этап развития общества, отмечает: «...мы хотим охарактеризовать изменение как переход от опасности к риску. Об опасности можно говорить тогда, когда возможные последствия обусловлены окружающей средой, как, например, природные катастрофы или нападение врагов; в случае же риска ... он может быть отнесен к собственному прежнему поведению, включая и бездействие» [11, с. 151].

Преодоление рисков в условиях современного развития повлечет за собой необратимые изменения мира. Ряд авторов еще при исследовании способов преодоления эпидемии коронавируса давал пессимистические прогнозы, связанные с усилением господства власти. Так, известный итальянский мыслитель Дж. Агамбен отмечал, что «...благодаря запрету на социальное и культурное взаимодействие разговоры и споры о политике, наконец, утихнут. Людьюми станет управлять проще, чем когда-либо» [1]. Признавая дискуссионность различных позиций, следует отметить, что скорость социального развития увеличивается, а способы преодоления перманентно возникающих рисков ведут к качественным изменениям, не только касающимся развития социумов, но и влияющим на жизни людей.

Характеристиками социального развития являются неопределенность, нестабильность, «...впереди нас ждет лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость» [5, с.117]. Между тем масштабы и скорость социальных изменений приводят к возникновению экзистенциальных проблем, возникает необходимость поиска способов решений таких задач, как: война и мир, опасность голода, борьба с инфекциями. Безусловным является то, что формируются условия, при которых человек все чаще будет прибегать к созданию утопических проектов, способных спасти мир и установить господство справедливости и гуманизма.

Вместе с тем, наряду с психологическими основаниями формирования утопического сознания, мы ставим перед собой задачу рассмотреть эвристический потенциал социальных утопий в условиях развития современной реальности. Рискогенность полисистемного мира девальвирует возможности научного прогнозирования, социального планирования, что, на наш взгляд, ведет к повышению эвристической ценности социальных утопий. Для определения значимости утопического проектирования в современных социальных реалиях необходимо коротко представить зарождение и развитие утопизма.

Название работы Т. Мора «Утопия» послужило началом использования термина в социальном знании, буквально слово утопия означает «место, которого нет». Однако рассмотрение генезиса утопий позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что утопическое сознание всегда присутствовало в человеческой культуре.

Ранние черты утопического сознания проявляются уже в мифах, возникших в период перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому. Отличительной чертой мифологического отношения к действительности является то, что древние люди, анализируя социальную действительность, были уверены, что «золотой век» развития общества уже прошел. Последующее развитие утопического сознания было сопряжено с надеждами на лучшее, «светлое» будущее. Между тем моделирование идеальной формы существования общества, которое, согласно мифическим представлениям, находится в прошлом, можно считать ранней формой утопий.

Основные характеристики «золотого века» представлены в эпосе Гомера и Гесиода. Гесиод, описывающий эпоху Кроноса как форму идеального существования общества, заложил основы утопического сознания, поскольку «...освобожденный от своего контекста, миф Гесиода продолжает жить, воспроизводится, изменяться, конденсироваться и распространяться.» [7, с.18–19].

Переход от мифа к логосу, формирование философского отношения к миру не исключили веру людей в лучшее будущее. Идеалы справедливости, равенства, стремление к общему благу воспроизводятся в сознании людей. При этом для достижения идеала справедливости и гуманизма предлагаются новые пути и средства. Платон в своем проекте создания идеального государства основывается на видах добродетели, которые даны людям от природы, видит возможность достижения справедливости в правильном сословном распределении.

Существенный вклад в становление утопической мысли внесло средневековье. Разрушение антропоцентричного космоса античности привело к дуализму средневековья, ставшему основанием для возникновения новых представлений о будущем человечества. «Средневековый мир, если его сопоставить с миром античности, характеризуется различными формами дуализма. Это был дуализм духовенства и мирян, дуализм латинского и тевтонского начал, дуализм царства божьего и царства мира сего, дуализм духа и плоти» [15, с.385]. Учение А. Августина о «Граде Божьем» как форме бытия, основанном на подлинной любви – любви к богу, стало олицетворением средневекового утопизма. Государство, в котором живут люди, основано на эгоистической любви, но вместе с тем в нем существует стремление и вера в царство божье.

В процессе развития производства и становления индустриального общества утопические модели, создающие справедливое государство, начинают выражать интересы определенных социальных групп. Вместе с тем утопия продолжает конструировать реальность, прообраза которой еще нет в действительности. В различных социально-культурных парадигмах возникают утопии, иначе определяющие пути и способы достижения идеальной модели существования социума. Так, создание классических, ренессансных утопий связывало любой социальный прогресс с развитием науки. Именно вера в перспективность и эффективность научного знания фундировала такие проекты, как «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона.

Таким образом, содержанием всех утопий была идея создания идеального государства, в котором люди достигнут совершенства. Неприятие несовершенства мира, несправедливость окружающей действительности пробуждают стремление к социальной гармонии, становятся главным импульсом в поиске идеального устройства государства. Поиск идеала, перспектива достижения совершенного государства являются вечным, повторяющимся мотивом в человеческом сознании.

Вместе с тем утопическое сознание, которое зародилось еще в мифах, претерпевает существенные изменения. Возникают новые аспекты рассмотрения утопий, появляются новые значения, иначе выстраивается иерархия, определяющая существенные черты утопизма.

Безусловно, понятие утопия выражает противоречивый феномен, синтезирующий разнородные послылки и включающий в себя различные противоположности, такие как: настоящее и будущее; сущее и должное; реальность и вымысел.

Определяя сущностные свойства социальных утопий, обобщим исследования различных авторов и укажем на следующие подходы.

Во-первых, утопия всегда является одной из форм представления общественного идеала. На протяжении всего существования человечество стремится создать идеальную

модель общества, основаниями которой являются критическое отношение к существующему и формирование должного. Задача проектирования и определение путей достижения лучшего будущего имеет важнейшее значение как для религиозных верований, так и для социально-философских, политических, правовых теорий. Особенность утопического подхода к созданию социальных образцов заключается в возможности синтезировать этические, политические, правовые и другие взгляды. Единство различных подходов позволяет формировать альтернативные варианты социального развития, что, по мнению И. Берлина, является безусловной ценностью утопий, поскольку «...ничто так замечательно не расширяет воображаемые горизонты человеческих возможностей» [5, с. 58].

Во-вторых, утопия может быть рассмотрена как мыслительный эксперимент. На сходство «между социальным утопистом и ученым, совершающим теоретический эксперимент», обратил внимание Э. Мах [3, с.57]. Ученый проверяет гипотезу, чтобы определить возможные варианты развития, а социальный утопизм – это выяснение последствий и определение рисков общественного развития.

В-третьих, утопия как идеология. К. Мангейм указывает на тесную связь утопии и идеологии: «...в рамках исторического процесса элементы утопического и идеологического не противостоят друг другу в чистом виде. Утопии поднимающихся слоев часто пронизаны элементами идеологии» [2, с.79].

Исторические коллизии, связанные с оценкой и ролью идеологии, не являются предметом нашего рассмотрения, однако отметим, что негативные характеристики идеологии как «ложного», «репрессивного» сознания не обладают всеобщностью. Именно век постмодернизма указывает нам, что любая система взглядов выражает чьи-то интересы. Следовательно, идея преодоления идеологического сознания тоже является идеологической.

П. Гуревич, анализируя позицию П. Рикёра, отмечает, что «...вопреки распространенным взглядам, автор утверждал, что нечего и думать о том, что когда-нибудь люди смогут избавиться от необходимости создавать идеологии и утопии, поскольку как одно, так и другое является непременной функциональной частью механизмов смыслообразования в культуре» [6, с. 10]. В свою очередь, отметим, что процессы формирования идеологических идеалов обретают особую актуальность в условиях формирования многополярного мира.

В-четвертых, утопия как особая синергия, где взаимодействуют рациональное и эмоциональное, научное и обыденное, сакральное и профанное. Согласно учению великого русского философа А.Ф.Лосева, утопии – это конструкции сознания, которые «...обычно считаются общепонятными и которые без всяких усилий обычно переводятся на всякий другой язык, оставаясь повсюду одним и тем же словом, но в действительности оказываются в числе самых туманных» [10, с.24–25]. Богатое и противоречивое содержание социальных утопий при определенных условиях становится движущей силой, которая направлена на реализацию идеалов справедливого общества.

Утопии не могут рассматриваться как научное знание, но вместе с тем они не являются и обыденными представлениями о мире. Сущность утопизма заключается в возможности сочетания теоретических и практических представлений, которые возникают благодаря образным и концептуальным способам восприятия. Многоаспектность рассмотрения и полифония значений являются отличительной чертой утопизма и обладают важнейшим эвристическим потенциалом, позволяющим синтезировать идеологию и психологию, религию и науку, мечты и реальность.

Таким образом, главным ресурсом утопий является их противоречивая природа, позволяющая анализировать становящиеся, нестабильные социальные ситуации. Многополярность и разновекторность современного социального развития делают востребованными все виды осмысления настоящего и способы проектирования будущего. «Испытывая влияние иных социокультурных феноменов, утопия как тип сознания сосуществует с ними, занимая собственную ментальную нишу. Данное утверждение актуально не только для прошлых исторических эпох, но и для современных общественных отношений» [9, с. 78].

Расчет, калькулирование, как средства прогнозирования будущего, утрачивают свою значимость, в определенной степени уступая место проектам о лучшем будущем. Однако утопизм – это не иррациональные, ничем не подкрепленные представления о будущем, а выражение ограниченности старых и поиск новых типов рациональности.

Важно отметить, что утопии есть «...порождение работы разума, изучающего, ставящего опыты, критикующего природу, связи между явлениями, формулирующего свои теории, свои объяснения» [14, с. 217–218]. Рациональное отношение к миру основывается на создании идеальных моделей, дающих возможность развиваться как экспериментальным, так и гипотетическим формам познания. Следовательно, «классические социальные утопии» стремились быть «умственной проекцией природного порядка» [14, с. 231–232] и в качестве главного ресурса использовали инструментальный тип рациональности, который позволит на основе объективного знания о законах природы построить совершенное общество.

Между тем в условиях современного мира стоит задача преодолеть инструментальный тип рациональности, поскольку совершенство средств позволяет «диктовать», формулировать цели развития. Автономная логика инструментализма формирует цели, средства для достижения которых уже есть, и их необходимо применить. Иллюстрацией такого рода автономности может служить «потребительское общество», цель которого сформировать у людей потребность в товарах и услугах, которые уже созданы. Следует отметить, что кризис развития технологичных, высокоэффективных социумов выражается в том, что они, реализуя поставленные задачи, не могут выйти за рамки наличного бытия, формулируя цели и идеалы. «Техника не оказывает никакой помощи в принятии решений о выборе целей, так как ее сущность как раз в том и состоит, чтобы находиться в распоряжении человека для выполнения всевозможных его целей» [8, с.84].

Значимым является и то, что жанр антиутопии также отличается особой продуктивностью, поскольку ставит перед собой задачу создания образного, порой эмоционального представления ситуаций будущего, при которых социальные тенденции достигнут своего завершения. Научный подход, социальное проектирование не могут и не должны создавать законченный образ, тем временем одной из задач утопий/антиутопий становится именно создание моделей будущего. Следовательно, критика, представленная в антиутопиях, является наиболее эффективной, поскольку обращена как к разуму, так и к чувствам человека.

Одной из ярких иллюстраций антиутопий, направленных на критику высокотехнологичных действий, инструментального типа рациональности, является работа Л. Мэмфорда «Миф о машине». Мэмфорд ярко иллюстрирует положение человека в обществах с высоким уровнем организации труда и беспрецедентной степенью эффективности действий. Собранная мегамашина сужала «...границы общественной автономии, личной инициативы и самоуправления. Каждый подогнанный под единый стандарт компонент, находившийся под чьим-то началом, был человеком лишь отчасти, выполнял лишь часть работы и жил лишь отчасти» [12, с. 279].

Сложность преодоления автономной логики инструментализма заключается в том, что современные люди утрачивают способность мыслить самостоятельно, критически оценивать ситуацию. Инструментализм не только создает средства, но и «навязывает» цели, формирует идеалы развития.

Актуальность и значимость утопизма в условиях современной имманентной логики развития социумов проявляется в его способности трансцендировать – выйти за пределы наличного бытия.

К. Мангейм указывает, что утопическое сознание формирует «трансцендентную по отношению к действительности ориентацию, которая, преобразуясь в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей» [18; с.113]. Возможность трансцендирования является тем ресурсом социальных утопий, который выступает условием для создания новых ценностных ориентиров, способных преодолеть имманентную логику развития.

Возможность создавать утопические идеалы обладает особой значимостью в переходные периоды развития обществ, позволяя вести поиск альтернативных вариантов развития. «Пластичность социальности, становящаяся особенно заметной в эпохи социальных перемен, проявляется в возможности ее направленной трансформации. Социальная наука становится силой, способной не только прогнозировать возможности дальнейшего развития, экстраполировать в будущее уже имеющиеся тенденции, но и определенным образом воздействовать на характер социальных процессов» [17, с.3].

Резюмируя, отметим, что люди всегда проектируют образ будущего, предлагая лишь разные пути построения идеального государства. Высокий уровень развития науки, совершенные технологии, которые рассматривались «классическими утопистами» как главные ресурсы для построения идеального государства, сформировали условия, при которых человечество столкнулось с автономной, имманентной логикой развития социумов, одним из способов преодоления которой может выступить социальный утопизм.

Таким образом, в условиях непредсказуемого развития мира, при которых беспрецедентные формы нестабильности имеют перманентный характер, роль утопических проектов обретает особую значимость.

Список литературы

1. Агамбен Дж. О дискурсе чрезвычайного положения // Каким мир станет после пандемии: прогнозы современных философов. Сноб. 17 апр. 2020.
2. Берлин И. Стремление к идеалу // Вопросы философии. – 2000. № 5. – С. 51–62.
3. Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. – М.: Политиздат, 1989. – 320 с.
4. Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. – М.: Наука, 1982. – 337с.
5. Бауман З. Индивидуализированное общество – М.: Логос, 2002. – 390 с.
6. Гуревич П. Философская экспертиза идеологии // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 1. – С.8–26.
7. История античности. Древняя Греция. – М.: Правда, 1989. – Т. 1. – 527с.
8. Козловски П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития – М.: Республика, 1997. – 240 с.
9. Леонтьев Г. Д. Антиутопичность постмодернизма или постмодерн утопического? // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. 2017 Т. 12, № 2 (164). – С. 78–86.

10. Лосев А.Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Соч. – М. 1968, т.1. – 860 с.
11. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. N 5. – С. 135–160.
12. Мэмфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М.: Логос, 2001. – 408 с.
13. Мангейм К. Идеология и утопия. – М.1992. – 126 с.
14. Маравалль Х. А. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. – С. 210–232.
15. Рассел Б. История западной философии. – СПб.: Азбука, 2001. – 960 с.
16. Фролова И. В. Утопия: сущность и развитие: Опыт социально-философской концептуализации: автореф. дис. докт. филос. наук: 09.00.11. – Уфа, 2005.
17. Чаликова В. А. Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. – М.: Прогресс. – 1991.

Е.Н. Лиджиева

Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

«ТРИ ОСНОВЫ ПУТИ» КАК СИСТЕМА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ БУДДИЗМА

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»)

Статья посвящена изучению духовно-нравственных ценностей буддизма, имеющих гуманистическую и альтруистическую основу. В статье подробно раскрывается система буддийских духовно-нравственных ценностей, которая базируется на «трех основах пути», ведущих к избавлению от страданий и достижению освобождения. Согласно буддийскому учению, «три основы пути», включающие развитие отречения, сострадания и правильного воззрения, представляют собой поэтапную целостную систему, способствующую последовательному духовному самосовершенствованию и актуализации потенциала ума, освобожденного от неведения и иных омрачений. Автор приходит к выводу, что буддийский подход к системе ценностей смог бы стать одним из тех оплотов, который бы послужил формированию духовно-нравственной основы развития современного общества на базе общепризнанных гуманистических идеалов и принципов.

Ключевые слова: буддизм, духовно-нравственные ценности, «три основы пути», отречение, Четыре благородные истины, сострадание, воззрение, мудрость.

E.N. Lidzhieva

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

THE SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF BUDDHISM

The article is written in the framework of state order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (#075-03-2022-119/1 "Buddhism and Global Challenges of Modern World")

The article examines spiritual and moral values of Buddhism which have a humanistic and altruistic basis. The article reveals in detail the system of Buddhist spiritual and moral values based on the Three Pillars of the Path leading to salvation from suffering and attaining liberation. According to Buddhist teaching, Three Pillars of the Path, that include development of non-attachment, compassion and correct outlook, are a gradual comprehensive system that promotes consistent spiritual self-improvement and actualization of mind's potential, released from ignorance and other obscurations. The author comes to conclusion that the Buddhist approach to the value system could be one of those pillars that would form spiritual and moral basis for society's development based on generally accepted humanistic ideals and principles.

Key words: Buddhism, spiritual and moral values, three Pillars of the Path, non-attachment, Four Noble Truths, compassion, outlook, wisdom.

Духовное совершенствование человека, его интеллектуальное и культурное обогащение являются основой становления и гармоничного развития личности. Первостепенную роль в этом играют духовно-нравственные ценности, одним из важнейших источником которых являются традиционные религии: христианство, буддизм, ислам. Религия является необходимым элементом общественной жизни, она как форма духовного освоения мира осуществляет мысленное его преобразование, в ходе которого

вырабатывается определенная система норм и ценностей, «через призму которых человек осознает себя и мир вокруг себя» [10, с.17].

В настоящее время социокультурная ситуация требует поиска общепризнанных и социально значимых ценностей, способных сформировать духовно-нравственную основу развития общества в постоянно меняющемся глобализирующемся мире. В связи с этим актуальным представляется обращение к буддизму, который рассматривается как религиозно-философское учение, вносящее на протяжении своей долгой истории огромный вклад в выработку и определение духовно-нравственных ценностей, универсальных идеалов и жизненных смыслов человеческого бытия.

Система традиционных буддийских ценностей, прежде всего, включает в себя общепризнанные духовно-нравственные ценности, которые не утратили свою актуальность и для современного поколения: любовь, сострадание, милосердие, мудрость, терпимость, справедливость и т.д. Буддизм, развивая данные общепризнанные ценности, стремится к возвращению в человеке добродетелей с целью постижения им истинного смысла существования – достижение совершенного счастья и избавление от всех страданий. Согласно буддийскому учению, счастье – это состояние полного освобождения ума от омрачений или «клеш»: неведения, привязанности и гнева и т.д. Клеши как проявления омраченного состояния ума представляют собой «ментальные факторы, которые загрязняют изначально чистую, ясную природу сознания и служат главной причиной сансары как циклического способа бытия» [14, с.172]. В свою очередь, сансара является результатом загрязненности сознания омрачениями и зависимости от перерождений. К избавлению от основных ядовитых форм сознания ведут «три основы пути», входящие в систему буддийских духовно-нравственных ценностей. «Три основы пути» являются своеобразными противоядиями, которые нейтрализуют действие трех ядов ума (неведения, привязанности и гнева).

Первый путь – это путь развития отречения, которое является противоядием к привязанности. Отречение – это состояние ума, характеризующееся пониманием страдательной природы сансары и, как следствие, стремлением освободиться от нее. Традиционно под объектом отречения понимается страдание в сансарическом колесе бытия в целом, а также причины этого страдания. Основной причиной страданий, согласно буддийскому учению, является привязанность к сансаре, которая служит механизмом постоянного воспроизводства циклического бытия и страдания. Без развития отречения не представляется возможным устранить порочный круговорот рождений под властью омрачений.

Развитие отречения предполагает два основных направления размышления и созерцания: первое условно направлено «вниз», на страдания в колесе сансары и «порочность циклов перерождений под контролем омрачений и вызывает отвращение к сансаре; другое направлено «вверх», к освобождению» [15, с.130]. Направленное «вниз» отречение содержит в себе желание отказаться не только от страданий, избавиться от них, но и от озабоченности этой жизнью в целом с целью сосредоточения на обретении лучших обстоятельств и условий в последующих перерождениях. Другое направление отречения характеризуется как желанием освободиться от страданий и их причин, так и полной решимостью достичь состояния освобождения.

В буддизме отречение возникает и развивается благодаря правильному пониманию основных положений Четырех благородных истин. В четырех кратких изречениях изложена суть базового учения буддизма: «всеобщность духкхи (страдания) и ее причина (омрачения), возможность искоренения духкхи (освобождение) и реализация этой возможности (Восьмеричный Благородный Путь)» [16, с.787]. Необходимо отметить,

что понятие «духкха» не только включает в себе понимание страдания в его обычном смысле, но и включает такие состояния, как несовершенство, непостоянство, нетерпение, дисгармония, беспокойство, недостижимость желаемого и т.п. В широком смысле «духкха» имеет более абстрактное и глубокое значение, подразумевающее состояние физической, эмоциональной, психологической и экзистенциальной неудовлетворенности [подр.: 9].

Согласно утверждению «Первой благородной истины», «духкха» является неотъемлемой частью жизни. Более того, страдание – это есть основополагающая характеристика бытия, оно неизменно сопутствует всем его проявлениям. Следует обозначить, что природа существования страдания отнюдь не ограничивается лишь человеческим уделом. Согласно буддийским представлениям, страданием объята все шесть миров колеса бытия. Говорится, что существует три основных типа страдания:

- 1) страдание от боли телесной или умственной (страдания очевидные);
- 2) страдание от изменчивости, относительности бытия (страдания перемен);
- 3) страдание, распространяющееся повсюду и обусловленное неведением относительно истинной природы реальности (всепроникающее страдание).

Буддизм, рассматривая жизнь как страдание, не включает в себе позицию пессимистического и негативного взгляда на мир, а характеризуется реалистичным подходом к осмыслению основополагающей проблемы человеческого бытия и постоянства страданий в нем. Исходя из этого, как отмечает М.С.Уланов, одной из ключевых особенностей религиозно-философской системы буддизма является изначальная неудовлетворенность существующим положением вещей [подр.: 3].

«Вторая благородная истина» содержит истину о причине «духкха». Она утверждает тезис о том, что наличие всех возможных явлений бытия, в том числе и страданий, обусловлено какой-либо причиной. Основной причиной страданий, согласно доктрине буддизма, являются ментальные омрачения, выражающиеся такими негативными факторами, как неведение, привязанность, гнев и т.д. Так то, что доставляет удовольствие и является приятным по ощущениям, вызывает чувство влечения и привязанности, а то, что доставляет дискомфорт, боль, неудобство, вызывает отвращение и неприятие. Эти процессы приятия или неприятия выражаются в тех или иных эмоциональных реакциях и внутренних мотивациях, основывающихся «на фундаментальном заблуждении, или неведении, которое выражается в непонимании того, что суть бытия есть страдание» [12, с.30].

«Третья благородная истина» утверждает положение о возможности прекращения страдания. Прежде всего, она подразумевает освобождение от клеши неведения и утверждение существования такого состояния, в котором нет страданий и что подобное состояние вполне достижимо. Существование данной истины выражает оптимистичный характер буддийского учения.

«Четвертая благородная истина» повествует о прекращении страданий. В данной истине утверждается положение о том, что существует Благородный Восьмеричный путь, который ведет к прекращению страданий. Путь включает в себя три больших, гармонично дополняющих друг друга этапа. Каждый этап состоит из нескольких ступеней, общее количество которых составляет восемь. «Восьмеричный путь также известен как «срединный путь». В данном случае «срединность» интерпретируется, прежде всего, как этическая категория, помогающая избежать крайностей жизни» [13, с.107].

Вторая основа пути – это любовь и порождение «бодхичитты», то есть развитие высшего уровня сострадания ко всем без исключения живым существам, которые страдают в сансаре, и сильное спонтанное стремление привести живых существ к освобождению от сансары. Бодхичитта является противоядием к чувству гнева.

Процесс порождения и взращивания бодхичитты является стержнем буддийского учения и главной действенной практикой накопления благих заслуг, а также укрепления духовного потенциала личности. С процессом развития бодхичитты тесно связано учение о преобразовании ума «лоджонг», включающее в себя ряд методов, помогающих дисциплинировать и направить ум в нужное русло. Среди основных тем «лоджонг»: воспитание сострадания, равностного отношения к другим, позитивного мышления и преобразование имеющихся неблагоприятных обстоятельств в условия, способствующих духовному развитию. Одним из наиболее важных текстов тибетской буддийской литературы из категории «лоджонг» является небольшое поэтическое произведение «Восемь строф о преобразовании ума», написанное тибетским учителем XI века Лангри Тангпой. «Восемь строф о преобразовании ума» – «это учение о взращивании бодхичитты, альтруистического намерения достичь полного пробуждения ради блага всех живых существ» [5, с. 50]. Альтруистическое намерение подразумевает под собой отказ от эгоцентризма, в частности, от веры в существование индивидуального, независимо существующего и постоянного «я». Согласно буддизму, именно эгоцентризм является важнейшей причиной всех мирских страданий. Следует отметить, что система духовно-нравственных ценностей буддизма построена, прежде всего, на отказе от эгоцентризма и развитии сострадательного ума. Его Святейшество Далай-лама XIV подчеркивает, что «сострадание – естественная потребность человеческого сердца испытывать заботу о другом существе и чувствовать свою взаимосвязь с ним – это главная черта свойственной всем нам человеческой природы, а также основа нашего счастья» [4, с. 144].

Бодхичитта как наивысшая степень альтруизма имеет два аспекта: относительный и абсолютный. Относительная бодхичитта – это сильное стремление стать Буддой, чтобы способствовать благополучию других существ и оказывать помощь им в достижении освобождения от страданий. Абсолютная бодхичитта – «это мудрость прямого и непосредственного постижения пустотности, бессамости бытия» [1, с. 8]. При этом абсолютная бодхичитта должна опираться на относительную бодхичитту. Считается, что если последователь учения Будды в своих намерениях опирается на обе вышеуказанные практики бодхичитты – развитие сострадания и постижение мудрости, то он обладает «полным арсеналом средств достижения высочайшей духовной цели» [5, с. 53]. В основе относительной бодхичитты лежит подлинное сострадание, которое является корнем всех альтруистических деяний и намерений. В буддизме подобное сострадание именуют «великим состраданием» и высшим духовным достоинством, подразумевающим решимость трудиться во благо других и полную ответственность посвятить себя этим трудам. Буддийское понимание ценности сострадания включает выделение в нем двух уровней. Первый уровень – это благопожелание, т.е. пожелание другим избавления от страданий; второй уровень – более высокий, он подразумевает выход за пределы благопожеланий посредством стремления оказывать другим действенную помощь в избавлении от мучений.

В пантеоне махаянской традиции буддизма идеальной личностью и олицетворением сострадания является бодхисаттва. Бодхисаттва – это «существо, обладающее мужеством, уверенностью в своих силах и решимостью двигаться по пути к просветлению ради всех существ» [3, с. 29]. Бодхисаттва обладает двумя определяющими качествами – мудростью и состраданием. Мудрость позволяет видеть подлинную природу вещей и устремлять ум к просветлению; сострадание способствует проявлению заботы о других. Таким образом, образ бодхисаттвы при сохранении базового духовного качества непривязанности на первый план выдвигает такие ценности, как сострадание и мудрость.

Путь бодхисаттвы – это практика шести основных совершенств (парамит). «В буддийском учении термин «парамита» интерпретируется как трансцендентное совершенство или совершенство, ведущее к пробуждению. Традиционно выделяют следующие шесть парамит: дана-парамита (совершенство даяния), кшанти-парамита (совершенство терпения), вирья-парамита (совершенство усердия), шила-парамита (совершенство соблюдения нравственных принципов и обетов), дхьяна-парамита (совершенство созерцания) и праджня-парамита (совершенство мудрости или запретельная мудрость)» [17, с. 21].

К избавлению от неведения, являющегося, согласно буддизму, базисом двух других основных ядов ума (страстной привязанности и гнева), ведет путь развития правильного воззрения или мудрости постижения пустоты. Все негативные эмоции возникают из-за неправильных воззрений и выводов, т.е. неведения. Неведение – это «незнание Четырех Истин Святых, Трех Драгоценностей, закона кармы», оно является коренной причиной всех заблуждений, и до тех пор, пока люди в нем пребывают, они будут испытывать привязанность и гнев, которые создают негативную карму, вынуждают цепляться за истинное существование явлений и приковывают к круговороту бытия [7, с. 75]. Если в уме сохраняется тенденция к восприятию реального существования объектов и их бытия, то подобный ум не свободен от омраченных состояний и в потоке сознания индивидуума сохраняются условия для нового перерождения в будущем.

Выдающийся индийский мыслитель VIII века Шантидева в девятой главе крупнейшего произведения буддизма махаяны «Путь бодхисаттвы» («Бодхичарья-аватара») утверждает:

«Пустота – средство против омрачений, вызванных
Завесами из клеш и познаваемого» [8].

Путь развития правильного воззрения ведет к пониманию того, что внутренние и внешние явления взаимозависимы, взаимосвязаны и по природе своей пустотны. Согласно буддийскому учению, для избавления от неведения и постижения пустоты необходимо искоренить «цепляние за самобытие своего «я» и познать его пустотность, т.е. обрести воззрение, являющееся полной противоположностью нашему неведению» [2]. Крайне важно постичь пустоту отсутствия самобытия как личности, так и явлений, так как достижение такого глубокого проникновения в природу пустоты «необходимо не только для достижения просветления, но даже для достижения освобождения из самсары» [6, с. 120].

Таким образом, совершенной мудростью является полное постижение природы ума и природы явлений. Глубокое осмысление и правильное понимание взаимозависимости всех явлений – это основа правильного воззрения или мудрости постижения пустоты.

Присутствие в уме трех основных элементов – отречения, бодхичитты и правильного воззрения – способствует развитию вышеуказанных духовно-нравственных ценностей у личности и в целом актуализирует потенциал ума. Порождение бодхичитты и развитие мудрости постижения пустоты образно сравнивают с двумя крыльями птицы. Как птица не может летать, опираясь только на одно крыло, так и духовный практик не способен обрести полное просветление без данных основ пути. Путь отречения здесь рассматривается как основное условие для развития бодхичитты и мудрости. Подробное описание трех основ пути доктринально изложено в известном труде выдающегося реформатора тибетского буддизма, основателя буддийской школы Гелуг Чже Цонкапы «Ламрим ченмо».

Таким образом, буддийские духовно-нравственные ценности ориентируют человека на избавление страданий путем воздействия на его внутренний духовный мир, сосредоточения его мыслей на важности развития добродетелей и становления на

путь избавления от омрачающих эмоций и мудрости постижения пустоты. В целом, обращение к общепризнанным буддийским идеям сострадания, мудрости, взаимответственности и взаимозависимости представляется одним из тех возможных подходов, который послужил бы формированию всеобщей универсальной системы духовно-нравственных ценностей, основанной на общечеловеческих гуманистических идеалах и принципах.

Список литературы

1. Бардуева Т.Ц. Значение феномена бодхичитты в буддийской практике // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 8. С.7-9.
2. Геше Джемпа Тинлей. Три Основы Пути: Комментарий к коренному тексту Чже Цонкапы / Сост. и отв. ред. д-р филос. наук. И. Урбанаева. – Улан-Удэ: РИО БО «Зеленая Тара», 2008. – 438 с.
3. Далай-лама. Вспышка молнии во мраке ночи. Краткий комментарий к «Бодхи-чарья-аватаре» Шантидевы; пер. с англ. и общ. ред. Ю. Жиронкиной; научн. ред. Б. Загуменов. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2015. – 176 с.
4. Далай-лама XIV. Мое путешествие в мир духовных традиций. Об основополагающем родстве вероисповеданий; пер. с англ. Е. Гордиенко и В. Ивановой. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014. – 240 с.
5. Далай-лама XIV. Преобразование ума. Комментарий к «Восьми строфам о преобразовании ума» геше Лангри Тангпы; пер. с англ. и общ. ред. Ю. Жиронкиной; научн. ред. Б. Загуменов. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2015. – 168 с.
6. Далай-лама XIV. Совершенная мудрость. Комментарий к девятой главе «Бодхи-чарья-аватары» Шантидевы; пер. с англ. и общ. ред. Ю. Жиронкиной; научн. ред. Б. Загуменов. – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2015. – 232 с.
7. Ело Ринпоче. Краткое объяснение сущности Ламрима. – Улан-Удэ: БЦ «Ринпоче-багша», 2006. – 134 с.
8. Интернет-библиотека буддийских текстов. Шантидева. «Путь бодхисаттвы» («Бодхи-чарья-аватара») – URL: <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Bodhicharyavaavata.pdf> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Конзэ Э. Буддизм: сущность и развитие. – СПб.: Наука, 2003. – 288 с.
10. Горохов С.А., Христов Т.Т. Религии народов мира: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС. 2013. – 424 с.
11. Тензин Ч.М.Х. Структура буддийских духовно-нравственных ценностей // Вестник Тувинского государственного университета. Серия: Социальные и гуманитарные науки. – 2018. – № 1(36). – С. 97–103.
12. Торчинов Е. Введение в буддизм: лекции. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 352 с.
13. Уланов М.С. «Четыре благородные истины» как основа буддийской философии // Бааза-багши и его духовное наследие. – Элиста: Джангар, 2013. – С. 105–108.
14. Урбанаева И.С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. – 376 с.
15. Урбанаева И.С. Текст Дже Цонкапы «Три основных аспекта пути»: его смысл и значение в контексте постепенного пути // Вестник Калмыцкого университета. – 2019. – № 3(43). – С. 127–136.
16. Философия буддизма: энциклопедия / отв. ред. М.Т. Степанянц. – М.: Вост. лит., 2011. – 1045 с.
17. Хомушку А.М. К вопросу о некоторых особенностях школ тибетского буддизма махаяны // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 37. – С.18–22.

Н.Н. Равочкин

*Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева*

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТЕЙ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ввиду того, что в последнее десятилетие цифровизация стремительно распространяется по всему миру и изменяет характер интересубъективных взаимодействий, аксиологический фундамент также изменяется в общепланетарном масштабе. В любую историческую эпоху ценности играют принципиальную роль для каждого общества. В статье рассматриваются векторы трансформации ценностей в реалиях цифровизации. Исследование посвящено изучению изменений аксиологических оснований человеческого бытия в политической, социальной, экономической и духовной сферах жизни. В работе представлены теоретические подходы к проблематике ценностей в контексте цифровизации для будущих социально-философских и дисциплинарных исследований. Изучены существенные характеристики ценностей до и во время становления цифрового социума. Приводятся примеры конкретных ценностных трансформаций в эпоху цифровизации, что позволяет судить об их амбивалентном характере для социального развития. Рассмотрены постэффекты аксиологических трансформаций по заявленным сферам. В заключении обобщаются результаты и приводятся итоги исследования, содержащие важные теоретико-методологические замечания для последующего анализа заявленной темы.

Ключевые слова: ценности, социум, трансформации, коммуникация, цифровизация, индивид, контекст, социальный статус, развитие.

N.N. Ravochkin

*Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev
Kuzbass State Agricultural Academy*

TRANSFORMATION OF VALUES IN DIGITAL AGE

The article discusses the vectors of value transformation in the realities of digitalization. The research is devoted to the study of changing the axiological foundations of human existence in the political, social, economic and spiritual spheres of life. In any historical era, values play a fundamental role for every society. Due to the fact that in the last decade digitalization is rapidly spreading around the world and changing the nature of intersubjective interactions, the axiological foundation is also changing on a planetary scale.

The paper presents theoretical approaches to the problem of values in the context of digitalization for future socio-philosophical and disciplinary research. The author studies essential characteristics of values before and during the formation of the digital society. Examples of specific value transformations of values in the era of digitalization are given which makes it possible to evaluate their ambivalent nature for social development. The post-effects of axiological transformations in the declared areas are considered. In conclusion, the results are summarized and the results of the study are presented, containing important theoretical and methodological remarks for the subsequent analysis of the stated topic.

Key words: values, society, transformations, communication, digitalization, individual, context, social status, development.

В контексте современного социального развития и выхода мира на стадию цифровизации естественным образом изменяются базовые принципы устройства

коллективных форм взаимодействия, следовательно, ценностные основания бытия человека. Как на теоретическом и практическом, так и на индивидуальном и коллективном уровнях формируются принципиально новые аксиологические модусы, а ранее существовавшие ценности приобретают иные формы и модификации объективации.

Начнем с того, что одним из наиболее частых случаев смены аксиологических оснований в рассматриваемом типе обществ становится совокупность норм и приоритетов так называемого «цифрового гражданства», которое приобретает современные формы существования. Проводя обзор зарубежной литературы по актуальной политико-социальной проблематике, авторы указывают, что изменяются формы реализации человеком своих гражданских обязанностей [2]. Речь идет о том, что цифровая оболочка становится скорее средой сетевой коммуникации, в рамках которой появляются возможности реализовать свои гражданские права и обязанности в полной мере. В такой логике цифровые технологии реализуют функцию политической и гражданской социализации, что, к примеру, может выражаться в среде молодежи через стремление взаимодействовать с институтами демократического общества посредством электронных форм ввиду уверенности в эффективности, корректности, ответственности и продуктивности данных способов. В этом отношении следует отметить, что изначальное понимание взаимодействия индивидов с социальными и политическими структурами понималось преимущественно через призму реальных контактов между участниками. До формирования современной информационно-коммуникативной среды и полноценной дигитализации общественной системы эти формы интеракции реализовывались благодаря включенности в процесс непосредственного взаимодействия с властными структурами (государство и субъекты – участники политического процесса), что приводило к формированию наций, выражающих способности группы к отождествлению себя со страной и иными структурами, входящими в ее состав [1].

Исходя из вышеописанного, ценностный мир до-цифрового гражданского социума был детерминирован реализацией взаимных форм действий государства и народа. Утверждается, что в таком гражданском обществе «люди создают коллективы сознательно, что дает возможность говорить о подлинной общинности, в отличие от коллективов, созданных или находящихся под контролем государства, которые в первую очередь выражают государственные интересы, а не личные. В гражданском обществе человек может свободно покинуть коллектив, не опасаясь применения против него каких-либо санкций со стороны общества или государства» [5, с. 24]. Подобное понимание гражданского и государственного конституирует ценность границы этих двух аспектов как двух четко сформированных и активно используемых сфер человеческого бытия. Представленное разделение открывает возможности для формирования так называемых воображаемых сообществ и реализации отдельными индивидами и целыми коллективами идентификационных практик для достижения тождества себя с совокупностью определенных желаемых референтных признаков [11]. В самом деле, ценностный фундамент до-цифрового общества предполагает использование множества способов, «благодаря которым они [социальные субъекты] представляют собственное существование в социуме, свои взаимоотношения с другими людьми, ожидания, с которыми к таким контактам обычно подходят и глубинные нормативные идеи, и образы, скрывающиеся за этими ожиданиями» [12, с. 19]. Мы видим, что существующий способ организации общественного и политического приводит к формированию представлений о дозволенном и правильном в системе коллективного бытия. Ценность такого миропорядка определяет практики человека как участника политического и, говоря в целом, социального бытия.

Значимым здесь представляется наличие совокупности упорядочивающих норм, которые напрямую определяют возможные способы взаимодействия с реально существующими политическими структурами. Кроме этого, сложившийся порядок как сложное устройство политических и гражданских способов интеракции определяет самосознание субъектов, требуя от индивидов контактов с физически существующими социальными и политическими субъектами. Как следствие, диагностируются конкретные и приемлемые для коллективного бытия практики, обуславливающие их существование в реальном физическом мире. Более того, наличие широко известных способов регламентации политического процесса конституирует определенные представления об образе, с которым человек связывает возможности по поводу достижения человеком национальной и любой другой идентичности. Формирование подобных образов лежит в основе функциональности тех или иных институтов, которые, в свою очередь, могут стать выражением таких фундаментальных максим, как, к примеру, «разумность» и / или «свобода». В итоге, можно говорить о ценностях устоявшегося миропорядка и институциональной функциональности, обеспечиваемых коллективным «мь», при помощи которого становится возможным реализация процедур идентификации. Принципиальным также оказывается обращение к пространственным характеристикам, которые хоть и являются соизмеримыми с человеком, тем не менее определяются и внешними свойствами.

Изменения ценностных оснований в реалиях цифрового социума предполагают модификацию пространственной организации субъектов. Речь идет о возрастании социальной динамики и ускорения ритма жизни, а одновременно с этим и о сокращении времени на реализацию значимых действий. Известная концепция М. Оже, как отмечает А.В. Павлов [9], включает в себя положение об атомизации пространственности человеческого существования, в котором каждый индивид замыкается в первую очередь на самом себе, что закономерным образом приводит к совершенно иным формам организации общественной структуры. Так, ценность Другого, под которым понимается все многообразие субъектов социальных отношений, в том числе в политической и гражданской сферах, значительно уменьшается, сводясь к минимальной части. Во главу угла ставится лишь отдельный субъект, который определяет все возможные векторы взаимодействия с внешним миром. Эпохе цифровизации удалось перенести акценты на избыточную субъективность человека, тем самым оформив принципиальную ценность микромира человека и его персональных инструментов для реализации потребностей по самореализации.

Вследствие этого произошедшие трансформации ценностной стороны бытия человека цифровой эпохи выражаются в расширении видов и форм его гражданской активности, в том числе в рамках создания новых ее моделей. В частности, речь идет о том, что социальные сети и любые другие электронные средства, определяющие варианты intersубъективных взаимодействий, способны привести к ускоренному влиянию на мировоззрение и деятельность активных и заинтересованных в преобразованиях акторов, чьи персональные запросы открывают широкие возможности для реализации тех или иных интенций в полной мере. Следует признать, что это обеспечивается поворотом к новым способам формирования коллективного «мь», которое отныне перманентно присутствует и транслируется по цифровым каналам. Описанные процессы позволяют усилить функциональный потенциал институтов, что в последующем способствует совершенствованию форм участия граждан в политических процессах. Ценность такой вовлеченности за счет преодоления нигилизма и повышения осознанности населения является надежным маркером для развития

гражданского общества, поскольку именно постоянное присутствие цифровых сервисов и производные отсюда способы взаимодействия в режиме «24/7» на деле способны оказывать куда более сильное влияние на формирование гражданской позиции человека, чем традиционные формы.

Возможность ориентироваться в условиях разнообразных источников политически значимой информации, а также преодоление жестких идеологических рамок на фоне свернувшихся «больших –измов» при одновременном переходе к «молекулярным идеологиям» позволяют адресно выстроить значимый для людей контент. Аксиологический статус этих продуктов цифрового общества подкреплен постмодернистским образом ризомы, фундирующим многие социальные системы современности. Это приводит к дистанцированию от политической повестки одних групп и приближению других, желающих сознательно ориентироваться в многочисленных информационных потоках, благодаря критическому отношению [3, с. 10]. Как и любая тенденция современности, эта является амбивалентной, имеющей позитивные и негативные последствия. В первом случае мы усматриваем возможности для сохранения индивидами себя в качестве самостоятельных и целостных субъектов со своими интересами и запросами, а также появлению заинтересованных в социальных преобразованиях индивидов. Во втором – налицо появление абсолютной аполитичности современного человечества или же неспособность реального оценивания политических контекстов в условиях цифрового общества.

Резонно говорить о том, что ценность гражданского общества в цифровой среде усиливается, поскольку возрастает эффективность механизмов организации неполитических субъектов, участвующих в общественной интеракции [10]. Это выражается в том, что рост политического активизма, главным образом среди молодежи, связывается с использованием ресурсов гибридных систем средств массовой коммуникации, формированием новых нарративов и появлением сетевого поколения акторов. В результате, участие сообществ, организованных по принципу сети, открывает возможности для повышения результативности действий субъектов в пространстве цифровой среды, которая отныне трактуется не иначе, как «жизненно важный элемент здоровой демократической системы» [2, с. 328].

Отметим, что цифровая среда включает в себя совокупность средств и ресурсов, позволяющих субъектам представить себя в максимально уникальной форме, прежде всего перечислить преимущества перед соответствующими целевыми группами. Поэтому немаловажно проводить различия между государственной и гражданской формами взаимодействия, где в основе дифференциации лежит адресат интеракции: политические структуры или же субъекты гражданского общества соответственно. Контекстный анализ обществоведческой литературы позволяет сделать вывод, что в реалиях цифрового социума именно данное разделение во многом определяет векторы трансформации ценностей.

В качестве примера можно отметить, что для значительной части молодежи цифровые технологии являются средством для реализации собственных целей и удовлетворения более сложных и даже противоречивых, в сравнении с другими социальными группами, интересов и потребностей, нежели бы это была только лишь коммуникация с политическими структурами. Так, молодые люди, ориентированные на семейную жизнь, воспринимают цифровой мир исключительно как средство повышения достатка и материального благополучия. При этом некоторые из них, как уже было отмечено выше, могут выражать абсолютное равнодушие к наиболее весомым в обществе политическим партиям, а то и вовсе быть представителями

аполитичного молчаливого протеста или же участвовать в сетевых движениях оппозиции по остаточному в структуре свободного времени принципу. Вместе с тем, в позитивной модальности можно оценить гражданскую активность той части молодежи, которая, наряду с семейными ценностями, стремится сделать мир лучше, участвуя, к примеру, в волонтерских движениях или же в роли электората, активно используя соответствующие мобильные приложения.

Некоторые социальные группы могут относиться к политическим формам взаимодействия нейтрально, выражая собственные приоритеты через ценность к трэвэлингу или миграциям, которые активно продвигаются посредством современных сервисов. Любопытно, что, взаимодействуя с властными структурами по необходимости, представители данной общности могут проявлять некоторый скепсис или неприятие по отношению к каким-либо религиозным организациям, призывающим к определенным запретам и ограничениям, что идет вразрез с ценностными конфигурациями анализируемой социальной группы. Обращают на себя внимание индивиды, придающие высокую значимость творчеству и самореализации. В таком подходе цифровой мир и интернет-технологии выступают как поле для поиска индивидами себя. В дополнение к этому, в современных реалиях сохраняется ценность защиты слабых и достижения справедливости, однако (из)меняются ее формы, которые все чаще переходят в онлайн. Ранее мы отмечали, что критика социальной несправедливости, которая изначально существовала и претворялась в жизнь в классических протестных действиях, сейчас все чаще реализуется в формате онлайн: «Репрезентируя интересы сообществ в сети, его участники способны не только всесторонне видеть текущие проблемы, но и продуцировать актуальные когнитивные представления, позволяющие отойти от устаревших практик и осуществить переход к идеальным в их оптике моделям социальной реальности, способным в сравнении с наличными условиями учитывать больший объем злободневных интересов и потребностей населения» [11, с. 138].

Заслуживает внимания и другое измерение ценностных трансформаций посредством электронных возможностей самопрезентации и самореализации в системе существующих связей и отношений. Здесь речь идет о стремлении принадлежащих к различным социальным группам индивидов соответствовать современным трендам, которые зачастую вступают в противоречие с существующими культурными тенденциями государства. В.Ю. Леденева, ссылаясь на данные социологических исследований, закономерным образом категоризирует агентов влияния, или лидеров общественного мнения, и молодежь в качестве наиболее амбициозных групп [6]. Аналитика социального опыта свидетельствует, что владельцы каналов на различных платформах, генерируя и визуализируя различные дата-истории, не только сами достигли высокого дохода, элитной недвижимости и каких-либо других благ, но и возвели данные объекты в ценность среди более чем трех четвертей зрителей и подписчиков. И если в ситуациях с продвижением обучающих онлайн-курсов для личностного роста не наблюдается резкое проявление медиакритики, то к установкам а-ля «хочу быть Тик-токером» даже в реалиях цифровизации наблюдается более чем повышенный скепсис, поскольку активные в социальном плане индивиды не планируют участвовать в развитии национальной экономики. Однако, исходя из представленной логики, мы видим, что и в цифровом обществе знания сохраняют свою ценность, при этом изменяется отношение к формам их получения и увеличивается количество направлений по их приложению.

Сегодня проблема владения и управления знаниями не требует излишнего обоснования актуальности, поскольку, по сути, она определена популярным лозунгом «Образование в течение всей жизни». Современная интеллектуальная динамика диктует необходимость разделять так называемые «длинные» курсы и переходить к

формату приобретения микроквалификаций как более узких направлений подготовки и способов получения актуальных знаний, что позволяет оптимизировать затраты на прохождение в сравнении с перегруженными программами. С учетом пандемийных событий электронные курсы стали реальной альтернативой освоения необходимых компетенций, которые впоследствии оказываются полезными для профессиональной деятельности. При этом дискуссионным моментом остается осознанность и самодисциплина слушателей – так формулируется известное противоречие дистанционного образования: «Получение необходимого документа об образовании или же добросовестное освоение программ». При этом зарубежный и отечественный опыт онлайн-образования на всех уровнях образования свидетельствует о том, что в условиях COVID-19 единственно возможный формат не позволил учесть интенции обучающихся в полной мере, причем на всех возможных уровнях его организации, снабдив просторы Интернета массой мемов [16; 17]. Пожалуй, «коронавирусный период» образования позволит провести тщательную работу над ошибками и привести высоко оцениваемые сегодня формы овладения актуальными знаниями к должному для цифрового общества качеству, в частности, посредством внедрения передовых технологий обучения и контроля за действиями участников педагогического процесса.

Стоит признать, что рост общего числа цифровых форм взаимодействий не мог не повлиять на ценностные ориентации современных индивидов. Так, большинство людей, обладающих тем или иным уровнем цифровой культуры, признают, что более трех часов в день находятся в онлайн-формате, где состоят в виртуальных сообществах, которые соответствуют их интересам. Полагается, что такие сообщества в значительной степени определяют принципы жизни и организацию реализуемых каждым конкретным индивидом собственного сценария социальных взаимодействий с другими субъектами [7; 11]. Интенсификация жизни требует от людей такого отдыха, который бы позволил им перезагрузиться для завтрашних трудовых задач. Жизнь в режиме онлайн уже давно стала широко разделяемым способом организации и проведения досуга. Так, развлекательные сообщества оказываются столь же важными, если не более ценными, нежели, к примеру, профессиональные или те, в которых можно получить новые знания. Виртуальные группы, возникающие в интернет-сообществах, порождают и распространяют базовые принципы бытия индивидуального и коллективного бытия человека, который, получая порой недостоверную и непроверенную информацию, примеряет на себя «шагреновую кожу», которая порой не отражает истинные интенции социального субъекта [11].

В этом плане показательно отсутствие «тайм-кода» как чрезмерного пребывания в сети, что может привести к полному замещению полезного контента играми и развлечениями. Это объясняется тем, что некоторые субъекты воспринимают оба вида контента как единый и целостный, даже не пытаясь проводить хоть какие-нибудь линии демаркации между ними. Одновременно с этим появляются новые версии счастливой жизни, которые связаны со значимостью удовлетворения своих желаний в виртуальном мире, что зачастую компенсирует посредственность и серую повседневность индивидов в реальной жизни. «Цифровая версия» ортеговского человека массы, или толпы, уже не связана с благополучием в реальной жизни, когда обладание каким-либо предметом для персонажа из игры или коллекцией танков для ведения серии сетевых баталий заменяет благополучие в реальном мире, а досуг как критерий уровня жизни свидетельствует о деградации и примитивности мышления целых социальных групп, так или иначе существующих в современном обществе [14; 15].

По сути, это тоже некоторая разновидность «статусного потребления», разделяемого между представителями тех или иных виртуальных сообществ, свидетельствующая о достижении ими определенного положения. Обретая определенный цифровой продукт, «человек отказывается от более полезных вещей – качественного питания, путешествий, обучения» [6, с. 300]. В этом плане показательны новые поведенческие паттерны, эффективность которых на практике с каждым годом собирается проверить все большее количество людей. Следует признать, что подобные противоречия возникают по всему миру: помимо описанных, следует говорить и о разумных минималистах, которые, даже обладая благополучием, не стремятся демонстрировать его окружающим. Можно говорить, что трансформация ценностей, произошедшая в эпоху цифровизации, привела к появлению множества отошедших от прежних бинарных оппозиций уникальных моделей и сценариев поведения. Демонстрация своего поведения в большей степени апеллирует к внешней составляющей взамен содержательной заботы о себе. Так, ценности здоровья и спорта зачастую выполняют лишь эстетическую функцию, тогда как геймеры сосредоточены вокруг гедонистического предназначения своих «жизненно важных» объектов, что влечет за собой нежелание инвестировать время и другие ресурсы в собственное развитие.

Следует сказать и о трансформации трудовых ценностей. Сегодня в общественном развитии в полной мере реализуются положения технократического подхода. Постиндустриальное общество предполагает переход работоспособного населения в сферу услуг. На уровне официальной статистики, как пишет Б.В. Черников, процент населения, занятого в сфере услуг в развитых странах, практически превышает три четверти, в то время как в производственных отраслях и сельском хозяйстве такое количество занятых существенно снижается [13]. Цифровизация по-новому расставила приоритеты развития национальных экономик и привела к перестройке привычных архитектур, сформировав новые списки наиболее престижных профессий и сфер человеческой жизнедеятельности. Кроме того, реализуется тенденция создания креативного класса, чья основная функция состоит в создании принципиально новых знаний в совершенно различных областях. Теперь средства производства принадлежат самому человеку, а ценность таких сотрудников, обладающих соответствующими компетенциями, для компаний принципиально возрастает.

Трансформация трудовых ценностей в цифровом обществе также связывается с усилением нематериальных условий трудовой деятельности. До этого наибольшее значение придавалось материальным стимулам выполняемых индивидами трудовых функций. Именно они в значительной степени, но в весьма упрощенной с позиции современного менеджмента форме, определяли ценность трудовых отношений и напрямую определяли шансы работодателя сохранить конкретного работника на его месте. В рамках цифрового общества акцент делается совершенно на иные мотивы, нацеленные на удержание человека в компании. Опыт многочисленных лидеров рынка свидетельствует о применении методов по формированию позитивного образа человека, благодаря чему происходит морализация и идеализация труда, способствующая длительному пребыванию человека на определенном рабочем месте. Новые подходы позволили «перевернуть» менталитет трудящихся, поскольку со времен Модерна за работником закрепилась преимущественно пассивная роль по отношению к работодателю. Теперь же в реалиях цифрового общества приоритетным становится активная позиция самого трудящегося, что выражается в возможности использовать ресурсы цифровых оснований трудовой деятельности. Существенным основанием становится возможность использования ресурсов гибкой трудовой деятельности, а также выбора и смены рабочих мест, которые бы в полной мере отвечали интересам человека.

Трансформациям подвергаются и этические ценности. В научной литературе обозначается проблема формирования нравственных ценностей в условиях существования человека в Глобальной сети. Традиционное понимание этических ценностей, свободы и ответственности связывалось с конкретным субъектом, который мог выступать в качестве активного и ответственного актора. Всегда было известно, кто именно, где и когда совершил то или иное действие: существующий модернистский нарратив определял вектор ответственности и меру наказания за неправомерные действия. Цифровая среда современного общества формирует новый нарратив, в рамках которого отсутствуют привычные связи, а значит, требуется обозначение, какие именно нормы морали регламентируют поведение человека.

Н.В. Осинцева и И.А. Муратова полагают, что в рамках цифровой системы не существует никакого этического кодекса [8]. Утверждается, что маска анонимности позволяет современным пользователям Глобальной сети перенести отсутствие морали на все общество. Другие ученые справедливо замечают, что причиной такого положения дел становится тот факт, что «современный человек может осознавать свою идентичность в киберпространстве иначе, чем в реальном мире. Каждый человек создаст собственную «инфосферу» в течение жизни. Многие люди строят себе альтернативные образы онлайн. Социальные сети становятся местом, где мы показываем себя другим, а также представляем совершенно новые свои образы общественности» [4, с. 83]. Как итог, на основании стирания границ между виртуальным и реальным происходит не просто трансформация, но скорее стирание традиционных этических ценностей. Все это приводит к формированию новых, куда более гибких мифологем, которые подстраиваются под конкретного человека и определяют его способы нравственного существования. В частности, распространение в цифровой среде информации о научных достижениях в области суррогатного материнства и возможности совершения ЭКО приводит к переосмыслению статуса материнства и отцовства. Причем речь в данном случае идет не только и не столько о самом факте развития медицины в соответствующих областях, сколько о возможности освещения подобных технологий в открытом доступе. В своем предельном виде такие данные вкупе с избыточной субъективацией бытия человека приводят к ценностным трансформациям и изменениям социальной структуры общества. Частным случаем становится изменение отношения молодежи к статусу семейного человека, а также достижению статусов отца и матери.

В заключение следует отметить, что в эпоху цифровизации ценности подверглись существенным трансформациям, что коснулось буквально всех сторон жизнедеятельности человека:

- Политической, связанной с формированием новых норм и принципов участия человека в системе интеракций с государственными и гражданскими субъектами;
- Социальной, включающей в себя измененные статусы и роли человека. Особое значение приобретают виртуальные сообщества, с легкостью позволяющие транслировать новые принципы организации общественных связей и отношений;
- Экономической, где изменяется отношение к осуществляемой деятельности, а также методам, принципам организации труда, способам борьбы за трудовые ресурсы. Пассивная роль работника сменяется его интенциями на активное контактирование с работодателем и возможностями выполнять трудовые функции согласно гибкому графику работы;
- Духовной, в рамках которой отмечается влияние цифровой этики. Размывание границ между реальным и виртуальным миром, отсутствие традиционных нарративов

и запретов приводят к изменению системы нравственных оценок. Происходит переосмотр оценок прежних статусов и ролей, среди которых видное место занимает институт семьи и брака.

Отметим, что существенное значение в процессе трансформаций ценностей в эпоху цифровизации имеет ярко выраженный субъективизм этого процесса. Такое свойство отражается, прежде всего, в том, что человек стремится реализовать собственные интенции в максимально комфортных для себя формах. При этом цифровые основания современного общества видятся в качестве высоко прагматического инструмента максимального следования персональным сценариям жизни в координатах цифрового общества.

Список литературы

1. Аршин К. Нация // *Философская антропология*. – 2018. – Т. 4. – №2. – С. 103–116.
2. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // *Политэкс*. – 2019. – Т. 15. №3. С. 326 – 344.
3. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. – 2019. – № 5. – С. 3–18.
4. Дедюлина М.А. Компьютерная этика: философский анализ // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. – 2016. – № 1 (11). – С. 79–90.
5. Евтушенко М.В. Становление гражданского общества в современной России // *Общество: политика, экономика, право*. – 2008. – №2. – С. 21–28.
6. Леденева В.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. – 2022. – Т. 6. – №. 3. – С. 295–304.
7. Лисенкова А.А., Мельникова А.Ю. Социальные сети как фактор активного влияния на формирование ценностей молодежи // *Российский гуманитарный журнал*. – 2017. – Т. 6. – №4. – С. 322–329.
8. Осинцева Н.В., Муратова И.А. Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // *Манускрипт*. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 171–175.
9. Павлов А.В. Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // *Знание. Понимание. Умение*. – 2019. – №1. – С. 69–83.
10. Пырма Р.В. Политические грани цифрового гражданства // *Власть*. – 2019. – №4. – С. 69–78.
11. Равочкин Н.Н. Многообразие сообществ в современном мире: социально-философский анализ // *Вестник Калмыцкого университета*. – 2022. – № 1 (53). – С. 134–144.
12. Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое? // *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре*. – № 1 (69). – С. 19–26.
13. Черников Б.В. Трансформация системы трудовых ценностей в условиях формирования новой парадигмы труда // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2014. – №3 (27). – С. 45–53.
14. Clarke J., Critcher Ch. *Leisure and Inequality Sociology of Leisure*. – London, 1994. – P. 247–255.
15. Nowotny H. *Time: The Modern and Postmodern Experience*. Cambridge: Wiley, 1996. – 192 p.
16. Shields R., Schillmeier M., Lloyd J., Van Loon J. *Feet Apart: Spaces and Cultures of Quarantine // Space and Culture*. 2020. – Vol. 23. – № 3. – pp. 216–220.
17. Ward C. *The annihilation of time by space in the COVID-19 pandemic downturn // Dialogues in Human Geography*. – 2020. – № 10(2). – pp. 191–194.

Л.Б. Четырова¹, У.Б. Четыров²¹Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева²Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение
«Хартолгинская СОШ»**ИМПЕРСКИЙ МИФ НАРОДНОСТИ И ЕГО ПРОПАГАНДА
С ПОМОЩЬЮ ПОЧТОВЫХ ОТКРЫТОК***Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767,
<https://rscf.ru/project/22-28-01767/>*

В статье анализируется вопрос о почтовой открытке как идеологическом средстве и ее роли в пропаганде. Рассматривается история почтовой открытки в России, а также характеризуются фотографы, издатели и фотосалоны, существовавшие в Астрахани. В качестве теоретического инструмента анализа предлагается теория политического мифа К. Флада и концепция почтовой открытки как первой социальной сети Л. Пэйн. Используемые аналитические стратегии позволяют показать, как визуальная репрезентация народов России при помощи почтовых фотооткрыток становится инструментом пропаганды политического мифа о народности.

Ключевые слова: имперский миф, пропаганда, панславизм, империя, народность, калмыки, почтовая открытка, фотография, фотографы, Астрахань.

L.B. Chetyrova¹, U.B. Chetyrov²¹Samara National Research University named after academician S.P. Korolev²Khar-Tolga Municipal High School**THE IMPERIAL MYTH OF NATIONALITY AND ITS PROPAGANDA
BY POSTCARDS***The research is supported by the Russian scientific fund #22-28-01767*

This article analyzes the issue of the postcard as an ideological tool and its role in propaganda. The authors examine the history of the postcard in Russia and describe the photographers, publishers, and photo salons that existed in Astrakhan. C. Flood's theory of the political myth and L. Payne's concept of the postcard are offered as the first social network of theoretical tools of analysis. The analytical strategies allowed the authors to show how the visual representation of the peoples of Russia through postcards became a tool for promoting the political myth of narodnost'.

Key words: imperial myth, propaganda, panslavism, empire, narodnost', Kalmyks, postcard, photography, photographers, Astrakhan.

Введение

Цель статьи заключается в рассмотрении почтовых открыток с изображениями калмыков как средства пропаганды политического мифа о народности.

Эмпирическую основу статьи составляют почтовые открытки, изготовленные на основе фотографий астраханских калмыков и хранящиеся в фонде фотодокументов и филателистических материалов Астраханского музея-заповедника.

Теоретико-методологической основой исследования выступают теория политического мифа и политической идеологии (К. Флад), а также концепция почтовой открытки как первой социальной сети (Л. Пэйн).

Почтовая открытка как первая социальная сеть

История почтовой открытки начинается с середины XVIII века, когда английский художник Добсон выпустил серию поздравительных открыток к Рождеству [1, с. 7]. Своего коммерческого пика открытка достигает перед Первой мировой войной [2, с. 8]. В России первые почтовые открытки были выпущены почтовым ведомством в 1871 году. В 1874 году на Всемирном почтовом конгрессе в Берне был учрежден Всемирный почтовый союз, куда вошла Россия. В 1894 году в России указом министра внутренних дел были разрешены «бланки открытых писем частного изготовления». Согласно указу, бланки открытых писем изготавливались специально для обращения в пределах Всемирного почтового союза и должны были иметь на лицевой стороне заглавие на русском и французском языках: «Всемирный почтовый союз. Россия. Union Postale universelle, Russie. Открытое письмо – Carte postale». На оборотной стороне бланка разрешалось печатать виньетки и рекламу. Этим правом печатания сразу же воспользовались фотографы, которые стали размещать фотографические сюжеты на бланках открытых писем, отправляемых в государства, входившие во Всемирный почтовый союз [3]. О том, насколько распространены были почтовые открытки, говорит тот факт, что в первые два десятилетия XX в. по всему миру циркулировало почти 200 млрд открыток [2, с. 9–10].

К началу XX века существовали следующие типы открыток: иллюстрированные, репродуктивные, видовые. Особняком стояли интересующие нас открытки, изображающие народы Российской империи. Благодаря их появлению открытка становилась своего рода иллюстрированной российской энциклопедией, рассказывающей о народах, культурах, обрядах, костюмах, городах и землях [1, с. 11–16].

Этот небольшой по формату почтовый бланк выполнял не только важные коммуникативные, но и идеологические функции. С точки зрения исполнения коммуникативной функции Л. Пэйн (L. Payne) предлагает рассматривать почтовые открытки в качестве первой социальной сети, охватившей, подобно современным социальным сетям, весь мир. Благодаря тому, что почтовая открытка является носителем лаконичной информации визуального характера, она стала использоваться как инструмент поддержания связей. Пэйн полагает, что в массовом использовании почтовых открыток лежит исток современных социальных медиа-платформ, основанных на изображениях.

Пэйн обосновывает, что почтовая открытка с начала своего появления стала использоваться в пропаганде как средство установления контроля над массами и инструмент формирования тех убеждений, в которых заинтересована политическая элита. Способами установления такого контроля выступают повествование (storytelling) и создание нарратива (crafting of narrative). Так, многие из сотен миллионов открыток, напечатанных в период между 1900 и 1930-ми годами, несли политические послания, демонстрировали движение суфражисток, военные конфликты, строительство империй и наций или доносили до публики высказывания о мировой войне. Почтовая карточка была самым дешевым и наиболее эффективным средством коммуникации с массовой аудиторией [2, p. 86].

Появление фотокамеры Кодак-3а и ее относительно массовое распространение в начале XX столетия открыли, по словам Пэйн, совершенно новый способ пропаганды. Обычные люди могли теперь демонстрировать всем свое участие в тех или иных событиях, подтверждать этот опыт благодаря способности документировать его и

посылать в форме почтовой открытки. Такая открытка, созданная на основе фотографии, получила название «реальная открытка» или «реальная фотография». Фотограф, следовательно, выступал как участник политических событий или социальных движений, становился создателем нарративов, историй, мифов [2, р. 87].

Сравнивая Инстаграм (запрещенная в РФ социальная сеть) с фотографическими открытками прошлого, автор утверждает, что общее между ними заключается в том, что они выступают той площадкой в мире публичности, на которой делятся визуальными сообщениями. Именно это делает их инструментом пропаганды. Тот, кто шлет открытку, желает донести до адресата то или иное чувство или настроение. Пэйн подчеркивает, что мотивы, которые устанавливают те, кто производит почтовые открытки, могут отличаться от тех, кто их покупает. Иначе говоря, потребитель почтовой открытки, покупая ее и посылая кому-то, вместе с тем соглашается с тем высказыванием или идеей, которую вкладывает в нее ее производитель. Именно это делает почтовую фотооткрытку мощным средством пропаганды в начале XX века, когда появилось женское движение, когда произошла Первая мировая война. Вместе с этим фотооткрытка была средством создания, курирования и распространения индивидуального опыта и точки зрения [2, р. 97]. Фотооткрытка создает у потребителя иллюзию реальности запечатленного на ней, но на самом деле то, что кажется достоверным, является репрезентацией, осуществлённой фотографом, преследующим свои цели и руководствующимся своими мотивами. Камера в руках фотографа всегда предвзята и фокусирует внимание на том, что придает объекту фотографирования необходимую определенность. Поэтому в тот период фотооткрытки, на которых были запечатлены представители неевропейских культур, часто были откровенно расистскими, порождали массу стереотипов и страхи перед иными культурами [2, р. 105].

Использование фотооткрыток в пропаганде персонализирует ее, так как привлекает человека к тому или иному социальному движению способами, которые были невозможны в предшествующей истории почтовых открыток. В качестве примера она приводит фотооткрытки с суфражистками или мексиканцами и американцами, участвовавшими в Мексиканской революции (1910–1917). Пропаганда с помощью фотооткрыток представляет собой локальное выражение глобальных явлений с помощью персонализации и обеспечения ожиданий, что позволяет человеку через персональные нарративы уловить широкий социальный контекст. Тем самым происходит усиление на индивидуальном уровне социальных и политических нарративов [2, р. 114].

Астраханские фотографы и издатели фотооткрыток

Открытки, изображающие астраханских калмыков, издавались как в самой Астрахани, так и за ее пределами. К числу таких издательств относилась фотографическая фирма «Шерер, Наболец и К^о» (Москва), которая была самым большим издательством, занимавшимся выпуском тематических «открытых писем». Издательство выпускало почтовые открытки с видами российских городов, которые распространялись во многих городах мира. Очень популярными в России были выпускаемые фирмой серии открыток: типы народов России и виды городов.

По словам астраханского краеведа А.Минаева, благодаря почтовой открытке Астрахань, которая в Европе издавна воспринималась как загадочная «Тартария» и «Ногайя», стала землей, населенной разнообразными народами. Сложившаяся с давних времен на Западе традиция их визуальной репрезентации как диких и необузданных варваров, населяющих Тартарию, изменилась под влиянием почтовых фотооткрыток. Российская почтовая открытка в начале XX века, конечно, с одной стороны,

способствовала усилению экзотизации астраханских инородцев, но, с другой стороны, снимала черты их дикости и необузданности. Хождение астраханских открыток с видами города, «рыбных ловель» и национальных особенностей жителей, населяющих эту землю, началось с 1898 года [4, с. 6–7].

По подсчетам астраханских краеведов, количество сюжетов, запечатлевших виды и типы Астраханской губернии, было внушительным – не менее 500. Многие из них дублировались в открытках различных издателей. Так, издательство «Шерер, Набоглиц и К^о» в Москве и издательство К.А. Гранберга в Стокгольме как издавали астраханские открытки под собственной торговой маркой, так и представляли свою полиграфическую базу для таких астраханских издателей, как М.А. Рейтман, Л. Шарбер, М.Л. Винников [5, с. 41].

Общее количество издателей астраханских открыток за период с 1898 по 1918 год – 56. Астрахань до революции 1917 года была богатым губернским городом с большим числом фотоателье и фотографов. По подсчетам С.И. Нагайкиной общее количество фотографов и фотоателье в губернии в период с 1861-го по 1920-е годы составило 110 единиц [6, с. 275–278]. Некоторые издатели были одновременно фотоаппаратчиками, как, например, И.М. Бочкарев. Для съемок он выезжал в калмыцкие кочевья и киргизские аулы. Особое пристрастие у него вызывали рыбные промыслы – ловля, посол, обработка. Бочкарев выпускал открытки как типографским способом (фототипия) тиражом 1000 экземпляров, так и малотиражные. Продажа открыток производилась как в его ателье, так и в магазинах города. В начале XX века ателье Бочкарева считалось одним из лучших в городе. Фотоателье Бочкарева работало вплоть до 1920 года, когда фотограф как «нетрудовой элемент» вынужден был покинуть свой национализированный дом, в котором располагалось его ателье [6, с. 194–208].

Одним из первых астраханских фотографов был С.М. Вишневский, открывший свое фотоателье в 1861 году. Он стал родоначальником видового жанра в Астрахани, издав «Фотографический альбом видов и типов Астраханской губернии», в котором колоритно представлены этнические типы губернии – лица, костюмы, обряды, спортивные состязания, трудовая деятельность [6, с. 10–16]. Среди них были портреты знатных калмыков, пляска, национальная борьба, калмыки на рыбных промыслах. Используя подобные фотографии, Вишневский подготовил для Всероссийской этнографической выставки 1867 года альбом местных типов [6, с. 14]. Его плодотворная деятельность продолжалась до его кончины в 1899 году. Затем делами фотоателье стала заниматься его вдова А.Н. Вишневская. Более пятидесяти лет семья Вишневских вела фотографическую деятельность в Астрахани [6, с. 28–30].

Репрезентация «официальной народности» в фотооткрытках астраханских калмыков

Своеобразие города Астрахани отмечали все дореволюционные путешественники, как русские, так и европейские. В отличие от многих других российских регионов и городов, население этого края расово и этнически всегда было пестрым. Объясняется это тем, что город Астрахань был основан после завоевания царем Иоанном Грозным Астраханского ханства неподалеку от места, где находилась столица поработанного им ханства [7, с. 3–61]. Само же Астраханское ханство возникло в результате распада Золотой Орды, в свою очередь, являвшейся наследницей Монгольской империи. Иначе говоря, автохтонное население этого прикаспийского региона было этнически и культурно многообразным, так как обладало опытом проживания в разных культурах и государствах. Географическое положение города, находившегося на Великом Шелковом пути, обеспечило ему статус крупного центра международной торговли,

что способствовало увеличению этнического разнообразия населения. Этим объясняется то, что Астрахань даже через столетия после своего основания так и не стала типично русским городом. Дореволюционный журналист революционно-демократического толка В.И. Немирович-Данченко (1845–1936) писал, что, несмотря на триста лет проживания русских здесь, Астрахань так и не стала русской: «Чужой говор, обличье чужое... все здесь в диковину, начиная от зеленых халатов бухарцев, до скуластых богатырей, от полукитайского хурула гелюнгов до ивьяной... мазанки ногай» [8, с. 262–263]. Заселенный инородцами город имел явно выраженные колониальные черты. В описаниях путешественниками города и его насельников легко обнаруживается колониальная иерархия власти [9, с. 26–29].

Данный регион выступал в определенном смысле вызовом империи как единому государству. Задача интеграции народов империи в единое целое требовала выработки принципов национальной политики. Одним из первых, кто задался этой целью, стал граф С.С. Уваров (1786–1855). Его знаменитая триада «православие – самодержавие – народность» по-разному трактовалась политической элитой в разные периоды российской истории. Исследователи выделяют две основные версии, одна из которых появилась в царствование Николая I, а вторая – Александра III. А. Зорин пишет, что различия в трактовке триады определяются, прежде всего, различным пониманием самодержавия. В первом случае триада рассматривалась Уваровым в перспективе философии Просвещения, что исключало сакральность власти монарха, и самодержавие предстало как политический институт, благодаря которому было создано российское государство [10, с. 86–87]. Другой исследователь Р. Вортман также считает, что Уваров продолжал традицию XVIII в. с его утилитарной легитимацией самодержавия как института, создавшего и сохранившего российское государство. По его мнению, Уваров никогда не говорил о сакральной природе монархической власти. Православие же интерпретировалось им не в терминах божественного откровения, но как «залог счастья общественного и семейного», т. е. утилитарно. Кроме того, важно подчеркнуть, что русскую нацию Уваров определял не как этнос, но как «сообщество, объединенное свойством безграничной преданности своим властителям, что и отличало русских от западных народов, развращенных философией Просвещения» [11, с. 235].

В докладе «Десятилетие Министерства народного просвещения» граф Уваров обозначил принципы национальной политики в отношении нерусских народов окраин империи. Важным средством для формирования «русской национальности» является вытеснение «туземного духа» при помощи образования. Анализируя состояние университетского образования в западных губерниях империи – Польше и Прибалтике, Уваров пишет, что главная задача образования состоит в том, чтобы «развить русскую национальность на истинных ее началах и тем поставить ее центром государственного быта и нравственной образованности» [12, с. 36] и «подавлять в нем [польском юношестве] мысль о частной народности, сближать его все более и более с русскими понятиями и правами, передавать ему общий дух русского народа» [12, с. 39].

Б.Андерсон считает, что полвека царизм сопротивлялся уваровским искушениям и лишь в годы правления Александра III (1881–1894) русификация стала официальной доктриной монархии, притом что гораздо раньше появились украинский, финский, латышский и иные национализмы [13, с. 109]. На наш взгляд, тенденции русификации и одновременно этнизации концепта народности, трактуемой как нация, появились еще в эпоху Александра II. Трансформация этого концепта произошла в дискурсе панславизма, ставшего популярным в России после поражения в Крымской войне,

а также в дискурсе формирования единства полиэтнической империи. Важная роль в этом принадлежит идеологии, выступающей как инструмент интеграции. «Идеология, – пишет Флад, – это нематериальный фундамент сообщества, сообщающий ее членам чувство единства» [14, с. 20–21].

Проблема этнического многообразия России, а также способы разрешения этой проблемы рано или поздно должны были быть артикулированы. Уникальным в своем роде опытом артикуляции и визуальной репрезентации этнического многообразия Российской империи стала Всероссийская этнографическая выставка 1867 г. Целью выставки изначально была демонстрация разнообразия этнических типов в России. По словам президента Общества любителей естествознания, инициировавшего проведение выставки, Г.Е. Щуровского, «в последнее время, к общей радости, замечаем тот живой интерес, который начинает проявляться у нас ко всему, касающемуся России, или что еще более, начинают сознавать, что изучение чужого или других стран должно быть только дополнением к изучению своего или отечественного» [15, с. 12]. Выставка сыграла важную роль в развитии отечественной этнографии (народоведение), но сводить цель выставки лишь к достижению этой задачи и считать это главным ее результатом, как пишут некоторые авторы¹, неточно. Случилось так, что организация и проведение выставки стали частью панславистской кампании, развернувшейся в то время в России, и были связаны со Славянским съездом. Как пишет О.Майорова, выставка «неожиданно оказалась плацдармом для утверждения новых основ самоидентификации» русского народа, представляемого как часть славянства [17].

По словам А.Богданова, курировавшего выставку, «предложенная выставка имеет в виде преимущественно Россию и ее население как славянского, так и инородческого происхождения. Если при такой задаче желательно возможно большее собрание предметов, относящихся к быту инородцев, населяющих Россию, то не менее желательно видеть на выставке предметы, касающиеся вообще славянской этнографии: во-первых, потому, что славяне должны служить предметом первого и ближайшего сравнения при изучении русской народности» [15, с. 8]. Политический миф является идеологически маркированным рассказом о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего [14, с. 41]. С этой точки зрения включение в состав выставки первоначально отсутствовавшего славянского отдела было необходимо для обоснования политического мифа о происхождении русского народа из славянского корня.

Отдел включал в себя 118 фигур-манекенов восточных славян, 66 фигур южных и западных славян, в то время как инородческих фигур, которые представляли этническое многообразие России, было всего 116 [15, с. 10]. В итоге произошло смещение задач первоначального замысла, «всероссийская выставка» репрезентировала не только российские этносы, но и зарубежных славян. Важно, что инородцы представлены в ней как субалтерны. Газета «Москва» подчеркивала: «Наша русская выставка становится русско-славянской, тем более что инородцы будут представлены на ней как второстепенные и подчиненные племена» (цит. по:[17]).

Возвращаясь к триаде «православие – самодержавие – народность», следует сказать, что именно в период проведения выставки выявились две главные тенденции в этнизации концепта народности: первая – русские как господствующий этнос выполняют роль центра интеграции для всех славян, вторая – инородцы в составе российской «народности» занимают подчиненное положение. Выставка при этом способствовала экзотизации подчиненных этносов.

---

¹См.: М. Керимова [16, с. 6].

После убийства императора Александра II, в период правления Александра III, данная доктрина претерпела изменения, прежде всего, в трактовке самодержавия. В написанном Победоносцевым манифесте от 29 апреля 1881 г. артикулируется новый идеологический миф о царе как олицетворении русской природы, квинтэссенции национального духа. Самодержец опирается на Бога и нацию [11, с. 238]. Все это привело к появлению великорусского национализма и, соответственно, сопровождалось этнизацией понятия народности.

Астраханские представители имперской власти были далеки от панславистских идей, для них была важна задача репрезентации этнического разнообразия своего региона. Этническая пестрота колониального города Астрахани нашла свое выражение в многочисленных открытках, издаваемых как астраханскими, московскими, так и зарубежными издательствами. Почтовые открытки, альбомы фотографий и иные изображения использовались в идеологических целях для формирования общероссийской идентичности подданных империи.

В газете «Астраханский справочный листок» (10 февраля 1867 г.) говорится следующее: «Наша губерния по своему разнохарактерному народонаселению больше других должна принять участие в выставке, которая особенно в России должна иметь важное значение, так как характеризует наше Отечество» (цит. по:[6, с.14]). Эту задачу и выполняли почтовые и, прежде всего, фотооткрытки, которые, будучи действительно первой глобальной сетью, с одной стороны, знакомили граждан российской метрополии с инородцами имперских окраин, с другой – способствовали экзотизации инородцев не только внутри страны, но и вовне.

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что почтовые фотооткрытки, изображавшие инородцев, использовались в идеологических целях для формирования российской «народности» (нации), в которой они занимали подчиненное положение. Ставшие популярными в эпоху Александра II панславистская идеология и мифология способствовали интеграции русского этноса и появлению русского национализма. Проведенная в 1867 году Всероссийская этнографическая выставка, с одной стороны, осуществила визуальную репрезентацию нерусских народов России, с другой – визуально подкрепила миф об историческом происхождении русского народа из единого славянского корня. Фотографии и фотооткрытки разных этнических групп, визуально представляя их, использовались как важный инструмент пропаганды, оказывающей идеологическое влияние на массы. С их помощью пропаганда вносила в массовое сознание политические мифы, выражающие идеи нации/народности.

Список литературы

1. Чапкина М.Я. Художественная открытка: К столетию открытки в России. – М.: Галарт. – 1993. – 304 с.
2. Pyne L. Postcards: the rise and fall of the world's first social network. London, UK Reaktion Books. – 2021. – 256 p.
3. Шипова Т.Н. Фотографы Москвы – на память будущему. 1839–1930: альбом-справочник. – М.: Изд-во объединения «Мосгорархив»; АО «Московские учебники». – 2001. / URL: <http://fototikon.blogspot.com/2017/05/Shipova.html>
4. Минаев А.П. Астраханские открытки 1898–1918 гг. Первый сводный каталог-справочник Астраханских открыток по издателям. Часть I. Астрахань. – 1917. – 156 с.
5. Марков А.С., Львов С.Г. Астрахань на старинных открытках. Изд.-полиграф. комплекс «Волга». – 2007. – 204 с.

6. Нагайкина С.И. Фотография в Астрахани. 1861–1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань: АГОИАМЗ. – 2011. – 280 с.
7. Зайцев И.В. Астраханское ханство. – М.: Вост. лит. – 2006. – 303 с.
8. Немирович-Данченко В.И. По Волге. (Очерки и впечатления летней поездки). СПб.: Изд. Книгопродавца И.Л. Тузова. – 1877. – 403 с.
9. Огородников П.И. На пути в Персию и прикаспийские провинции ее. 2-е изд. Санкт-Петербург: Типография М.И. Попова. – 1878. – 334 с.
10. Зорин А. Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 71–104.
11. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. М.: ОГИ. – 1999. – С. 233–244.
12. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения 1833–1843: (Записка, представленная государю императору Николаю Павловичу министром народного просвещения графом Уваровым в 1843 г.) / М-во народ. просв. СПб. Тип. Имп. акад. наук. – 1864. – 161 с.
13. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле. – 2001. – 288 с.
14. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование / пер. с англ. А. Георгиева. М.: Прогресс-Традиция. – 2004. – 264 с.
15. Этнографическая выставка 1867 г. Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Т. XXIX. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К. – 1878. – 94 с.
16. Керимова М.М. Всероссийская выставка 1867 г. – новый этап в развитии этнографической науки // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – №476. – С. 5–13.
17. Майорова О. Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2001/5/slavyanskij-sezd-1867-goda-metaforika-torzhestva.html>

Б.Д. Эрдниева*Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова***ПОНИМАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В КУЛЬТУРНО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕГО КИТАЯ***Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№075-03-2022-119/1 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»)*

В статье представлен философско-культурологический анализ феномена справедливости в его истолковании философскими школами Китая периода «Срединного царства» («Чжунго»).

В ходе предложенного обзора, выполненного с опорой на метод герменевтической феноменологии, будет продемонстрировано, что идея справедливости, воплощенная в Древнем Китае в концептах «справедливого поведения», «справедливого мужа», неизбежно раскрывает свою двойственную природу: с одной стороны, в ней усматривается ответ на потребность в обосновании необходимости социально-иерархического устройства общества, а с другой – воплощение наиболее спектакулярной манифестации самооценности китайской культуры, выстоявшей против многочисленных нашествий «варваров четырех сторон света» («сы-и») благодаря противопоставлению невежеству завоевателей из внешнего мира феномена образованности как формы справедливости.

Ключевые слова: *справедливость, общество, культура, китайская философия, конфуцианство, моизм, легизм, даосизм, буддизм.*

B.D. Erdnieva*Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov***COMPREHENSION OF JUSTICE
IN THE CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT
OF ANCIENT CHINA**

The article presents a philosophical and cultural analysis of the phenomenon of justice in its interpretation by Chinese philosophical schools of the period of the "Middle Kingdom" ("Zhongguo").

This review is based on the method of hermeneutic phenomenology. It will demonstrate that the idea of justice, embodied in ancient China in the concepts of "fair behavior", "fair man", inevitably reveals its dual nature. On the one hand, it shows the answer on the need of the population to justify the need for a socio-hierarchical structure of society, and on the other hand, the embodiment of the most spectacular manifestation of the inherent value of Chinese culture, which withstood the numerous invasions of the "barbarians of the four corners of the world" ("sy-i") by contrasting the ignorance of the conquerors from the outside world with the phenomenon of education as a form of justice.

Key words: *justice, society, culture, Chinese Philosophy, Confucianism, Moism, Legalism, Taoism, Buddhism.*

В рамках настоящей статьи будут рассмотрены смысловые ракурсы взгляда китайской философии на идею справедливости, целью данного рассмотрения является аналитический разбор концепции справедливости в древнекитайской философии или то, что Л.В. Максимов обозначил как «исследование того, что именно понимается под справедливостью (а не что якобы является справедливым), что именно люди оценивают как справедливое в разных культурах и в разные исторические периоды» [1, с. 49]

на материале памятников китайской философской мысли. При этом стоит упомянуть об особенностях работы с древнекитайскими первоисточниками, заключающейся в «сложности понимания контекста», отмечаемой В.С. Спириным [2], вследствие которой первичные попытки подвергнуть их рациональному освоению при помощи логического аппарата европейской культуры наталкиваются на кажущуюся несовместимость метода и предмета. Однако в преодолении упомянутой трудности интерпретации имеет смысл опереться на мысль, высказанную Г. Триандисом: «Знакомясь с особенностями других культур, полезно помнить: то, каким представляется мир нам самим, меньше того, каким «он является на самом деле», и несколько больше того, какими «мы представляем самих себя» [3, с. 33]. Таким образом, становится очевидной необходимость понимания взаимообусловленности формы и содержания тезисов китайского философского текста для понимания общего смысла и логики рассуждений.

Беспрекословное следование установленной традиции вкупе с почитанием ритуалов и правил настолько всеохватно и значительно проникло в китайскую философскую культуру, что нашло свое воплощение и в дедуктивном способе построения логических рассуждений. Образец, являвшийся обоснованием корректности сконструированных в соответствии с ним логических высказываний, стал наиболее авторитетным методом изложения постулатов древних китайских учений, которые содержательно имели социокультурную направленность, а отнюдь не математический характер. А.А. Крушинский приводит в пример упомянутому тезису отрывок из «Лунь юй», в котором Конфуций, базируясь на идее следования единому ритуалу различными династиями в течение нескольких поколений, заключает о возможности познания этого ритуала в любом поколении любой из династий. Таким образом, постулируется нормативная модель истинного суждения, с помощью которой могут быть установлены в том числе социальные правила и нормы: «Очевидно, что всякий объект, позиционируемый в качестве образца, с необходимостью предполагает существование других объектов, которые его воспроизводят. Возникающая таким образом множественность может представлять собой предметность произвольного типа: от математической и лингвистической до социально-этической» [4, с. 115].

Общей чертой философских учений древнего Китая явилось сосредоточение на идее поведения человека в обществе, то есть на социальной этике. Вместе с тем философские школы Древнего Китая (конфуцианство, легизм, моизм, даосизм) предложили отличные друг от друга способы понимания справедливости, которые будут освещены ниже, но их общей сущностной чертой явилась склонность к оправданию справедливости как иерархичной социальной модели подчинения в стремлении упорядочить мир, управляемый трансцендентальным законом. В этом стремлении оформляется своеобразный «лик справедливости, как то, что она является в конкретный исторический период устойчивым типом связи человека и общества (группы, сообщества), который тесно переплетен с установленными законами, писаными и неписаными» [5, с. 22].

Древнекитайская философия периода «Борющихся царств» (начало V – конец III вв. до н. э.), или иначе философия «Золотого века», считается наиболее плодотворной в части появления различных философских учений, из-за чего этот период также называют временем «соперничества ста школ». Принимая во внимание ограничения в части объема, продиктованные форматом данной публикации, обзор материала, составившего теоретическую базу работы, будет представлен в отношении некоторых учений достаточно лаконично.

Философские убеждения Кун Фу-цзы (или Конфуция, 552–479 гг. до н.э.) оформились в широко известном труде «Лунь юй» («Беседы и рассуждения»), в котором китайский мудрец и учитель четко артикулирует понятие справедливости («и») как личного долга, *персональной ответственности перед самим собой*. Подобная соотнесенность человека со сферой морального долженствования гармонично встроена в концепт «благородного мужа» («цзюнь-цзы»), являющий собой идеал правильной жизни. Справедливость как долг не есть нечто априорно присущее человеческой природе, но есть выработанное в процессе обучения должному поведению в соответствии с правилами («ли»): почитание старших («сяо»), гуманность в отношениях с другими людьми («жэнь»), стремление к просвещению, постижению культуры («вэнь»). Узнав о том, что справедливость – это следование своему долгу, благородный человек должен воплощать это знание в своих поступках, то есть неотступно реализовывать свой долг как своё предназначение: из знания о долге вытекает обязанность следования ему. Однако Конфуций усматривает гораздо более масштабное применение знанию о справедливости благородного мужа – в сфере государственного управления, на страже усвоенных правил во главе народа, который в своей массе лишен возможности пройти обучение правилам «ли», а потому далек от понимания и претворения справедливого образа жизни.

Также отдельное внимание стоит уделить идее предопределения («мин»), которое ниспосылается человеку Небом (обозначение надсубъектного начала, управляющего жизнями людей) как первоисточником закона. Мир и все процессы в нём всецело подчинены сверхзакону (воле Неба), выступающему гарантом реальности справедливого устройства мира. В этом сверхзаконе одновременно заключается главный смысл существования конкретного человека, распознать который составляет жизненное задание последнего.

Концепты «благородного мужа» и «предопределения», которые доступны только достойным, стали подготовительной почвой в формировании следующего концепта, раскрывшего понимание *справедливости как соответствия (слов делам)*, – «исправления имен» («чжэн мин»). Как отмечал Марсель Гране, «Учение о правильных наименованиях – это учение о порядке. Его успех объясняется уважением, которым был окружен этикет» [6, с. 303]. Требование о строгом соответствии заключалось в присвоении каждому человеку имени, которое обозначало бы занимаемый им социальный статус, что свидетельствовало бы о придании смысла словам и делам этого человека, который вместе с именем получает знание о своем назначении, а значит, и о правильном для себя и общественно-приемлемом (следовательно, истинном) поведении: «Если слова не имеют оснований, то дела не могут осуществляться» [7, с. 34]. Однако в связи с тем, что такое переименование не равнозначно полноценному обучению правилам «ли», оно не подразумевает полного овладения «ли», поэтому получивший новое имя, но не прошедший обучение правилам (что являлось привилегией, доступной определенному слою общества), не мог претендовать на чиновничий сан, что позволило рационально обосновать легитимность иерархической модели социальной организации в китайском социуме. «В Китае обучение стало интегральной частью политической организации государства» [8, с. 304]. Заполучить сан чиновника могли только прошедшие экзаменационные проверки претенденты. Таким образом, ограничив доступ к государственной службе условиями обладания специальными знаниями, древнекитайская власть придала статус престижа и избранности образованию, положив начало тенденции формирования лояльной опоры из среды ученых.

Примечателен также следующий вывод о последствиях пренебрежения наделения именем в соответствии со статусом, продолжающий предыдущую цитату: если дела не могут выполняться, то не может быть выполнен и ритуал как действие, обоснованное традицией, и наказание, являющееся ритуальным действием, следовательно, без наказания народ не будет знать, какое поведение является социально приемлемым, что размывает саму идею справедливости и влечет обесценивание основ китайской культуры в форме потери жизненных ориентиров, закрепленных в «ли». Важно отметить, что тема *справедливости как справедливого наказания* является еще одним аспектом феномена справедливости в трактовке конфуцианства. Если наказание не следует за проступком, или применяется несоразмерно проступку, или в обществе нечетко установлены нормы правовой ответственности, вследствие чего не соблюдается закон – всё это ведет к дестабилизации иерархического порядка в обществе и, в конечном счете, к нарушению предустановленного мирового закона (воли Неба). «Стратегия поведения человека в обществе и в общении с себе подобными, принципы построения и функционирования социума – вот что постоянно находилось в центре внимания конфуцианства» [9, с. 57].

Таким образом, в попытках оправдать законность и безальтернативную справедливость существовавших форм монархического государственного устройства, социальной стратификации и пенитенциарной системы конфуцианство продемонстрировало исключительную последовательность в экспликации идеи справедливости как уже воплощенного феномена власти, который требуется только поддерживать в «справедливом» равновесии: элите – в культурном просвещении и следовании правилам, прочим (низшим) сословиям – в проявлении покорности и послушания высшему слою.

Заметный конъюнктурный характер наставлений Конфуция нашел свое продолжение спустя век во взглядах его последователя Мэн-цзы (или Мэн Кэ, 372–279 гг. до н.э.), который практиковал образ жизни странствующего учителя и предложил концепт справедливости, когерентно базирующийся на учении о природе человека. В представлении Мэн-цзы нравственность человека определяется его социальным положением, которое, в свою очередь, детерминируется видом занятия человека: люди интеллектуального труда знают о понятии человеколюбия, основанном на чувстве сострадания, и о позитивном влиянии реализации этого знания на общественные процессы, а необразованный народ, которому доступен только физический труд, не знает и, следовательно, не в состоянии действовать нравственно самостоятельно [7, с. 230]. В условиях неизбежного разделения общества на слои, вытекающего из разделения на виды труда, Мэн-цзы видит задачей правителя привнести справедливость в общество, поскольку он способен на это в силу своей образованности. При этом необразованным подданным правителя философ отводит роль злодеев, поскольку они жестоки из-за того, что они не знают о человеколюбии и этим губят справедливость [там же, с. 231].

Наиболее показателен в части осмысления феномена справедливости диалог с Гунсунь Чоу, в котором Мэн-цзы заявляет о своем умении «воспитывать *чувство справедливости*» [там же, с. 233], которое заключается в сочетании долга и дао. Чувство справедливости не является врожденным, в том смысле, что не осознается человеком, хотя способность к такому осознанию и чувству присуща каждому. Чувство справедливости также не возникает в человеке случайным образом, но его можно обрести благодаря следованию своим обязанностям: чем более чуток человек к своему долгу, тем сильнее в нем чувство справедливости. При этом на развитие этого чувства требуется время и невмешательство силы, о чем нужно помнить,

---

чтобы не разрушить уже накопленное. Примечательно, что если становление чувства справедливости Мэн-цзы сопрягает с соблюдением обязанностей, то первичное возникновение чувства справедливости он увязывает с чувством стыда и негодованием [там же, с. 244], что позволяет сделать вывод о парадоксальной природе справедливости, которая имеет свойство оформляться через и после столкновения человека с несправедливостью.

Следует отметить, что, несмотря на констатацию разделения общества на правящий слой интеллектуалов и необразованный народ, занятый физическим трудом, Мэн-цзы утверждает сущностное единство людей, независимо от их социального положения, в том, что каждому члену общества присуще чувство справедливости, приносящее радость, однако пути его постижения сохраняют различие. Если путь правителя к справедливости лежит через осознание им своего долга, который, согласно воззрениям Мэн-цзы, состоит в гуманном управлении народом и заботе об условиях его существования, то путь народа к постижению справедливости заключается в том, чтобы осознать свой долг – доверять гуманному правителю. Таким образом, справедливость в обществе достигается *в силу осознания* его народом и правителем своих предназначений, обязанностей, а также их соблюдения. Только при таком положении дел справедливость из области чувственного познания мигрирует в сферу социального бытия, а через него – в общее мировое пространство. Следовательно, *справедливость – это инструмент для установления порядка*, противостоящий хаосу общественного раздора и требующий душевных усилий от каждого, кто стремится его испытать (великодушия от правителя и доверия от народа), а потому решающее значение получает роль воспитателя этого чувства, способного направить и поддерживать человека в процессе следования долгу. В результате этой логики рассуждения Мэн-цзы заключает о потребности правителя в наставлениях с его (Мэн-цзы) стороны, которые поспособствуют установлению справедливости в государстве.

Несмотря на сохранение конфуцианского способа понимания справедливости как следования долгу, во взглядах Мэн-цзы именно феномен справедливости получает новую экспликацию, характеризующуюся более внимательным отношением к внешним обстоятельствам существования народа, испытывающего на себе последствия решений, принимаемых правителем. Учение Мэн-цзы о том, что гармонизация социально-экономических отношений в обществе может быть достигнута с опорой на философское знание человеческой природы и стремление пробудить в ней лучшие скрытые качества, ориентировано на гуманистичную установку и является актуальным проектом для применения в качестве образовательной программы в современном обществе.

В одноименном труде продолжателя и вместе с этим критика конфуцианской традиции Сюнь-цзы (313–238 гг. до н.э.) мы находим проведение дистрибутивной и ретрибутивной справедливости: «Великий долг в управлении делами [государства] состоит в следующем: того, кто приходит с добрыми намерениями, следует встречать в соответствии с нормами ритуала; того же, кто приходит не с добрыми намерениями, следует встречать законами об уголовных наказаниях» («Сюнь-цзы», гл. 9) [3, с. 150]. Сюнь-цзы отводит применению законов своего рода организационно-конституирующую функцию: «Сейчас, если человека не воспитывать и не воздействовать на него с помощью законов, он становится несправедливым, коварным и идет по неправильному пути» [10, с. 201]. Таким образом, справедливый человек – с необходимостью образован, благодаря чему способен действовать справедливо, зная, в каком случае следует действовать в соответствии с

ритуалом, а в каких – в соответствии с законом [11]. Противопоставляя свое понимание природы человека как злого и несовершенного взглядам Мэн-цзы, полагавшего, что способность к образованию подтверждает благую природу человека, Сюнь-цзы различает в природе человека помимо благого элемента, склонного внимать просветительскому элементу власти, разъяряющему смысл ритуала и долга, неискоренимое злое начало, которое может быть взято под контроль только репрессивными методами. Согласно Сюнь-цзы, несправедливый человек не может претендовать на справедливое отношение к себе. Если порочная часть природы преобладает в человеке, он должен быть лишен возможностей и привилегий, даруемых высоким положением в обществе – прокламация этого принципа вновь обнаруживает свое созвучие с идеями о справедливости Платона и Аристотеля: «не предоставлять чиновничьих должностей тем, кто не обладает способностями; не поощрять тех, кто не имеет заслуг; не подвергать наказаниям тех, кто не совершил преступления» [10, с. 156].

Некоторую созвучность ценностям, провозглашаемым поздним конфуцианством в лице Сюнь-цзы, явило радикальное учение легистов (или законников), получившее возможность практического воплощения своих принципов в Китае в 3 в. до н.э. Основоположники легизма (Шан Ян (390–338 гг. до н.э.), Хань Фэй (280–233 гг. до н.э.) отстаивали необходимость «примирения справедливости с насилием», которое является единственным способом подавления и запугивания как инструментов управления населением. *Насилие* получило оправдание как феномен справедливости, а законы о наказаниях стали приоритетным направлением правотворческой сферы в связи с убежденностью легистов в злой природе человека, требующей не воспитания, а применения силовых методов для укрепления общества и процветания государства.

Интерпретация идеи справедливости в **даосизме** за авторством Лао-цзы (6 в. до н.э.) – современника Конфуция, как и остальных объяснений феноменов человеческого существования, характеризуется снижением смысловой значимости любых проявлений человека в мире за пределами собственного тела и сознания. Подобная девальвация целеполагания и рациональной деятельности объясняется смысловым содержанием ценностей, которые признает даосизм: «не-деяние», отказ от усилий, возврат к естественному состоянию. В этом контексте нравственные качества, составлявшие идеал конфуцианской философии, даосизм расценивает как результат утери, отдаления естественного состояния («дао»), а потому стремиться к их обретению не следует. Так, справедливость устанавливается в результате потери способности к человеколюбию, которое, в свою очередь, возникает в момент отхода человека от исходного состояния дао [там же, с. 126]. В момент отказа от справедливого поведения человеку остается только вернуться к ритуалу (традиционной норме поведения), поскольку личному выбору места не остается.

Из этого апофатического подхода к пониманию проявлений человека в мире логически следует допустимость такого прочтения идеала даосизма: «Если человек определяет свою жизнь ритуалами (установленными порядками), то путь к дао он будет проходить через понимание и проявление справедливости как практику *руководства собственным разумом в принятии решений*. Если человек уже руководствуется своим умом, то есть справедлив, то следующим шагом к дао будет принятие решений, направленных на заботу об окружающих». Именно так могла быть оформлена максима даосизма.

Моизм видел справедливость прежде всего как *справедливое управление государством* («и»), которое достигается в опоре на учение о «почитании талантов» Мо-цзы (470–391 гг. до н.э.), открывшее возможность к занятию высоких должностей

без оглядки на происхождение, но *в соответствии со способностями* претендента. В этом кроется причина, по которой моизм не признавал ценность идеи предназначения, исключавшей для человека возможность распорядиться своими способностями, а потому преграждавшей путь к установлению справедливости в обществе.

Завершая рассмотрение концепта справедливости в культурно-философском контексте древнего Китая, следует затронуть достаточно распространенный подход «Трех учений», включающий в пул основополагающих философских учений Китая – **буддизм** как единственное учение, привнесенное извне, но с 1 в. прижившееся в условиях закрытой традиционалистской среды древней Империи (что объясняется определенной степенью родства концепций у-вэй в даосизме и пустотности (шуньяты) в буддизме, при этом последняя в пояснении японского буддолога Судзуки: «в отрицательном смысле означает отсутствие обособленности, несуществование индивидов как таковых, а в положительном смысле – вечно изменчивое состояние феноменального мира» [12, с. 181]). Буддизм предложил своим китайским последователям направить фокус внимания на внутреннюю сферу бытия человека, доселе остававшуюся вне интересов китайских философских учений, сосредоточенных на регулировании общества и человека только в ракурсе его социального плана бытия.

Стоит уточнить, что распространение в Китае получило именно направление Махаяны с её концептом просветления или пробуждения (бодхи) в противовес угасанию (нирване) Тхеравады, что, с одной стороны, объясняется тем, что «китайский буддист стремился не столько к «освобождению от», сколько к «освобождению для» [13, с. 271], а с другой – тем, что концепция освобождения или просветления как целевого состояния в Махаяне не пыталась примирить своих последователей с необходимостью иерархической подчиненности в обществе с его ограничениями, обусловленными сословной принадлежностью, и потому воспринималась как более справедливая, уравнивающая в этом отношении возможности достижения идеала как правителем, так и простолудином.

В связи с тем, что дистинкции между исконно китайскими и (близкой по духу даосской позиции) буддистским учениями могли провести только образованные сановники, в среде остального населения потребность в объяснении причин ущемленного положения последнего, была успешно восполнена буддизмом, что проявилось в гармоничном встраивании тезисов буддийского учения в установки локальных традиций, а в это же время китайская философская традиция прошла путь от прямого отождествления «Трех учений» (Сунь-Чо, 4 в.) до провозглашения их различий и равенства (в смысле истинности положений) (Чжан Бодуань в 11 в., Ван Чуньян в 12 в., Линь Чжаоэнь в 16 в.).

Вывод. Китайская философская мысль явилась фактической репрезентацией ценностей китайской культуры, почитающей авторитет ритуалов, традиций и образования, сосредоточенной на сохранении и воспроизведении теоретических знаний, выработанных «Срединным царством» (эндоэтноним Китая), территориально окруженным «невежественными» (в силу незнания, в первую очередь, китайской письменности, а также церемоний, сопровождающих социальную жизнь древнего Китая) соседями. В этом процессе трепетного воспроизводства национального наследия в представителях нового поколения и заключается укорененность древнекитайской мысли в формах ее трансляции: встраивание рассуждений методом параллелизма с оглядкой на образец. Отдельный человек представляет интерес постольку, поскольку он может служить сосудом, который может быть наполнен и впоследствии наполнить

в свою очередь следующий сосуд передаваемым знанием. В этой особенности китайской культуры, которую можно описать как возможность увидеть человека только как встроенного в канву традиций и ритуалов, вместе с тем усматривается и общекультурное правило: «Культура находится в точке пересечения индивидуального «я» и коллективного «мы» [14, с. 405].

Ценность философского знания в древнем Китае во многом обуславливалась его очевидной практической применимостью: во-первых, образованность стала механизмом, позволяющим обосновать нормативное понимание справедливого распределения благ: «идеалом патримониализма было не формальное право, а материальная справедливость» [15, с.118]; во-вторых, возвышение статуса благородства, которое обреталось при условии освоения накопленного предками знания письменной, ритуальной, поведенческой культуры, а также исполнения обязанности неуклонно в течение жизни следовать полученному знанию, гарантировало практически потоковое производство интеллектуальной элиты, разделяющей учрежденные предшествующими поколениями установки о должном социально-политическом устройстве и обладающей привилегией получения образования и вместе с ним доступа к управлению обществом и государством. Таким образом, «в Китае образование стало «лифтом социальной мобильности», обеспечивая возможность перехода из одного социального слоя в другой, во многом благодаря личным заслугам» [16, с. 172].

Приданию легитимности исключительно действиям правителя и ученого сословия, из которых формировался аппарат чиновников, способствовала активно насаждаемая идея предопределения, подкрепленная модальностью справедливости: философия древнего Китая видит мир подчиненным единому метафизическому закону, упорядочивающему и подчиняющему бытие логике баланса, поддерживаемого благодаря выполнению каждым своих обязанностей. Справедливость как функциональное соответствие – указанное обобщенное понимание китайскими философскими учениями феномена справедливости небезосновательно раскрывает его сугубо прагматичный характер, вместе с тем следует отметить попытки связи и определенной детерминации идеи справедливости понятием «человеколюбие», что демонстрирует стремление обосновать положение дел, которое человек не способен изменить, как логичное, истинное и направленное на принесение блага в семейную и общественную жизнь, а потому справедливое, с целью его пролонгирования (именно поэтому идеи конфуцианства, моизма и даосизма составляли теоретическую основу социально-политических воззрений Китая на протяжении почти двух тысячелетий, начиная с периода до Империи и вплоть до 19 в.).

Список литературы

1. Максимов Л.В. К понятию справедливости: аналитические заметки // Этическая мысль. – 2017. – №2. – С. 46–58.
2. Спиринов В.С. Построение древнекитайских текстов. – Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2006. – 276 с.
3. Триандис Г.С. Культура и социальное поведение: учебное пособие / Пер. В.А. Сошникова. – Москва: ФОРУМ, 2007. – 384 с.
4. Крушинский А.А. Логика древнего Китая // Философский журнал. – 2016. – Т. 9. – № 4. – С. 111–127.
5. Золотухина-Аболина Е.В. Справедливость: старые новые ракурсы проблемы // Гуманитарий Юга России. – 2022. – №1. – С.18–35.
6. Гране М. Китайская мысль. Пер. В.Б. Иорданского, общ. ред. И.И. Семеновича. – Москва: Республика, 2004. – 526 с.

-
7. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. – Москва: «Мысль», 1972. – 363 с.
  8. Уайт Л.А. Государство-Церковь: его формы и функции. // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 728 с.
  9. Культурология: История мировой культуры: Учеб. Пособие. Под ред. Т.Ф. Кузнецовой. — Москва: Издательский центр «Академия», 2003. – 607 с.
  10. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. – М.: «Мысль», 1973. – 384 с.
  11. Бальчиндоржиева О. Б. Концепции государства в философских учениях Древнего Китая и их современное значение // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2020. – Вып. 1. – С. 32–38.
  12. Судзуки Д. Т. Основные принципы буддизма махаяны. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. — 382 с.
  13. Духовная культура Китая. Т. 2. Философия. Ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. – М.: Восточная литература, 2007. – 869 с.
  14. Драч Г. В. Взаимодействие культур в пространстве культурологического дискурса // Международные Лихачевские научные чтения/ 2018 год. «Контур будущего в контексте мирового культурного развития» /Секция 3. «Взаимодействие культур и современная культурология» – С. 404–405. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2018/dokladi/DrachGV_sec3_rus_izd.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
  15. Вебер М. пер. Кильдюшов О. Конфуцианская жизненная ориентация // Социологическое обозрение. – 2015. – №3. – С. 113–135.
  16. Культурология: Учебное пособие. Под ред. проф. Г.В. Драча. Москва, 2003. – 432 с.

ОБ АВТОРАХ

Ампикян Анжелика Галустовна	соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета (kff-kubsu@yandex.ru)
Батырева Кермен Петровна	кандидат философских наук, преподаватель художественного отделения, Колледж искусств им. П.О. Чонкушова (kermen77@yandex.ru)
Батырева Светлана Гарриевна	доктор искусствоведения, профессор кафедры калмыцкой литературы и журналистики Института калмыцкой филологии и востоковедения, Калмыцкий государственный университет (sargerel@mail.ru)
Гулевская Наталья Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент, учитель истории и обществознания ГБОУ школы 203 города Санкт-Петербурга (gulewskay@mail.ru)
Гулевский Алексей Николаевич	кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (gulewski@yandex.ru)
Грушевская Татьяна Михайловна	доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета (kff-kubsu@yandex.ru)
Джеваков Замба Мергенович	аспирант кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета
Димитрова Светлана Васильевна	доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия (sve-dimitrova@yandex.ru)
Ефремова Мария Павловна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и перевода, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург (efremova.mp@mail.ru)
Кальдинова Галина Павловна	кандидат социологических наук, заведующий отделом социологических исследований БНУ РК «ИКИАТ», доцент кафедры философии и культурологии ФБГОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова» (gala758@yandex.ru)

Корнеева Алия Хамидуллаевна	старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б.Городовикова» (bekmuratova_ah@mail.ru)
Кышпанакров Владимир Алексеевич	кандидат экономических наук, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакаский государственный университет им. Н.Ф. Катанова» (kyshpanakovv@mail.ru)
Кярова Мадина Алиевна	кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М.Кокова», Нальчик, Россия (mad-kyarova@yandex.ru)
Лиджиева Екатерина Николаевна	аспирант кафедры философии и культурологии Института калмыцкой филологии и востоковедения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (kmankhadykova@mail.ru)
Лысикова Ирина Васильевна	ассистент кафедры английского языка для экономических специальностей, аспирант кафедры английской филологии, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Надбитов Руслан Константинович	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова» (mezhcom@kalmsu.ru)
Петешова Ольга Викторовна	кандидат филологических наук, доцент ОНК Институт образования и гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (opeteshova@kantiana.ru)
Равочкин Никита Николаевич	доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук, Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф.Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий, Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Семёнова Елена Павловна	кандидат филологических наук, доцент ОНК Институт образования и гуманитарных наук БФУ им. И. Канта (ekhilko@kantiana.ru)

Серда Елена Александровна	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и переводоведения ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики», г. Санкт-Петербург, Россия (elena_sereda@mail.ru)
Файзиева Галина Владимировна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и технического перевода, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева
Хохолкина Лариса Константиновна	преподаватель филологических дисциплин Факультета среднего профессионального образования ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова» (fspo@kalmsu.ru)
Цюрюмов Александр Викторович	доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б.Городовикова»
Четыров Улюмджи Бадмаевич	учитель высшей категории МКОУ «Хартолгинская СОШ» (chetyrov@mail.ru)
Четырова Любовь Борисовна	доктор философских наук, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (chetyrova@gmail.com)
Шатохина Галина Николаевна	старший преподаватель кафедры романской филологии, Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева (galyaos@mail.ru)
Эрдниева Баина Доржиевна	аспирант кафедры философии и культурологии, инженер-исследователь научной лаборатории «Комплексные буддологические исследования», ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (baina.erdnieva@icloud.com)

ABOUT THE AUTHORS

Ampikyan Angelika	Applicant of the Department of French Philology, Faculty of Romano-Germanic Philology, Kuban State University (kff-kubsu@yandex.ru)
Batyreva Kermen	Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer of the Art Department, College of Arts named after P.O. Chonkushow (kermen77@yandex.ru)
Batyreva Svetlana	Doctor of Art Studies, Professor of the Department of Kalmyk Literature and Journalism, Institute of Kalmyk Philology and Oriental Studies, Kalmyk State University (sargerel@mail.ru)
Chetyrov Ulyumdzhi	A teacher of the highest category at the Khar-TolgaMunicipal High School. (chetyrov@mail.ru)
Chetyrova Lyubov	Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Samara University (chetyrova@gmail.com)
Dimitrova Svetlana	Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State University (sve-dimitrova@yandex.ru)
Dzhevakov Zamba	Postgraduate student of the Kalmyk state university
Efremova Mariya	Ph.D. in Philology, associate professor of English Philology and Translation Department at St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg (efremova.mp@mail.ru)
Erdnieva Baina	Post-graduate student of the Department of Philosophy and Cultural Studies, research engineer of the scientific laboratory «Complex Buddhist Studies», Kalmyk State University (baina.erdnieva@icloud.com)
Fayzieva Galina	Doctor of Philology, professor, Professor of the Department of English and Technical Translation, Astrakhan State University named after V.N. Tatischev
Grushevskaya Tatiana	Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology of Kuban State University (kff-kubsu@yandex.ru)

Gulevskaya Natalya	Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, teacher of history and social Studies, GBOU school 203 of the city of St. Petersburg (gulewskay@mail.ru)
Gulevsky Alexey	Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (gulewski@yandex.ru)
Kaldinova Galina	Candidate of Sociological Sciences, head. of Social Research Department of the Institute for Comprehensive Research of Arid Areas; Associate Professor of the Department of philosophy and Cultural studies, Kalmyk State University (gala758@yandex.ru)
Khokholkina Larisa	Teacher of philological disciplines of the Faculty of Secondary Vocational Education of the Kalmyk State University named after B.B.Gorodovikov (fspo@kalmsu.ru)
Korneeva Aliya	Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Intercultural Communication and Regional Studies, Kalmyk State University (bekmuratova_ah@mail.ru)
Kyarova Madina	Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov, Nalchik (mad-kyarova@yandex.ru)
Kyshpanakov Vladimir	Candidate of economy science, Doctor of Historical Science, Professor Khakas State University named after Katanov N.F. (kyshpanakovv@mail.ru)
Lidzhieva Ekaterina	Postgraduate student, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
Lysikova Irina	Assistant of the Department of English for Economic Specialties, postgraduate student of the Department of English Philology, Astrakhan State University named after V. N. Tatischev
Nadbitov Ruslan	Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Intercultural Communication and Regional Studies of the Kalmyk State University named after B.B.Gorodovikov (mezhcom@kalmsu.ru)

Peteshova Olga	Candidate of Philological Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (opeteshova@kantiana.ru)
Ravochkin Nikita	Doctor of philosophical science, Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, Kuzbass State Technical University named after T.F.Gorbachev; Associate Professor at the Department of Pedagogical Technologies, Kuzbass State Agricultural Academy
Semenova Elena	Candidate of Philological Sciences, Immanuel Kant Baltic Federal University (ekhilko@kantiana.ru)
Sereda Elena	Ph.D. in Philology, associate professor of Linguistics and Translation Department at St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint-Petersburg, Russia (elena_sereda@mail.ru)
Shatokhina Galina	Senior Lecturer, Department of Romance Philology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishcheva (galyaos@mail.ru)
Tsyuryumov Alexander	Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Kalmyk State University named after B.B.Gorodovikov

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARHEOLOGY

Batyreva S.G., Batyreva K.P.

THE ART OF KALMYKIA IN THE PRISM OF THE HISTORICAL MEMORY
(BASED ON THE WORKS OF GARYA ROKCHINSKY IN THE 1940s-1950s) 6

Kyshpanakov V.A.

NUMBER, COMPOSITION AND DISTRIBUTION OF KALMYKS
IN THE FEDERAL DISTRICTS OF RUSSIA (2010-2020) 16

Nadbitov R.K., Khokholkina L.K.

ON THE QUESTION OF THE TERRITORIAL AFFILIATION
OF THE SENKAKU ISLANDS (DIAOYU) 27

Tsyuryumov A.V.

THE KALMYK KHANATE IN INTERNATIONAL POLITICS
IN THE EARLY 1760s 34

PHILOLOGICAL SCIENCES

Grushevskaya T.M., Ampikyan A.G.

VERBALIZATION OF THE CONCEPT OF “EDUCATION” IN FRENCH AND RUSSIAN
LINGUOCULTURES 42

Korneeva A.Hk.

RUSSIAN, KALMYK AND CHINESE NAMES OF ANIMALS AND BIRDS
IN THE TOPONYMY OF THE REPUBLIC OF KALMYKIA AND CHINA.....49

Lysikova I.V., Fayziyeva G.V.

THE GENESIS OF GENDER RESEARCH ISSUES IN LINGUISTICS 59

Peteshova O.V., Semenova E.P.

HISTORICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS OF OICONYMS
IN THE KALININGRAD REGION.....66

Sereda E.A., Efremova M.P.

LITERARY TRANSLATION: RENDERING OF CULTURE-SPECIFIC UNITS..... 74

Shatokhina G.N.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING WARNING IN THE NEW TESTAMENT
TEXTS (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE).....82

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Gulevskaya N.A., Gulevsky A.N.

WAR AND PROGRESS: THE DIALECTIC OF INTERACTION 90

Dzhevakov Z.M.
CULTURAL AND CONFESSIONAL ASPECTS OF THE SECURITY
OF THE RUSSIAN STATE.....97

Dmitrova S.V., Kaldinova G.P., Kyarova M.A.
UTOPIA AS A PROJECT OF ALTERNATIVE OPPORTUNITIES
FOR SOCIAL DEVELOPMENT 103

Lidzhieva E.N.
HE SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF BUDDHISM..... 110

Ravochkin N.N.
TRANSFORMATION OF VALUES IN DIGITAL AGE..... 116

Chetyrova L.B., Chetyrov U.B.
THE IMPERIAL MYTH OF NATIONALITY AND ITS PROPAGANDA
BY POSTCARDS 125

Erdnieva B.D.
COMPREHENSION OF JUSTICE
IN THE CULTURAL AND PHILOSOPHICAL CONTEXT
OF ANCIENT CHINA.....133

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК КАЛМГУ»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: исторические науки и археология, филологические науки, философские науки.

2. Автором (ами) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

– текст статьи на русском или английском (с переводом) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);

– анкета автора (и соавторов);

– заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;

– справка с места учебы (для аспирантов).

В статью должно быть включено следующее:

– индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);

– фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;

– ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;

– аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;

– должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;

– e-mail;

– название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);

– ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);

– статья должна содержать список литературы (15–30 позиций). На каждую статью или монографию должна иметься отсылка в тексте статьи.

Требования к оформлению текста:

Объем текста статьи от 20 000 до 25 000 знаков, включая пробелы.

Набор текста осуществляется в формате MS Word. Гарнитура шрифта Times New Roman. Размер основного шрифта – 14 кегль. Межстрочный интервал для текста – одинарный. Абзацный отступ 1,25 одинаковый по всему тексту. Отбивка абзацного отступа пробелом и клавишей Tab не допускается. Формат страницы А4. Поля страницы (верхнее, нижнее, правое, левое) – 2 см. Текст набирается без переносов, режим «выравнивания по ширине».

Иллюстрации (рисунки, графики) располагаются в тексте статьи и выполняются в одном из графических редакторов (формат tif, jpg в градации серого), с соблюдением ГОСТ 2.304–81 ЕСКД «Шрифты чертежные». Допускается создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel». Рисунки и фотографии должны иметь контрастное изображение. Графики, таблицы и рисунки: черно-белые, без цветной заливки. Допускается штриховка.

Формат рисунка не более 12 см по ширине, толщина линий в рисунках не менее 0,75 pt. Рисунки, включающие текст, цифровые или буквенные обозначения, набираются соответствующим текстом шрифтом, индексом – не меньше 8 pt.

Под рамкой рисунка на расстоянии не менее 1 см располагается его номер и подписуочная подпись.

Рисунки в тексте статьи должны быть также выполнены отдельно в формате tif или jpg, иметь единую нумерацию и прилагаться к электронному варианту статьи.

Таблицы оформляются по форме: слово «Таблица» в правом верхнем углу, номер таблицы цифрами (если их более одной), название с большой буквы форматируется по центру таблицы. Содержимое ячеек следует располагать по центру. Если таблица занимает более одной страницы, ниже шапки таблицы на первой странице располагается строка нумерации колонок – по порядку слева направо, вторая и последующая страницы начинаются словами «Продолжение таблицы», далее повторяется строка нумерации. Таблицы размером менее одной страницы разрывать не следует. Размеры ячеек и таблицы в целом следует по возможности минимизировать. В таблице указываются единицы измерения, погрешность. Таблицы должны иметь единую нумерацию. В тексте формируется отсылка к таблице.

Библиографический список (References) оформляется после основного текста статьи на русском и английском языке (шрифт Times New Roman, начертание для заголовка – прописной жирный, кегль 14; для списка – строчный, кегль 14).

Редакция сообщает автору о решении по поводу публикации. В случае отрицательной рецензии редакция направляет автору рукописи мотивированный отказ. Рукописи по почте не возвращаются.

Аспиранты публикуют свои работы на бесплатной основе.

Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на сайте Калмыцкого государственного университета: <http://www.kalmsu.ru>.

«Вестник Калмыцкого университета» (возрастная категория 12+) издается для широкого ознакомления научной общественности с достижениями научных школ Калмыцкого государственного университета. В журнале публикуются результаты научных исследований по истории, филологии, философии. Авторами «Вестника КалмГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты университета, а также другие ученые, активно сотрудничающие с университетом.

Журнал «Вестник КалмГУ»
включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и типографии:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 г. Элиста, улица Пушкина, 11. Тел./факс: (847-22) 4-02-97
E-mail: vestnik.kalmgu@yandex.ru
Страница журнала на сайте КалмГУ:
<https://kalmgu.ru/category/vestnik-kalmgu/>

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Волгоградской области и Республике Калмыкия
(свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ34-00731 от 8 апреля 2016 г.)

Научный журнал

ВЕСТНИК
Калмыцкого университета

№1(57)/2023

Подписано в печать 28.03.2023 г.
Дата выхода в свет 31.03.2023 г.

Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 13,3.
Тираж 300 экз. Заказ №5221. Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11. Тел./факс: (84722) 39014